

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П. М. Машерова»

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА И ЧЕЛОВЕКА:
ПУТИ РЕШЕНИЯ
(ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА А. П. ОРЛОВОЙ)**

Сборник научных статей

Текстовое электронное издание

*Витебск
ВГУ имени П. М. Машерова
2024*

УДК 316.6:37.013(062)
ББК 88.5я431+74.6я431
С69

Издается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова». Протокол № 1 от 24.10.2024.

Составители: **Т. В. Савицкая, Н. Э. Шабанова**

Научный редактор:
заведующий кафедрой социально-педагогической работы ВГУ имени П. М. Машерова,
кандидат педагогических наук, доцент **Е. Л. Михайлова**

Ответственный за выпуск:
декан факультета социальной педагогики и психологии ВГУ имени П. М. Машерова,
кандидат исторических наук, доцент **С. А. Моторов**

Рецензенты:
международный эксперт Мультикультурного исследовательского центра Университета Хучжоу
(КНР), доктор педагогических наук, профессор *Л. В. Пироженко*;
профессор кафедры психологии ВГУ имени П. М. Машерова,
доктор исторических наук, профессор *В. А. Космач*

**Социально-психологические проблемы современного общества и человека:
пути решения (памяти профессора А. П. Орловой) : сборник научных статей / Витеб.
С69 гос. ун-т ; сост.: Т. В. Савицкая, Н. Э. Шабанова ; науч. ред. Е. Л. Михайлова ; отв. за
вып. С. А. Моторов. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2024. – URL: [https://
rep.vsu.by/handle/123456789/45853](https://rep.vsu.by/handle/123456789/45853). – Текст: электронный.**

ISBN 978-985-30-0201-0.

В сборнике научных статей, составленном по материалам международной научно-практической конференции «Социально-психологические проблемы современного общества и человека: пути решения (памяти профессора А. П. Орловой)», рассматривается широкий спектр вопросов по проблемам социально-психологической деятельности, образования и культуры в современном мире, а также по этнокультурным проблемам в поликультурном социуме.

Публикации, представленные в сборнике, предназначены для специалистов социальной сферы и образования, преподавателей и студентов вузов.

**УДК 316.6:37.013(062)
ББК 88.5я431+74.6я431**

Минимальные системные требования: PC, Pentium 4 или выше; RAM 1 Гб; Windows 7/10; Adobe Acrobat.
Для создания текстового электронного издания использованы текстовый процессор Microsoft Word и программа Adobe Acrobat XI Pro для создания и просмотра электронных публикаций в формате PDF.

Технический редактор
Компьютерный дизайн

*Г. В. Разбоева
А. В. Табанюхова*

Подписано к использованию 30.12.2024. Объем 2,78 Мб. Заказ 197.

Издатель – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П. М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ	6
Михайлова Е. Л. Педагогическое наследие А. П. Орловой	6
Безух С. М. Комплексное социальное сопровождение детей с нарушениями поведения и обучения	10
Болбас В. С. Яшчэ раз да асэнсавання этнічнай педагогікі	15
Буренина С. Ю. Особенности применения кейс-технологии в процессе обучения студентов с проблемами органов слуха и по проблемам лиц с нарушением органов слуха	23
Ермолич С. Я. Мотивация трудовой деятельности специалистов по социальной работе как фактор развития социальной сферы	31
Калинина С. Б. Исследование проблем коммуникации у детей старшего школьного возраста с нарушениями зрения как фактора социальной дезадаптации	38
Лебедева С. С. Профессиональное развитие специалистов по социальной работе, сопровождающих людей с инвалидностью в процессе их профессионального образования	44
Пироженко Л. В. Развитие системы непрерывного образования в КНР как педагогическая и социально-экономическая проблема	48
Рудковский Э. И. Формы ментальной агрессии в современных условиях	54
СЕКЦИОННЫЕ ДОКЛАДЫ	59
СЕКЦИЯ 1. СОЦИАЛЬНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТИ	59
Грук Е. Д., Поташёва Ю. Л. Проблемы формирования учебной деятельности в младшем школьном возрасте	59
Добрицкий В. Я. Совершенствование системы социального сопровождения семей участников СВО в учреждениях социального обслуживания	63
Киричик Е. С., Ярмольчик Е. В. Место семьи в иерархии ценностных ориентаций молодых женщин	69
Королькова Л. В., Коткова М. И. Программа коррекции проблемы одиночества у студенческой молодёжи	75
Кочубей О. С., Молостов А. С. Гендерные особенности проявления тревожности в подростковом возрасте	79
Медвецкая Н. М. Установки ценностного отношения к здоровью у студенческой молодежи	86
Орлова Ф. П., Шабашёва И. В. Семейное воспитание как фактор формирования личности подростка	91
Погодина Е. К., Никитина М. В. Виктимное поведение в юношеском возрасте и его профилактика	95

Погодина Е. К., Юденко В. А. Особенности аутоагрессивного поведения в подростковом возрасте	101
Шкапцова М. А., Минькова Ю. О. Обследование моторных функций у детей дошкольного возраста с алалией как часть логопедического обследования	105
Яворская А. В., Матюшкова С. Д. Формирование у старшеклассников представлений о взаимоотношениях между полами	111

СЕКЦИЯ 2. ЭТНОКУЛЬТУРА КАК ДЕТЕРМИНАНТА УСПЕШНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ .

Андрущенко Н. Ю. Роль краеведения в социальном воспитании подрастающего поколения (конец XIX – начало XX столетия)	117
Михайлова Е. Л. Развитие национального самосознания будущих специалистов социальной сферы средствами этнопедагогики	121
Міхайлаў С. І. Нацыянальная самасвядомасць і ідэнтычнасць студэнтскай моладзі	128
Савицкая Т. В. Этническая толерантность как составляющая национального самосознания	132
Ховайло О. В. Профессиональная идентичность в науке	137

СЕКЦИЯ 3. ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУБЪЕКТОВ СОЦИАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ И ПУТИ ИХ ОПТИМИЗАЦИИ

Амасович Н. В. Особенности воспитания основ патриотизма у воспитанников старшего дошкольного возраста в процессе ознакомления с художественной литературой о Великой Отечественной войне	143
Вакушенко Т. Д. Активное долголетие в представлениях населения ...	147
Демидов А. Б. Понятие притязания в психологии и философии права	153
Иванова Т. В., Шабашёва И. В. Особенности организации досуговой деятельности молодых инвалидов	159
Матюшкова С. Д., Фролова А. М. Представления молодежи о жизненном стиле людей пожилого возраста	164
Островская А. А. Профессиональный маршрут в коммуникативной среде организации: этапы формирования и векторы восприятия	169
Ставрова Е. Н., Шабашёва И. В. Организация культурно-досуговой деятельности пожилых граждан	175
Ясечко С. В. Проблема формирования гражданской компетенции будущих педагогов в условиях высшей школы	181
Чжоу Хунвей. Основные направления развития профессионального образования в контексте возрождения сельских районов в КНР	187

Liu Huaying. Study on the Interactive relationship between social education and individual psychological development	192
Chen Kangkang. Exploration of the Association between social support system and adolescent mental health education	200

СЕКЦИЯ 4. ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ СФЕР	209
Андрущенко Н. Ю., Меньшуткина А. Л. Профилактика отклоняющегося поведения несовершеннолетних	209
Биндовская В. С., Матюшкова С. Д. Формирование культуры согласия в разрешении социальных конфликтов у школьников	213
Ковальчук И. Н., Иваненко Л. А. Применение практико-ориентированного обучения при подготовке учителей математики	217
Королькова Л. В., Янкович А. С. Арт-терапия как инструмент социокультурной реабилитации молодых инвалидов	222
Матюшкова С. Д., Зайцева Ю. А. Оценка знаний будущих специалистов по социальной работе о применении информационно-коммуникативных технологий в деятельности территориальных центров социального обслуживания населения	228

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

УДК 37.013.8:39:001.32-051

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ А. П. ОРЛОВОЙ

Е. Л. Михайлова

Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова
(e-mail: elena-mikhaylova@rambler.ru)

Аннотация. В статье изложен жизненный и профессиональный путь профессора А.П. Орловой, ее становление как ученого, выдающиеся достижения на педагогическом и научно-исследовательском пути, личностные качества.

Ключевые слова: педагогика, этнопедагогика, научное и педагогическое наследие

THE PEDAGOGICAL LEGACY OF A. P. ORLOVA

E. L. Mikhaylova

Vitebsk, VSU named after P. M. Masherov
(e-mail: elena-mikhaylova@rambler.ru)

Abstract. The article describes the life and professional path of Professor A.P. Orlova, her formation as a scientist, outstanding achievements in teaching and research, personal qualities.

Keywords: pedagogy, ethnopedagogy, scientific and pedagogical heritage

Научный и профессиональный путь Анны Петровны Орловой длительностью чуть более 40 лет очень насыщен знаковыми событиями, достижениями, движением к цели, развитием ряда исследовательских направлений лично и вместе со своими учениками, взаимодействием с известными учеными в Республике Беларусь и за ее пределами. Ее трудовой путь был напрямую связан с родной Витебщиной и Alma Mater.

Окончив в 1977 году биолого-химический факультет Витебского государственного педагогического института имени С. М. Кирова, с 1977 по 1979 годы молодой педагог А. П. Орлова занималась учительской деятельностью, преподавая химию и биологию в школах Витебского района. В 1979 году Анна Петровна поступила в аспирантуру Научно-исследовательского института общих проблем воспитания Академии педагогических наук СССР (г. Москва), по окончании которой в 1982 году вновь вернулась в Витебский педагогический институт

имени С. М. Кирова в качестве преподавателя. В 1983 году А. П. Орлова успешно защитила кандидатскую диссертацию «Прогрессивные идеи и опыт народной педагогики в учебно-воспитательной работе белорусской школы 1917-1941 гг.».

Продолжив исследование в области народной педагогики, Анна Петровна в 1997 году защищает докторскую диссертацию по теме «Взаимосвязь и взаимодействие народной и научной педагогики в системе профессиональной подготовки учителя». В 1998 году исследователю была присуждена ученая степень доктора педагогических наук (специальность «Теория и методика профессионального образования»). С этого же года Анна Петровна возглавила кафедру социально-педагогической работы Витебского государственного университета имени П. М. Машерова.

Становление научной школы по этнопедагогике, которая функционирует и поныне, началось в 1982 году, поскольку основным направлением научных исследований в этот период стала проблема белорусской народной педагогики и преемственность народной и научной педагогики (1982-1988). Докторская диссертация А. П. Орловой «Взаимосвязь и взаимодействие народной и научной педагогики в системе профессиональной подготовки учителя» активизировала научный потенциал коллектива, привлекла ряд молодых исследователей и предопределила перспективные направления работы научной школы по этнопедагогике, истории педагогики и социальной педагогике.

Анна Петровна была настоящим патриотом своей Родины. Любовь к родной земле, белорусскому народу, его достижениям и накопленной веками мудрости Анна Петровна сумела запечатлеть в своих многочисленных трудах, а также вдохновить ею учеников. Благодаря педагогическому таланту, профессиональному мастерству и глубокой преданности народным истокам педагогики, А. П. Орловой удалось подготовить целую плеяду ученых-педагогов – подготовить 8 кандидатов педагогических наук. В настоящее время продолжают традиции и способствуют развитию научно-педагогической школы «Этнопедагогика» молодые исследователи.

За период профессиональной деятельности Анна Петровна оставила богатое научное и научно-методическое наследие – свыше 400 научных работ, в том числе, 5 монографий и более 40 учебных пособий, 11 из которых имеют гриф Министерства образования Республики Беларусь («Этнопедагогика: теория нравственного воспитания», «Валеалогія: этнапедагагічны аспект», «История педагогики», «История социальной педагогики»). Под руководством профессора был разработан авторский курс «Этнопедагогика». Научно-методическим учреждением «Национальный институт образования» Министерства образования Республики Беларусь рекомендованы для педагогов общеобразовательных учреждений и учреждений внешкольного воспитания и обучения пособия А.П. Орловой

«Народная педагогіка ў выхаваўчай рабоце школы», а такжэ «Народная педагогіка як сродак выхавання вучняў».

Анна Петровна Орлова являлась членом Международной педагогической Академии; членом докторского Совета по защите диссертаций Д 02.21.02 при УО «БГПУ им. М. Танка» (2003-2007 гг.) и экспертного Совета по педагогическим наукам ВАК (2007-2009 гг.); членом секции Межведомственного экспертного совета по направлению «Образование» (2011-2015) и членом научного совета по ГПНИ по направлению «Образование» (2016-2018); членом государственной комиссии по подготовке учебников и учебных пособий в гуманитарно-обществоведческой сфере (2016-2019); председателем Совета по защите диссертаций К 02.20.01 (2012-2017), с 2019 г. – членом Совета по защите диссертаций К 02.20.01 при ВГУ имени П. М. Машерова.

За кропотливый труд на ниве белорусской науки Анне Петровне в 2007 году был вручен Нагрудный знак «Отличник образования» Республики Беларусь. В числе наград – почетные грамоты Министерства образования Республики Беларусь (1998, 2003), Управления образования Витебского облисполкома (2005), Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (2012), Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь (2011, 2015), благодарность премьер-министра Республики Беларусь (2015).

Анна Петровна была ученым, известным не только в Республике Беларусь, но и за ее пределами. Коллеги из высших учебных заведений стран ближнего и дальнего зарубежья знакомы с научными достижениями и разработками профессора А. П. Орловой. В разные годы жизни Анна Петровна сотрудничала с педагогами, психологами, историками, искусствоведами из ведущих государственных и региональных вузов СНГ, среди которых – Российский государственный университет дружбы народов (Москва, Российская Федерация), Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева (Саранск, Российская Федерация), Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Смоленский гуманитарный университет (Смоленск, Российская Федерация), Белорусский государственный университет, Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка (Минск, Республика Беларусь) и др. Уделяя значительное внимание вопросам международного сотрудничества и культурного взаимодействия, Анна Петровна возглавляла международные проекты с Российской Федерацией. В тесном сотрудничестве со Смоленским гуманитарным университетом были успешно разработаны 2 научно-исследовательские темы: «Поликультурная среда вуза как условие реализации индивидуальной траектории профессионального становления будущего специалиста» (2010-2011 гг.); «Русский и белорусский фольклор как

фактор формирования этнической идентичности детей младшего школьного возраста в поликультурном социуме» (2015-2017 гг.).

Анна Петровна являлась руководителем проекта «Этнокультура как детерминанта, определяющая успешность профессиональной подготовки будущих специалистов социальной сферы в поликультурном социуме: этнопедагогический аспект» в рамках ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества», активно поддерживала научные контакты и коммуникации с коллегами из Смоленского гуманитарного университета (выполнено два совместных гранта), Мордовского государственного педагогического института им. М.Е. Евсевьева, являясь приглашенным руководителем проекта, Российским университетом дружбы народов, Институтом психологии и педагогики (г. Москва).

В рамках деятельности научно-педагогической школы «Этнопедагогика», начиная с 2005 года, организован ряд Международных и Республиканских научно-практических конференций на базе ВГУ имени П. М. Машерова, где актуализировались проблемы этнопедагогики.

Анна Петровна внесла значительный вклад в развитие отечественной педагогической науки в области этнопедагогики, социальной педагогики, истории педагогики и образования. О ее достижениях и профессиональной деятельности есть ряд публикаций в энциклопедиях, научных журналах, в сборниках научных статей и материалов конференций, периодических печатных изданиях.

Помимо профессиональных достижений А. П. Орловой нельзя не отметить ее человеческие качества. Всегда тактичная, рассудительная, чрезвычайно эрудированная, чуткая и внимательная, Анна Петровна была выдающимся ученым, прекрасным руководителем и исключительно талантливым педагогом.

Список использованных источников:

1. Научно-педагогические школы ВГУ имени П. М. Машерова : «Этнопедагогика» [Электронный ресурс] : научно-вспомогательный библиографический указатель / [сост. Н. Ф. Фидельская ; редкол.: И. А. Качмар (отв. ред.), Л. М. Писаренко, Л. В. Прожесмицкая, О. В. Шиман (вып. ред.) ; под общ. ред. Е. Я. Аршанского] ; М-во образования Республики Беларусь, Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова». – Электрон. текстовые дан. – Витебск, 2021. – Режим доступа: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/29494>. Дата доступа: 28.10.2024.

2. Научные школы учреждения образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова» : монография / [сост.: В. Н. Виноградов [и др.] ; под общ. ред. И. М. Прищепы] ; М-во образования Республики Беларусь, Учреждение образования «Витебский гос. ун-т имени П. М. Машерова». – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2014. – 146 с. - Режим доступа: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/14928>. Дата доступа: 28.10.2024.

КОМПЛЕКСНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ ПОВЕДЕНИЯ И ОБУЧЕНИЯ

С. М. Безух

Санкт-Петербург, ГИПСР (Российская Федерация)

(e-mail: smb5353@inbox.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы школьной дезадаптации, нарушения поведения детей и трудности в их обучении. Обсуждается связь данных нарушений с синдромом гиперактивности и дефицита внимания. Предлагаются алгоритмы комплексного социального сопровождения детей с проблемами в обучении и поведении с участием различных специалистов: врачей, психологов, педагогов, сотрудников социальной службы. Проводится параллель между уровнем репродуктивного здоровья населения и рождением детей с резидуально-органическими поражениями центральной нервной системы в перинатальном периоде.

Ключевые слова: школьная дезадаптация, синдром гиперактивности и дефицита внимания, социальное сопровождение, резидуально-органическое поражение центральной нервной системы, обучение, поведение.

INNOVATIVE APPROACHES TO COMPREHENSIVE SOCIAL SUPPORT FOR CHILDREN WITH BEHAVIORAL AND LEARNING DISORDERS

S. M. Bezukh

St. Petersburg, GIPSR (Russian Federation)

(e-mail: smb5353@inbox.ru)

Abstract. The article discusses the problems of school maladaptation, behavioral disorders in children and difficulties in their learning. The relationship between these disorders and attention deficit hyperactivity disorder is discussed. Algorithms for comprehensive social support of children with learning and behavior problems are proposed with the participation of various specialists: doctors, psychologists, teachers, social service workers. A parallel is drawn between the level of reproductive health of the population and the birth of children with residual organic lesions of the central nervous system in the perinatal period.

Keywords: school maladaptation, attention deficit hyperactivity disorder, social support, residual organic damage to the central nervous system, learning, behavior

Проблема школьной дезадаптации и трудностей, которые испытывают дети при обучении, в настоящее время становится всё более актуальной. На психологическое состояние детей, поступающих в школы, влияет достаточное число негативных факторов: тяжёлая социально-политическая и экономическая ситуация в стране, нестабильность доходов в семье, повышение агрессии в обществе, распространённость аддиктивных форм поведения как среди взрослых, так и среди подростков. Нередко семьи распадаются по разным причинам, и ребёнок воспитывается в неполной семье, где часто родитель проявляет педагогическую некомпетентность, не добавляет ребёнку тепла, заботы и любви. В результате у многих школьников формируется состояние незащищённости, появляется нежелание учиться или даже вообще посещать школу. Более того, нет мотивации к выбору каких-то любимых школьных предметов, а в дальнейшем и к желанию приобрести определённую профессию в будущем.

Предупредить кризисные ситуации и помочь детям адаптироваться к пребыванию в школе, развить в них стремление к обучению и познанию нового является задачей многих специалистов: врачей, психологов, педагогов и, в первую очередь, специалистов по социальной работе. Именно они должны проводить социальную диагностику семей, выявлять социальные и психологические проблемы и находить пути к их решению. Нередко дети с нарушениями школьной адаптации имеют проблемы со здоровьем. Совместная деятельность социальных служб и лечебных учреждений позволит своевременно выявить и устранить или уменьшить выраженность тех или иных заболеваний.

Неуспеваемость в учёбе приводят к различным невротическим реакциям у детей: раздражительность, неуправляемость в поведении, нередко проявления грубости в семье или со сверстниками в школе, нарушения сна, аппетита, постоянное ощущение усталости. В подобной ситуации необходимо установить являются ли данные эмоциональные нарушения причиной дезадаптации к школе, либо это клинические проявления синдрома гиперактивности и дефицита внимания с нарушением школьных навыков и тревожностью. Причиной данной нозологии является резидуально-органическое поражение центральной нервной системы, обусловленное перинатальной патологией: осложнённой беременностью и/или родами.

Цель исследования: выявить причины школьной дезадаптации и трудностей в обучении детей младшего и старшего школьного возраста и предложить программу их социального и медицинского сопровождения.

Материал и методы. 20 школьников 7–14 лет, обучающихся в различных школах г. Санкт-Петербурга и посещавших Центр социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Василеостровского района г. Санкт-Петербурга. Среди детей мальчиков было 8, девочек 12.

Методы исследования: анализ документации, анкетирование родителей, беседа с воспитателями детских садов, учителями школ, социальными работниками центра.

Результаты и их обсуждение. По данным медицинской документации, практически все дети переносили внутриутробную гипоксию плода. Беременность матерей осложнялась угрозой прерывания, многоводием, затылочным предлежанием головки плода, что устанавливалось посредством ультразвуковой диагностики беременных. У большинства матерей отмечалась прибавка в весе до 15–17 кг, отёки беременных, низкий гемоглобин крови. У некоторых женщин во время беременности обострялись хронические заболевания: бронхиальная астма, аутоиммунный тиреоидит. При оценке информации по течению родовой деятельности было выяснено, что у большинства женщин роды были раньше или позже нормального срока родов, отмечался длительный безводный период. В ряде наблюдений роды проходили путём кесарева сечения. Врачи отмечали, что до года у большинства детей было повышенное двигательное беспокойство, нарушения сна как дневного, так и ночного, плохая прибавка в весе, частые срыгивания. В возрастном периоде с двух-пяти лет у детей обнаруживались те или иные нарушения речи, позднее развитие мелкой моторики, неловкость и неуклюжесть при участии в играх с другими детьми.

Воспитатели детских садов отмечали рассеянность, недостаточную концентрацию внимания, быструю истощаемость во время проводимых занятий. Дети не могли долго играть, быстро отвлекались, были капризны, конфликтовали со сверстниками.

Из бесед с родителями следовало, что те дети, которые посещали детский сад, попав в школу, адаптировались к новым условиям жизни быстрее и успешнее, чем те дети, которые до школы не посещали дошкольных учреждений. Дети, поступившие в школу из домашней обстановки, с трудом воспринимали школьный режим. После перемены могли не вернуться на урок, забывали школьные принадлежности, уходили из школы не после окончания всех занятий, а тогда, когда им этого хотелось.

Со слов учителей школы, где обучались дети, наряду с проблемами социальной адаптации, наблюдались трудности при обучении. Детям было трудно высиживать целый урок, концентрации внимания на уроках хватало не более, чем на 10–15 минут. Дети очень быстро утомлялись, прекращали слушать учителя, вертелись, смотрели в окно, дразнили других детей, могли просто выйти из класса. Когда, уже в старших классах детям задавали домашнее задание, то они его выполняли только под контролем родителей, очень неохотно, постоянно отвлекались, просили дать полежать или просто говорили, что очень устали и хотят спать. В результате заданный материал не усваивался, и успеваемость оказывалась низкой. Дети не высказывали желания ходить в школу под предлогом плохого самочувствия. Наряду с трудностью обучения у детей от класса к классу ухудшалось поведение. Они становились капризными, раздражительными, конфликтными как со сверстниками, так и в семье.

Анализ данных анкетирования родителей и бесед с ними показал, что большинство детей воспитывалось в неполных семьях, только матерью и ба-

бушкой. Отцы практически не помогали даже материально содержать ребёнка. Матери были вынуждены заниматься зарабатыванием денежных средств, и даже домашние уроки с детьми делали бабушки. В ряде семей отцы проживали вместе с детьми, но были постоянные конфликты между родителями. В присутствии детей отцы могли кричать, нередко приходили домой в состоянии алкогольного опьянения и устраивать в семье конфликтные ситуации.

Неврологами поликлиник практически всем детям был поставлен диагноз синдрома гиперактивности и дефицита внимания. При осмотрах у врачей большинство детей предъявляли жалобы на плохой сон, утомляемость после школы [3, с. 101]. При объективном осмотре у детей выявлялись вегетативные нарушения: нестабильность артериального давления, повышенная потливость, рассеянная очаговая неврологическая симптоматика. При нейрофизиологическом контроле детей в поликлиниках определялись нарушения биоэлектрической активности головного мозга, свидетельствующие о недостаточной нейрофизиологической зрелости нейронов. Более того, запаздывает формирование регуляторных систем центральной нервной системы, ответственных за интегративные функции головного мозга [1, с. 204]. Подобные исследования подтверждали резидуально-органические поражения центральной нервной системы перинатального периода (течение беременности и родов) и являлись причиной развития данного синдрома.

Полученные результаты показали необходимость разработки комплексного медико-социального, психологического и педагогического сопровождения детей с проблемами школьной адаптации, обучения и поведения. Дети с синдромом гиперактивности и дефицита внимания должны систематически наблюдаться неврологом, получать немедикаментозную, а при необходимости и медикаментозную терапию [2, с. 18]. Прежде всего, необходимо обучить родителей наладить режим дня, включить прогулки на свежем воздухе, выезды за город или в парки, гуляния перед сном. Релаксационным действием обладает бальнеотерапия, например посещение бассейна или контрастные души. В зимнее время – это лыжи, катания на санях. Важно соблюдать циркадные ритмы – засыпать и просыпаться в одно время, принимать пищу также в одно время. Категорически исключить ночные сидения перед телевизором или гаджетами. Для улучшения контакта с детьми очень полезно читать вместе с ними какие-то классические литературные произведения, совместно посещать детские спектакли, ходить в музеи, на концерты, выставки, но главное вместе с детьми обсуждать увиденное или услышанное. К немедикаментозным методам лечения несомненно относится песочная терапия, арт-терапия, музыкотерапия, иппотерапия.

Сотрудники социальной службы обязаны как можно чаще проводить социальную диагностику семей, где воспитываются дети с такими нарушениями со стороны центральной нервной системы. Рекомендовано систематически проводить беседы с родителями, при необходимости совето-

вать родителям обратиться к семейному психотерапевту для улучшения микроклимата в семье.

Проблемы с обучением таких детей необходимо решать комплексным подходом. Нередко школьные учителя не понимают сути резидуально-органического поражения головного мозга, на фоне которого у ребёнка развились школьная дезадаптация, проблемы с поведением и обучением. Часто учителя считают, что подобные изменения поведения и трудности при обучении вызваны педагогической запущенностью, неблагополучной обстановкой в семье, отсутствием воспитания детей родителями [4, с. 204]. Данная позиция крайне вредна. Необходимо как можно чаще проводить беседы не только с учителями, но и приглашать на данные мероприятия врачей, наблюдающих этих детей.

Рекомендовано создавать более упрощённые обучающие программы, рассчитанные на когнитивные возможности детей с синдромом гиперактивности и дефицита внимания. Крайне важным является разработка программы физического воспитания данной группы детей. Как в школе, так и дома степень требований и поощрений по отношению к детям с синдромом гиперактивности и дефицита внимания должна базисно отличаться от таковой по отношению к здоровым детям.

Заключение. Почти 30% детей в России по результатам профилактических осмотров признаны полностью здоровыми, у 55% – нет хронических заболеваний, но есть функциональные нарушения, а примерно 15% – имеют хронические заболевания разной степени тяжести, следует из доклада об итогах работы Минздрава России в 2023 году. Люди репродуктивного возраста нередко страдают рядом таких заболеваний как сердечно-сосудистые, эндокринные, болезни желудочно-кишечного тракта, андрогенные и гинекологические заболевания. Вопрос о репродуктивном здоровье населения страны напрямую связан с проблемой резидуально-органического поражения центральной нервной системы новорождённых в перинатальном периоде. Задачей социальных служб, психологов, педагогов является разъяснительная работа с населением, популяризация здорового образа жизни, формирование ответственности у молодых людей за рождение здорового потомства. Комплексная работа различных специалистов-врачей, психологов, социальных работников, педагогов позволит улучшить репродуктивное здоровье населения, а также проводить адекватное и эффективное сопровождение детей из группы риска-детей с резидуально-органическим поражением центральной нервной системы в перинатальном периоде.

Список использованных источников:

1. Безруких, М. М. Возрастная физиология (физиология развития ребенка) / М.М. Безруких, В.Д. Сонькин, Д.А. Фарбер. – Москва : Ассфета, 2002. – 412 с.
2. Морозова, Е. А. Синдром дефицита внимания и гиперактивности: новое в понимании и подходах к лечению / Е.А. Морозова, А.А. Мадякина // Русский журнал детской неврологии. – 2019. – №14(1). – С.14–25

3. Суворинова, Н. Ю. Синдром дефицита внимания с гиперактивностью у детей и подростков: возможности современной терапии / Н.Ю. Суворинова // Педиатрия (Прил. к журн. Consilium Medicum). – 2018. – № 3. – С. 99–106.

4. Чутко, Л. С. Психосоматическая неврология: руководство для врачей / Л.С.Чутко, Н.Н.Петрова. – Москва : МЕДпресс-информ, 2021. – 320 с.

УДК 37.011

ЯШЧЭ РАЗ ДА АСЭНСАВАННЯ ЭТНІЧНАЙ ПЕДАГОГІКІ

В. С. Болбас

Мазыр, МДПУ імя І. П. Шамякіна

(e-mail: bolbasws@yandex.ru)

Анатацыя. Апора на вывераны паняццйна-тэрміналагічны апарат у сучасных этнапедагагічных даследаваннях, дазваляе сістэматызаваць выкарыстоўваемы матэрыял, надаваць яму цэласнасць і лагічна ўпісваць у сістэму навуковых ведаў. З гэтых пазіцый у артыкуле зроблена спроба крытычнага аналізу азначэнняў асноўных паняццяў этнапедагогікі, як аднаго з відаў педагогікі. Прапануюцца, адрозныя ад агульнапрынятых, дэфініцыі такіх паняццяў, як “народная педагогіка”, “народнае выхаванне”, “этнічная педагогіка”, якія дазваляюць некалькі па-новаму ацаніць спадчыну традыцыйнай педагагічнай культуры і вызначыць ролю этнічнай педагогікі не толькі ў этнакультурным фарміраванні асобы і далучэнні яе да агульначалавечых каштоўнасцей, але і ў эфектыўным забеспячэнні любых адукацыйных працэсаў праз выкананне патрабаванняў прынцыпу культураадпаведнасці.

Ключавыя словы: этнас, народ, этнопедагогіка, народная педагогіка, этнічнае выхаванне, народнае выхаванне.

ONCE AGAIN TO UNDERSTANDING ETHNIC PEDAGOGICS

V. S. Bolbas

Mazyr, MGPU named after I. P. Shamyakin

(e-mail: bolbasws@yandex.ru)

Abstract. Relying on a verified conceptual and terminological apparatus in modern ethnopedagogical research makes it possible to systematize the material used, give it integrity and logically fit into the system of scientific knowledge. From these positions, the article attempts to critically analyze the definitions of the basic concepts of ethnopedagogy as one of the types of pedagogy. Definitions of such concepts as "folk pedagogy", "folk education", "ethnic pedagogy" are proposed, which differ from the generally accepted

ones, allowing to evaluate the heritage of traditional pedagogical culture in a slightly new way and determine the role of ethnic pedagogy not only in the ethno-cultural formation of personality and its introduction to universal values, but also in the effective provision of any educational processes through the fulfillment of the requirements of the principle of cultural conformity.

Keywords: ethnos, people, ethnopedagogy, folk pedagogy, ethnic education, folk education.

Сучасныя тэндэнцыі развіцця цывілізацыі характарызуюцца значным уплывам глабалізацыйных працэсаў, якія маюць вельмі супярэчлівы характар. Трэба прызнаць, што глабалізацыя ва ўсіх сферах жыцця – гэта цяперашняя рэальнасць. І калі яе матэрыяльныя праявы ў цэлым выклікаюць станоўчыя ацэнкі і ўсялякую падтрымку, то яе культурны складнік спараджае сур’ёзныя сумневы і абгрунтаваную трывогу, бо выразная тэндэнцыя да уніфікацыі і вестэрнізацыі затушоўвае нацыянальна-культурную самабытнасць, разбурае жыццесцвярджальную палітру мультыкультурнага развіцця грамадства.

Сацыякультурныя каштоўнасці невялікага ліку індустрыяльна развітых дзяржаў, што актыўна распаўсюджваюцца на планеце, не проста збядняюць сусветную культуру, а ўносяць істотную сацыяльную напружанасць, якая падчас даходзіць да сур’ёзных этнічных канфліктаў. Асобныя амерыканскія ідэолагі не хаваюць намеру, што экспартуемая масавая культура падрывае асновы іншых нацыянальных культур і, што ў адрозненне ад звычайных заваёўнікаў, іх не задавальняе простае падпарадкаванне, яны маюць патрэбу, каб іншыя капіявалі і распаўсюджвалі навязаныя звонку каштоўнасці. У гэтым кірунку яны, на жаль, дабіваюцца пэўных поспехаў. Як канстатуюць даследчыкі, многімі сучаснымі людзьмі такія мадэрнісцкія “заходнія шаблоны апрыёры ўспрымаюцца як больш развітыя і дасканалыя” [1, с. 46]. Распаўсюджванне ў якасці універсальных, чужых грамадскіх нормаў і каштоўнасцяў, цягне за сабой страту сваёй нацыянальнай культуры, сваёй унікальнасці і самабытнасці, а потым ужо незалежнасці і самастойнасці.

У адказ на глабалізацыйныя тэндэнцыі развіцця культуры паўсюдна паралельна з узмацненнем універсалізму падымаецца значнасць унікальнага, нацыянальна-культурнага, індывідуальна-асобаснага, назіраецца дынамічны рост этнічнай і канфесійнай актыўнасці. Варта адзначыць, што, у сваю чаргу, працэсы этнізацыі могуць набыць тэндэнцыі міжэтнічнага расслаення, адасобленасці, пераходзячы ў нацыянальную нецярпімасць і непрымірымасць. Відавочна, што самаізаляцыя ад глабальных працэсаў у цяперашні час не толькі цяжкаажыццявіма, але і, як ні парадасальна гучыць, тармозіць развіццё

нацыянальнай культуры. Па сутнасці, усе вывераныя жыццём і часам этнанацыянальныя каштоўнасці ўяўляюць сабой нацыянальную інтэрпрэтацыю агульначалавечых каштоўнасцяў. Культурная глабалізацыя пры ўмове захавання ў кожнай культуры своеасаблівасцей можа весці да культурнай разнастайнасці праз ўзаемнае ўзбагачэнне. Таму сама пастаноўка пытання – глабалізацыя або этнізацыя – неправамерная. Важна ўмела сумяшчаць глабальнае і лакальнае. Без глыбокага і поўнага засваення сваёй культуры чалавек не можа далучыцца да агульначалавечых каштоўнасцей, падняцца на вяршыні агульнасусветных культурных дасягненняў. У значнай ступені гэтая задача вырашаецца праз сістэму адукацыі, якая ставіць сваёй мэтай фарміраванне мультыкультурнай асобы, як носбіта культуры свайго этнасу, але і здольную выйсці за рамкі сваёй этнічнасці, разумець і прымаць культуру іншых народаў.

Важкая роля ў гэтым працэсе адводзіцца дасягненням народнай, этнічнай педагогікі. Невыпадкова заснавальнік гэтага навуковага напрамку Г. Н. Волкаў назваў этнапедагогіку педагогікай нацыянальнага выратавання [2]. Таму больш эфектыўнаму выкарыстанню дасягненняў народна-педагагічнай мудрасці павінны спрыяць глыбокія, ўсебаковыя даследаванні гэтага феномену, пачынаючы з сутнасці самога паняцця, яго тэрміналагічнага прадстаўлення. Наогул, адэкватнае адлюстраванне найважнейшых паняццяў у навукова абгрунтаваных тэрмінах з'яўляецца неабходнай умовай як для распрацоўкі тэарэтычных пытанняў выхавання і навучання, так і для практычнай іх арганізацыі. У сувязі з гэтым прафесар В. М. Палонскі справядліва адзначае: “Тэрмін выступае своеасаблівым каталізатарам, крыніцай пастаноўкі і ўсведамлення праблемы. У залежнасці ад трактоўкі тэрміна можа быць дадзена аб'ектыўная або памылковая ацэнка фактычнага становішча спраў” [3, с. 56].

Да цяперашняга часу досыць трывала зацвердзілася меркаванне, што базавыя паняцці і тэрміны этнапедагогікі ў асноўным упарадкаваны, вызначаны і абгрунтаваны. Лічыцца, што вырашана ключавое пытанне: размежаванне тэрмінаў “народная педагогіка” і “этнапедагогіка”. У абсалютнай большасці навуковых прац, навучальных дапаможнікаў этнапедагогіка разглядаецца як навука, якая вывучае народную педагогіку, а народная педагогіка – як сінтэз поглядаў, ідэй і практычнага вопыту народа ў сферы выхавання. Адзначаючы небезпадстаўнасць дадзеных азначэнняў, хацелася б выказаць меркаванні аб правамернасці падобнай катэгарычнасці і безапеляцыйнасці ў трактоўках такіх неадназначных і шматмерных паняццяў.

Падаецца не зусім апраўданым аб'яднанне народнай выхаваўчай практыкі і ідэй народа аб выхаванні ў паняцце “народная педагогіка”. У гэтым плане ў якасці метадалагічнай устаноўкі можна прыняць цалкам абгрунтаванае зацвярджэнне М. А. Галагузавай: “Пры вырашэнні

змястоўных пытанняў, якія ўзнікаюць пры увядзенні таго, ці іншага паняцця ў педагогічных даследаваннях неабходна памятаць, наколькі прапанаванае вызначэнне дазваляе выразна і адназначна вылучыць педагогічны аб’ект або з’яву, зафіксаваныя ў паняцці, у якой меры ўласцівасці і адносіны, адлюстраваныя ў паняцці, адпавядаюць рэальнай педагогічнай рэчаіснасці або разглядаанай тэарэтычнай канцэпцыі” [4, с. 87].

У пэўным сэнсе паняцце “народная педагогіка” выступае ў якасці відавочна ў адносінах да паняцця “педагогіка”, таму да народнай педагогікі лагічна адносіць цэласную сукупнасць эмпірычных ведаў, ўстойлівых поглядаў, характэрных ідэй народа аб выхаванні, не дадаючы сюды практычны вопыт [5, с. 20]. У такім выпадку выконваецца карэктнасць падыходаў, калі пад педагогікай разумеецца навука (сукупнасць ідэй) і пры яе разглядзе на ўзроўні народнай культуры і на акадэмічным узроўні асэнсавання. А народна-выхаваўчая практыка ўяўляе сабой народнае выхаванне – арганізаваны ў народным асяроддзі ва пазаінстытуцыянальных традыцыйна-бытавых формах працэс перадачы-набыцця назапашанага сацыяльнага вопыту. Інакш атрымліваецца, што, пераносячы тэрмін “педагогіка” з акадэмічнай сферы ў сферу народнай культуры мы не захоўваем яго паняццёвы сэнс, дапушчаючы тым самым сур’ёзны метадалагічны пралік. Дарэчы, народная псіхалогія і этнічная псіхалогія – абедзве вызначаюцца як навукі. Ды і на пачатковых этапах вывучэння народнай педагогікі многімі навукоўцамі яна разглядалася як “народная навука”. Першы ў СССР яе даследчык Р. С. Вінаградаў вызначыў народную педагогіку як “сукупнасць і ўзаемадзеянне народных уяўленняў, поглядаў на жыццё, на выхаванне і навучанне новых пакаленняў, на мэты і задачы выхавання і навучання, сродкі і шляхі ўздзеяння на падростаючае пакаленне” [6, с. 43]. Г. Н. Волкаў даў ёй такое азначэнне: “Народная педагогіка – гэта сукупнасць педагогічных звестак і выхаваўчага вопыту, якія захаваліся ў вуснай народнай творчасці, звычаях, абрадах, дзіцячых гульнях і цацках і да т. п. Народная педагогіка прадугледжвае даследаванне педагогічнай культуры мас, выпрацаванай тысячагадовым вопытам чалавецтва і існуючай да нашых дзён” [7, с. 46].

Наогул, калі пад народнай педагогікай разумеюцца сукупныя педагогічныя веды і выхаваўчы вопыт народа, то трэба мець на ўвазе, што народныя веды, ідэі, погляды і ёсць вынік асэнсавання, абагульнення назапашанага вопыту, з дапамогай якіх ён і перадаецца наступным пакаленням. Усякае ж набыццё вопыту шляхам пераймання, праз дзеянні па ўзоры, без спецыяльнай арганізацыі працэсу не ўваходзіць у сферу выхавання і ўяўляе сабой банальны ўплыў навакольнага асяроддзя. Адсюль вынікае, што будзе больш апраўдана і навукова абгрунтавана пад народнай педагогікай разумець менавіта вынік асэнсавання выхаваўчага вопыту, само ж яго выкарыстанне – сфера практыкі, выхавання.

У адваротным выпадку назіраецца такое змешванне паняццяў, што “народнае выхаванне” і “народная педагогіка” тлумачацца як сінонімы: “Паняцце ”традыцыйнае народнае выхаванне” ў шырокім сацыяльна-педагагічным сэнсе (інварыянтаў выхавання) з’яўляецца сінонімам паняцця “народная педагогіка” [8, с. 34]. Падобная сінанімізацыя, на наш погляд, дапушчальная толькі на ўзроўні традыцыйна-бытавой культуры і не вышэй. Безумоўна, у народнай педагагічнай культуры гэтыя феномены цесна звязаныя паміж сабой. Але гэта не што іншае, як адна з іх асаблівасцяў, што, дарэчы, трэба браць на ўзбраенне сучасным тэарэтыкам і практыкам. Непасрэдная, арганічная сувязь з жыццём як раз і забяспечвае выніковасць народнай выхаваўчай сістэмы. Педагагічнымі мэтамі і задачамі да такой ступені ненавязліва і тонка напоўнены ўсе сферы і канкрэтныя моманты рэальнага жыцця, што выхаванцы практычна не адчуваюць на сабе спецыяльнага выхаваўчага ўздзеяння.

Такая завуалюванасць выхаваўчых мер, іх арганічнае ўпляценне ў рэаліі жыцця робіць народнае выхаванне настолькі натуральным, што часам цяжка правесці мяжу паміж спецыяльна арганізаваным выхаваўчым працэсам і звычайным уплывам навакольнага асяроддзя. Гэта дае падставу асобным сучасным навукоўцам памылкова адносіць да народнага выхавання любыя працэсы сацыялізацыі асобы. Так, Э. Р. Хакімаў пад народным выхаваннем разумее не толькі мэтазгодна арганізаваныя, але і ”ў асноўным працэсы, якія працякаюць стыхійна” [9, с. 50]. Г. У. Нездямкоўская лічыць, што ”выхаванне ў народнай педагогіцы **заўсёды** [выдзелена намі. – В. Б.] носіць скрытны характар” [10, с. 69]. З такімі высновамі ніяк нельга пагадзіцца. Народнае выхаванне нязменна мае характар спецыяльна арганізаванага працэсу, іншая справа, што гэтая “спецыяльная арганізаванасць” народнай мудрасцю, як падкрэслена вышэй, настолькі філігранна ўплецена ў штодзённасць, што не заўсёды відавочна праглядаецца, і ў гэтым – найвялікшая сіла народнай педагогікі.

Прынцыпова важнай рысай, асаблівасцю народнай педагогікі з’яўляецца адсутнасць канкрэтнага аўтара яе ідэй. Усе яны створаны калектыўным народным геніем і прайшлі праверку жыццём і часам. Відавочна, што генезіс сусветнага гісторыка-педагагічнага працэсу бярэ першапачатак менавіта з народнай педагогікі і народнага выхавання. Асаблівасць навуковай педагогікі заключаецца ў тым, што яна адбірае агульнае, уласцівае ўсім народам і вызначае усеагульныя заканамернасці выхавання. У працэсе развіцця ідэй выхавання ў рамках акадэмічнай педагогікі ствараецца эксперыментальна-даследчы кірунак, многія ідэі канкрэтных аўтараў, набываюць самастойную значнасць. У народнай жа педагогіцы эксперыментальнай пляцоўкай з’яўляецца сама жыццё, а часовыя адрэзкі ”апрабацыі” вельмі вялікія.

Імклівае развіццё цывілізацыі абумоўлівае дынаміку змен педагогічных ідэй. З’яўляецца рэальная небяспека іх адрыву ад сваіх першаасноў, бо рашучыя змены ў арганізацыі жыццядзейнасці чалавека павінны ўлічваць тое, што эвалюцыйна сам чалавек як псіхафізічная істота досыць кансерватыўны. Таму з пункту гледжання прыхільнасці да сваіх каранёў, уліку этнанацыянальных асаблівасцей, як вельмі дзейсных фактараў фарміравання асобы, сёння як ніколі запатрабаваны зварот да ключавых каштоўнасцяў народнай педагогікі і этнапедагогікі. Іх аксіялагічны аспект, што ахоплівае каштоўнасці традыцыйнага выхавання, цесна звязанага з ментальнасцю народа, забяспечыць устойлівую пераемнасць у сучасных адукацыйных працэсах як найважнейшай ўмовы эфектыўнасці апошніх.

Пры гэтым разуменне этнапедагогікі ў якасці найважнейшага складніку педагогічнай культуры таксама ўяўляецца далёка не поўным, бо не адлюстроўвае усю яе шматграннасць і спецыфічнасць. Як было сказана вышэй, у апошні час у навуцы трывала зацвердзіўся падыход разгляду этнапедагогікі як акадэмічнай навукі, што вывучае народную педагогіку. Такі падыход, вядома, мае права быць, але ўвогуле ён значна звужае сутнасць і змест феномена этнічнай педагогікі як з навуковага, так і з практычнага пунктаў гледжання. Па-першае, пры такім падыходзе мы міжволі змяняем патэнцыял народнай мудрасці, звужаем магчымасць стварэння ёю вывераных, абагульняючых ідэй, здольных эфектыўна ўплываць на практыку жыцця, у дадзеным выпадку – на выхаванне падрастаючых пакаленняў, аб чым гаварылася раней. Па-другое, мы яе прадметам замест этнічнага выхавання практычна робім толькі народнае выхаванне, фактычна атаесамліваючы іх, што ніяк не апраўдана. Дастаткова выразна размяжоўвае народнае выхаванне і этнічнае А. М. Панькін: “Этнічнае выхаванне – гэта мэтанакіраванае ўзаемадзеянне пакаленняў, у выніку якога фарміруецца этнічная самасвядомасць, адэкватнае стаўленне да сябе як да суб’екта этнасу, пачуццё гонару за свой этнас, становіцца стаўленне да мовы, гісторыі, культуры свайго этнасу, а таксама пачуццё павягі і талерантнасці да прадстаўнікоў іншых этнасаў. Сутнасць этнічнага выхавання заключаецца ў захаванні, фарміраванні і развіцці этнічнай самабытнасці асобы, яе культуры, самасвядомасці, мовы, на аснове пераемнасці пакаленняў з улікам змянення умоў” [11, с. 67]. Навуковец робіць акцэнт на тым, што этнічнае выхаванне вырашае задачы фарміравання асобы як прадстаўніка свайго этнасу, выразніка яго асаблівасцяў і інтарэсаў. А ў змест народнага выхавання ўваходзяць і многія іншыя пытанні, не звязаныя з этнічнай культурай.

Этнічнай педагогікай сапраўды павінен вывучацца вопыт этнічнага выхавання, які ў асноўным заключаны ў народнай педагогіцы, але не толькі ў ёй. Прадметам яе разгляду можа быць выхаванне прывілеяваных слаёў

канкрэтнага этнасу, погляды, ідэі асобных вучоных па праблемах этнанацыянальнага выхавання і інш. Пры цяперашнім разуменні этнапедагагікі ўсё гэта застаецца па-за яе сферай.

Калі пад народнай педагогікай разумець сукупнасць ідэй народа аб выхаванні, то не зразумела, чаму мы не можам народную педагогіку канкрэтнага этнасу называць этнапедагагікай. Лагічна сцвярджаць, што этнічная педагогіка настолькі адрозніваецца ад народнай, наколькі паняцце “этнас” адрозніваецца ад паняцця “народ”. Прынцыповая розніца паміж імі ў тым, што этнічная педагогіка больш выразна паказвае, па-першае, на сваё аўтарства (канкрэтны этнас), па-другое, на вобласць яе прымянення (гэты ж этнас). Дарэчы, у выпадку, калі пад этнасам разумеюць народ, паняцці “народная педагогіка” і “этнічная педагогіка” практычна супадаюць. Не выпадкова Г. Н. Волкаў падкрэсліваў, што “народная педагогіка, як і народнае выхаванне, нацыянальна арыентаваная: народнае і нацыянальнае ў дадзеным выпадку тоесныя, складаюць сінонімы” [12, с. 25]. Калі абстрактна выказаць здагадку, што народная педагогіка распрацоўвала б нейкія агульныя для ўсіх людзей ідэі выхавання, то этнічнай яе можна было б назваць толькі па месцы прывязкі генезісу гэтых ідэй. Нешта падобнае характэрна для народнай медыцыны, калі тыя ці іншыя сродкі і метады лячэння ўяўляюць адначасова этнічную і народную (кітайская, японская і г. д.) медыцыну як дасягненне медыцынскай культуры канкрэтнага народа, а яе вынікі можна выкарыстоўваць практычна ўсім жыхарам планеты. Аналагічнае можна назіраць і ў народнай метэаралогіі, народнай аграноміі і да т. п.

Звужэнне паняцця этнапедагагікі да навукі аб народнай педагогіцы не дазваляе ўключыць у яе змест ідэі, навуковыя распрацоўкі асобных навукоўцаў аб асаблівасцях этнічнага, нацыянальнага выхавання ў канкрэтнай супольнасці (этнас, нацыя і г. д.). Таму з’яўляюцца прапановы дадаткова да этнічнай педагогіцы ствараць яшчэ нацыянальную педагогіку, якая б разглядала гэтыя пытанні [13, с. 79].

Зыходзячы з вышэй прыведзеных меркаванняў пад этнічнай педагогікай варта разумець: 1) цэласную сукупнасць эмпірычных ведаў, ўстойлівых поглядаў, характэрных ідэй этнасу аб выхаванні (інакш: народная педагогіка пэўнай этнічнай супольнасці); 2) навуку, якая вывучае народную педагогіку і народнае выхаванне, а таксама асаблівасці выхавання, характэрныя для этнасу. Падкрэслім, гаворка ідзе не толькі аб вывучэнні народнай педагогікі, а і аб пытаннях этнанацыянальнага выхавання ў цэлым. Як справядліва адзначаюць расійскія навукоўцы “вопыт народнай педагогікі толькі частка таго, што ўваходзіць у структуру і змест нацыянальнага адукацыі” [8, с. 22]. Такім чынам, калі педагогіка з’яўляецца навукай аб выхаванні наогул, то этнічная педагогіка – навука аб этнічным выхаванні.

Адзначаючы важную ролю этнапедагогікі ў этнокультурном выхаванні якое забяспечвае "нацыянальнае выратаванне" праз фарміраванне нацыянальнай самасвядомасці, этнанацыянальную ідэнтыфікацыю, хацелася б звярнуць увагу на яе яшчэ больш важную ролю ў арганізацыі любога педагагічнага працэсу. Бо ў значнай ступені з апорай на асаблівасці этнічнай педагогікі рэалізуюцца патрабаванні прынцыпу культуразгоднасці выхавання, які з'яўляецца базавым прынцыпам, непасрэдна і эфектыўна ўплываючым на вынікі ўсяго працэсу. Але чамусці гэтая найважнейшая яе функцыя застаецца па-за полем гледжання і навукоўцаў-тэарэтыкаў і педагогаў практыкаў. Па сутнасці ж, гэта ключавы аспект арганізацыі любых адукацыйных працэсаў. Адсюль вынікае, што этнапедагагічная падрыхтоўка настаўніка з'яўляецца неабходным і важным складнікам яго прафесійнай кампетэнтнасці.

Такім чынам этнапедагогіка забяспечвае рашэнне трох узаемазвязаных і ўзаемаабумоўленых стратэгічных задач сучаснай адукацыі:

- садзейнічае этнакультурнаму фарміраванню і этнанацыянальнай самаідэнтыфікацыі асобы;
- спрыяе натуральнаму далучэнню да сусветных, агульначалавечых каштоўнасцяў;
- забяспечвае эфектыўнасць любога адукацыйнага працэсу.

Акрамя гэтага, яна уносіць істотны ўклад у рашэнне мноства больш прыватных канкрэтных задач сучаснай педагагічнай тэорыі і практыкі, такіх, напрыклад, як сувязь навучання і выхавання з жыццём, стварэнне адукацыйнай прасторы, гнуткасць і варыятыўнасць выхаваўчых падыходаў і шмат іншых.

Спіс выкарыстаных крыніц:

1. Касаткин, П. И. Глобализация культуры: проблемы и перспективы / П. И. Касаткин // Власть. – 2017. – № 8. – С. 40-48.
2. Волков, Г. Н. Этнопедагогика как педагогика национального спасения / Г. Н. Волков // Сибирский педагогический журнал. – 2004. – № 1–. С. 194-198.
3. Полонский, В. М. Понятийно-терминологический аппарат педагогики и образования. / В. П. Полонский // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2017. –Том 3, №2. – С. 54-60.
4. Галагузова, М. А. О роли понятийно-терминологического аппарата педагогических исследований / М. А. Галагузова // Сибирский педагогический журнал. – 2010. – №1. – С. 86-91.
5. Болбас, В. С. Этнопедагогический тезаурус: разведение понятий / В. С. Болбас // Педагогика. – 2014. – № 5. – С. 17-26.
6. Виноградов, Г. С. Народная педагогика : [Отрывки и наброски] / Г. С. Виноградов. – Иркутск : Изд. Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества, 1926. – 30 с.
7. Волков, Г. Н. Этнопедагогика. / Г. Н. Волков. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1974. – 376 с.

8. Нездемковская, Г. В. Зарождение и развитие этнопедагогики России : монография / Г. В. Нездемковская. – Москва : Эдитус, 2011. – 307 с.
9. Хакимов, Э. Р. Этнопедагогика как наука: предмет, функции, основные категории / Э. Р. Хакимов // Вестник Удмуртского университета. – 2007. – № 9. – С. 9-51.
10. Нездемковская, Г. В. Актуальные проблемы развития этнопедагогики на современном этапе / Г. В. Нездемковская // Мир образования – образование в мире. – 2010. – № 1. – С. 66 – 73.
11. Панькин, А. Б. Формирование этнокультурной личности: Учеб. пособие / А. Б. Панькин. – М. : Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж : Издательство НПО «МОДЭК», 2006. – 279 с.
12. Волков, Г. Н. Этнопедагогика: предмет, проблемы, современные поиски / Г. Н. Волков // Становление этнопедагогики как отрасли педагогической науки: Материалы международной научной конференции (6-7 декабря 2001 г.). – Элиста: АПП «Джангар», 2003. – С. 22-40.
13. Морозов, С. Б. Этнопедагогика и концепция национального образования: тезисы / С. Б. Морозов // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России, 21 декабря 2001 г.: материалы II Всероссийских научных чтений. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. – С. 78-80.

УДК 376.3

**ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ КЕЙС-ТЕХНОЛОГИИ
В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ С ПРОБЛЕМАМИ
ОРГАНОВ СЛУХА И ПО ПРОБЛЕМАМ ЛИЦ
С НАРУШЕНИЕМ ОРГАНОВ СЛУХА**

С. Ю. Буренина

*Псков, ПсковГУ (Российская Федерация)
(e-mail: lanabur@yandex.ru)*

Аннотация. В статье рассматривается возможность создания необходимого методического инструментария в процессе обучения студентов с нарушением органов слуха с использованием кейс-технологии по предлагаемому курсу. Автор приводит в качестве примера кейс, содержащий организацию процесса социальной инклюзии посредством включения в волонтерскую деятельность детей с нарушением органов слуха. Важен и значим в статье исследовательский компонент, изучающий значимость для социальной инклюзии волонтерской деятельности для детей данной категории.

Ключевые слова: обучающийся, с ограниченными возможностями здоровья, кейс – технологии, компетенции, социальная инклюзия, дети с нарушением органов слуха, волонтерская деятельность.

FEATURES OF THE USE OF CASE TECHNOLOGY IN THE PROCESS OF TEACHING STUDENTS WITH HEARING PROBLEMS AND PROBLEMS PERSONS WITH HEARING IMPAIRMENT

S. Y. Burenina

Pskov, Pskov State University (Russian Federation)

(e-mail: lanabur@yandex.ru)

Abstract. The article discusses the possibility of creating the necessary methodological tools in the process of teaching students with hearing impairment using case technology for the proposed course. The author gives as an example a case containing the organization of the process of social inclusion through the inclusion of children with hearing impairments in volunteer activities. An important and significant research component in the article is one that studies the significance of volunteering for children in this category for social inclusion.

Keywords: student, with disabilities, case study – technology, competencies, social inclusion, children with hearing impairment, volunteer activities.

Социальная политика государства к лицам с ограниченными возможностями здоровья (далее ОВЗ) и людям с инвалидностью с каждым годом приобретает всю большую актуальность. Важным фактором, влияющим на эффективность социальной политики по отношению к данным категориям лиц, является получение необходимого образования. Вторым немаловажным фактором является возможность проявлять активность: социальную, общественную, культурную, спортивную, оздоровительную, трудовую и т.д.

Коротко отметим разницу в понятиях, употребляемых по обозначенной теме. Во-первых, в законе «Об образовании в Российской Федерации» закреплено понятие «обучающийся, с ограниченными возможностями здоровья» – это обучающийся, имеющий особенности физического и (или) психического развития, затрудняющие или препятствующие получению им образования без создания для этого специальных условий [1]. Во-вторых, необходимо уточнить и понятие «инвалид» – лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности (полной или частичной утрате лицом способности или возможности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, ориентироваться, общаться, контролировать свое поведение, обучаться и заниматься трудовой деятельностью) и вызывающее необходимость его социальной защиты [2]. В соответствии с Федеральным законом от 30 июня 2007 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу

о гражданах с ограниченными возможностями здоровья» употребляемые в нормативных правовых актах слова «с отклонениями в развитии», «аномальные дети» заменены термином «с ОВЗ» [3].

По мнению исследователя Л. И. Акатова, понятие «дети с ОВЗ» охватывает категорию лиц, жизнедеятельность которых характеризуется какими-либо ограничениями или отсутствием способности осуществлять деятельность способом или в рамках, считающихся нормальными для человека данного возраста. Таким образом, категория «обучающийся в ОВЗ» определена не с точки зрения ограничений по здоровью, а с точки зрения необходимости создания специальных условий получения образования [4].

Классификация детей с ОВЗ, предложенная В. А. Лапшиным и Б. П. Пузановым представляет различные нарушения в развитии, но в работе остановимся только на категории – дети с нарушением слуха (глухие, слабослышащие, позднооглохшие). По данным ВОЗ нарушения слуха обозначаются терминами «тугоухость» и «глухота». «Тугоухость» как диагноз, подразумевает ухудшение способности слышать, а общение с помощью речи с окружающими затруднено. Диагноз «глухота» означает практически тотальную утрату слышать и вызывает затруднения в восприятии речи. Слабослышащими детьми называют детей с тугоухостью. А детей со стойким двусторонним поражением слуха, приобретенным в раннем возрасте, называют глухими детьми [5, с. 273–281].

Конечно, закон РФ «Об образовании» гарантирует получение образования лицами с отклонениями в развитии, воспитание и обучение, социальную адаптацию и интеграцию в общество. И Статья 24 Конвенции о правах инвалидов также гласит: «Государства–участники признают право инвалидов на образование». Несмотря на предпринимаемые меры, значительная часть детей с нарушениями слуха, обучаются в специальных коррекционных школах, а это может способствовать социальной дезадаптации в связи с ограниченной средой общения (семья, школа).

Обращаясь к понятию «социальная инклюзия», отмечаем, что это процесс вовлечения людей с особыми потребностями в нормальный ритм общественной жизни посредством создания условий, учитывающих индивидуальные особенности и возможности каждого человека. Социальная инклюзия направлена на ликвидацию социальной изоляции, которая является следствием негативного отношения к разнообразию с точки зрения национальности, социального положения, этнического происхождения, физических возможностей, ментальных способностей, поведения и т. п. [6].

Абсолютно согласны с авторами Ж. Ю. Брук, Т. В. Семеновских, что в развитии социальной инклюзии должны быть задействованы все люди, а не только люди с ОВЗ, так как каждый из них стремится к одним и тем же социальным целям, но достигают их разными способами: включенность в группу, в деятельность, а также чувство включенности,

принадлежности, позитивная самоидентификация, эмоциональный контакт с социумом [7, с. 242–245].

Проблемы социализации, необходимой и своевременной социальной адаптации, интеграции и дальнейшей инклюзии в общество обучающихся с нарушениями слуха, как и других категорий детей с ОВЗ являются важными для жизнедеятельности ребенка и благополучия семьи. Дети с нарушениями слуха получают образование в специальных коррекционных школах, где ограничен круг общения. Сегодня важно говорить о дальнейшем профессиональном обучении, трудовой занятости данной категории детей. Чаще всего основным культурным ориентиром для людей, имеющих нарушения органов слуха, является их собственная «культура глухих», что является основанием, которое усложняет социальную инклюзию. Понимая значимость проблемы социальной инклюзии и освоении различных видов активности, социальная деятельность, как мы предполагаем, должна строиться на идее, о том, что обучающимся с ОВЗ и с их психофизиологическими особенностями важно принимать непосредственное участие в осознании своих потребностей, выражать их понятными им средствами и удовлетворять свои возможности, интересы.

Материал и методы. Работая с курсом «Кейс-технологии в социальной работе» был сделан акцент на создание условий в процессе обучения студентов магистрантов с проблемами органов слуха и одновременно по изучению проблем лиц с нарушением органов слуха. Понимая важность больше письменной (текстовой) работы, чем работы с материалами с восприятием на слух, предлагается всем студентам больше работать письменно. Как одно из условий – это разработка большого блока сопровождающего методического инструментария. Для итоговой формы контроля студентам предлагалось задание по курсу – написание (создание) кейса.

Результаты и их обсуждение. Итоговая работа требует от обучающихся знание теоретического материала, так как необходимо выбрать вид кейса с обоснованием выбора, например, Case-Study-Method – скрытые проблемы; Case-Problem-Method – проблемы называются; Стратегические ситуации; Функциональные ситуации; Кейс-стади (Case-study) и др. Итоговая работа предполагает несколько этапов работы с кейсом как для автора кейса, так и для студентов, анализирующих и оценивающих, авторский кейс. Во-первых, этап для автора по работе с кейсом (создание; представление кейса аудитории с конкретными рекомендациями по разбору кейса; оценка автором работы группы), во-вторых, этап для группы по оценке представленного автором кейса. Исходя из нозологии – ослабленный слух (потеря слуха), все этапы сопровождаются обязательными мультимедийными презентациями или представленными на экране сопровождающими документами.

Рассмотрим этапы работы с контрольным заданием. Первый этап – организационно-консультационный и аналитический (представление кейса

автором в группе студентам-одногоруппникам и их аналитическая работа). Данный этап работы проходит по предложенному алгоритму в сопровождении и под руководством автора кейса: деление группы на пары; определение сроков выполнения работы над анализом кейса; при необходимости, проведение консультаций группам; публичная, обязательная групповая мультимедийная презентация результатов анализа кейса; модерация автором кейса групповой аналитической работы над кейсом и общей дискуссии; обобщающее выступление автора кейса и подведение итогов работы. Необходимый критерий – условие для автора кейса с учетом нозологии (ослабленный слух (потеря слуха) – дополнительное время для работы с презентационным материалом. В качестве примера, отметим, что студент по профилю социальной работы на занятии использовал видеокейс «Семейство Белье», где обозначена проблема главной героини – профессионализация и детско-родительские отношения в семье глухих. Также студент представил для работы в группах авторский кейс «Быть волонтером!» (социальный аспект), вид кейса «Case-Problem-Method», в котором рассматривается проблема социальной инклюзии детей с нарушениями слуха посредством реализации волонтерской деятельности. Кейс состоял из базовых разделов: во-первых, введение: обозначена актуальность в том, что волонтерская деятельность детей с нарушениями слуха, выступит доминирующим социализирующим фактором, включая их в общество – процесс социальной инклюзии. В научной литературе исследования феномена волонтерства представлены в работах таких исследователей, как Н.Г. Бодренковой, И.В. Мерсияновой, М.В. Певной, А.Е. Шадрина и др. Автор отметил, что понятие «волонтерство» соотносится с добровольческой деятельностью, осуществляемой людьми по своему желанию на безвозмездной основе и направленной на достижение социально значимых целей, решение проблем сообщества. Выделил автор во введении виды волонтерства, которые смогли бы помочь детям с нарушениями слуха в процессе социальной инклюзии: 1. Взаимопомощь или самопомощь, когда появляется возможность осуществлять волонтерскую деятельность, например в различных сообществах. 2. Участие и самоуправление, например, участие в местных проектах различной направленности. 3. Просвещение или пропаганда каких-либо вопросов, касающихся определенных групп общества. Во-вторых, содержательно представлена основная часть кейса, которая раскрывает статистику по числу детей-инвалидов в Российской Федерации и в регионе, а также поясняются термины «тугоухость», «глухота», «социальная инклюзия». Чаще всего основным культурным ориентиром для людей, имеющих нарушения органов слуха, является их собственная «культура глухих» что является основанием, усложняющим социальную инклюзию. Важно, что автор в основной части останавливается на законодательной базе для работы с данной категорией детей. Особо автор кейса представляет исследовательский этап изучения проблемы. Практическая работа осуществлялась с учащимися из ГБОУ Псковской области «Центр специального образования

№ 1», Структурное подразделение: Специальная (коррекционная) общеобразовательная школа № 5 (СКОШ) I и II видов, которая включала 3 этапа: диагностический; разработка и реализация онлайн-мероприятия; анализ и обобщение результатов. Экспертный опрос в форме беседы с социальным педагогом школы с целью изучения деятельности учащихся в волонтерстве показал, что дети проводят небольшие концерты для ветеранов-инвалидов по слуху. Анкетирование учащихся по вопросу волонтерства показало заинтересованность детей, но, к сожалению, большинство из них никогда не слышали о разнообразных возможностях в данном виде деятельности. Организованная видеоконференция с учащимися и родителями позволила содержательно познакомить с информацией о волонтерской деятельности, представленной на экране: мультимедийная презентация с информацией о благотворительных организациях, в которых требуется помощь волонтеров; видеоролики о деятельности волонтеров. Особый интерес вызвал видеоролик о Зоозащите, где можно не только помогать животным, но и играть, гулять, что является хорошей анималотерапией. В-третьих, автор в заключении сделал следующие выводы: волонтерство как явление не распространено среди людей с инвалидностью по слуху; выявлена низкая осведомленность учащихся о различных мероприятиях волонтерской направленности (83% не знает, что такое волонтерство, а 75% никогда не участвовали в благотворительных акциях); отмечено недостаточное взаимодействие между школой и общественными/благотворительными организациями, средствами массовой информации о привлечении волонтеров с нарушением слуха. Далее группе была предложена схема-разбор кейса.

Студентам предлагается на выбор два варианта схем разбора итоговой работы. Этапность первого варианта схемы работы не выбирается студентами, так как он оказывается более сложным для восприятия. Студенты чаще используют второй предложенный вариант, состоящий из следующих этапов: обобщение (кратко констатируется то, что имеет место в ситуации); формулирование проблемы; перечисление участников событий (люди, организации); выстраивание хронологии событий; формулирование концептуальных вопросов, затрагиваемых в ситуации, предложение альтернативных решений (5-6); выбор рекомендаций (1-2); разработка предполагаемого плана действий, исходя из предложенных рекомендаций.

В кейсе «Быть волонтером!» необходимо было предложить не менее пяти альтернативных решений по формам, видам, методам волонтерства, в предложенных организациях, например, «Дом белого аиста», Центр доступной абилитации «Добрея», Детская деревня SOS, Зоозащита «Лесопилка» или «Шанс» и многие другие.

Второй этап работы с авторским кейсом – аналитический, критический по оценке работы автора кейса студентами групп. Критерии, которые предлагаются студентам учитывать при аналитической работе с авторским кейсом: соответствует ли содержание виду кейса; актуальность проблемы

профессиональной сферы деятельности (социальная работа, социально-педагогическая); соответствует ли идея кейса проблеме (теме) магистерской диссертации. Ответы звучат такие как: «проблема актуальна», «актуальность прописана убедительно», «содержание соответствует виду кейса, проблема обозначена», «идея кейса соответствует проблеме и теме магистерской диссертации».

Предлагается учитывать дополнительно и наиболее значимые советы М. Мюнтера, и тогда, например, получаем ответы следующие: «стиль изложения доступный и соответствует поставленной задаче», «структура кейса убедительна», «проблема соответствует компетенции», «содержание текста соответствует основной идее кейса», «нестандартные задания к кейсу». При анализе работы необходимо учитывать также и такие критерии как: достоинства и недостатки в содержании, в оформлении; формулирование вопросов автору, которые возникли к работе; комментарии, пожелания, советы автору? Например, Автору кейса необходимо ответить на поставленные студентами вопросы, например, «Чем обусловлен возраст целевой группы исследования? (12-19)?» Представим ответ автора кейса без правок: «В образовательном учреждении не много учеников, они проводят все мероприятия вместе и разделять их по возрасту во время исследования было бы неправильно и вызвало бы у них негодование и проблемы с самооценкой. С учениками младших классов не было смысла проводить исследования, ввиду их непонимания многих нюансов. А также, целью исследования будет, по возможности, задействовать в будущем всех учащихся. С точки зрения определения понятия «ребёнок – это лицо до достижения им возраста 18 лет (совершеннолетия) по ФЗ от 24.07.1998 N 124-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» Ст. 1. Понятия, используемые в настоящем ФЗ, но в нашем исследовании был включен один выпускник школы в качестве исключения, т.к. он продолжает общение со школой, бывшими одноклассниками и посещает с ними совместные мероприятия».

Автор кейса также осуществляет оценку работы групп по таким критериям как: логичность, аргументированность рассуждений; предложены ли другие проблемы для решения, не замеченные автором; разнообразие предложенных альтернатив; интересен ли предложенный план действий или план воплощения решения и т.д. Автор оценил работу групп отметив, что «предлагается проводить инклюзивное волонтерство с участием волонтеров без нарушений слуха», «выводы групп совпадали с выводами автора», «аргументы были полными, актуальными, убедительными», «предложены различные мероприятия, например, акция «полезная прогулка» с собаками, конкурс красоты для собак, помощь лицам с нарушением слуха в освоении языка жестов, проведение совместных фестивалей детей с нарушениями слуха и одиноких престарелых, проживающих в специализированном жилье и др.» и т.д.

Можно отметить, что обучающиеся, во-первых, выполняя итоговую работу решают ряд задач и выполняют функции как: способствуют активному усвоению знаний обработки и анализа информации; демонстрируют академическую теорию с точки зрения реальных событий; учатся творческому решению проблем; развивают коммуникативные и социальные навыки, самоанализ; формируют позитивную мотивацию к познанию. Во-вторых, важно отметить развиваемые компетенции: аналитические, практические, творческие, исследовательские, коммуникативные, социальные. Анкетирование студентов по курсу показало, что дополнительно отмечают следующие компетенции: организационные, управленческие, социально-перцептивные, информационные, оценочные. По результатам проведенного анкетирования, студенты отмечают в работе с итоговым кейсом и сложности: трудно сократить (сжать) необходимую информацию и структурировать содержание кейса по разделам; сложен поиск проблемы кейса, над которой будут работать группы и её обоснование; проблемен поиск необходимой и актуальной статистики. Большинство студентов выбирают для написания кейса – вид Case-Problem-Method, аргументируя, например, следующими доводами: «данный вид кейса наиболее простой для написания и позволяет получить мнение группы в заданном автором направлении (в частности, в направлении магистерского исследования) с целью прикладной «выгоды»; «выбор вида кейса объясняется возможностью обнаружить множество альтернативных решений по конкретно сформулированной проблеме, соответствующей теме магистерской диссертации» и др.

Заключение. Таким образом, значимость процесса социальной инклюзии людей с ОВЗ в государстве и обществе особенно остро ощущается в процессе обучения в образовательном учреждении. Во-первых, важны не только материально-технические условия, но и методический инструментарий при реализации любого курса, предмета. Во-вторых, социальная активность в различных видах деятельности обучающихся с ОВЗ дает возможность реализовать индивидуально-личностный потенциал, раскрывающийся в выборах, интересах, способностях. В-третьих, волонтерскую деятельность можно рассматривать как возможность социальной инклюзии детям с нарушениями слуха, выстраивая взаимопомощь, помощь сообществу, потребность в контактах и преодоление чувства одиночества.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», п.16 ст. 2.
2. Федеральный закон от 24.11.1995 N 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», статья 1.
3. Федеральный закон от 30 июня 2007 г. N 120-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу о гражданах с ограниченными возможностями здоровья» (с изменениями и дополнениями).

4. Акатов, Л.И. Социальная реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья / Акатов Л.И. – М.: Гуманит. 2013. – 368 с.
5. Костюкова, А. В. Профориентация лиц с нарушением слуха: психолого-педагогические условия и ресурсы / А. В. Костюкова, Ж. Ю. Брук, И. В. Патрушева // Kant. – 2019. – № 4 (33). – С. 273-281.
6. Социальная инклюзия в России: анализ актуального состояния проблемы: материалы к семинару / И.Н. Попова. – М. : ФИРО РАНХИГС, 2019.
7. Брук, Ж.Ю., Семеновских, Т.В. К вопросу о толерантности в инклюзивной образовательной среде Тюменского региона / Ж.Ю. Брук, Т.В. Семеновских // Вестник Тюменского государственного института культуры. – 2015. – №2 (4). – С. 242-245.

УДК 331.101.3

МОТИВАЦИЯ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

С. Я. Ермолич

Минск, БГПУ имени М. Танка

(e-mail: svetaermolich@mail.ru)

Аннотация. В статье представлены понятия «мотивация», «мотивация трудовой деятельности», рассмотрена материальная, организационная, информационная, социальная мотивация, содержательные и процессуальные теории мотивации, приведены актуальные методы изучения и оценки трудовой мотивации специалистов по социальной работе, обосновано влияние мотивации трудовой деятельности на развитие социальной сферы.

Ключевые слова: мотивация, мотивация трудовой деятельности, факторы мотивации, теории мотивации, специалист по социальной работе.

MOTIVATION OF LABOR ACTIVITIES OF SOCIAL WORK SPECIALISTS AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF THE SOCIAL SPHERE

S. Ya. Ermolich

Minsk, BSPU named after M. Tank

(e-mail: svetaermolich@mail.ru)

Abstract. The article analyzes the concepts of "motivation", "labor motivation", considers material, organizational, informational, social motivation, substantive and procedural theories of motivation, provides current methods for studying and assessing labor motivation of social work specialists, the influence of labor motivation on development of social sphere is substantiated.

Keywords: motivation, work motivation, motivation factors, motivation theories, social work specialists.

Мотивация трудовой деятельности специалистов по социальной работе напрямую влияет на качество социального обслуживания населения, эффективность социальной работы и функционирование социальной сферы в целом.

Мотивация рассматривается как:

- динамический физиологический и психологический процесс управления поведением человека, определяющий его направленность, организованность, активность и устойчивость;
- процесс побуждения себя и других членов коллектива к активной деятельности для достижения собственных целей и целей своей организации;
- одна из функций управления, направленная на создание побудительных мотивов, целью которых является продуктивное выполнение сотрудником своих обязанностей.

Мотивация трудовой деятельности – совокупность внутренних и внешних движущих сил, побуждающих человека к трудовой деятельности и придающих этой деятельности направленность, ориентированную на достижение определенных целей; комплекс мероприятий по стимулированию деятельности коллектива, конкретного сотрудника, направленный на достижение целей учреждения социального обслуживания [2].

Мотивация труда предусматривает систему вознаграждения, морального и материального стимулирования, повышения интереса к работе, развитие персонала, предоставление возможности профессионально-квалификационного роста, планирования карьеры, улучшение социально-психологического климата, вовлечение работников в процессе управления.

Материал и методы. Материалом послужили работы исследователей, касающиеся заявленной проблемы. В исследовании были использованы теоретические методы: анализ и синтез, моделирование, систематизация, концептуализация научных идей.

Результаты и их обсуждение. Мотивация является одной из функций управления и представляет собой внешние действия руководителя, направленные на побуждение человека к деятельности (стимулирование). Стимул проходит через сознание человека и побуждает или не побуждает человека к деятельности. Эффективность управления мотивацией к трудовой деятельности зависит от выбора систем стимулирования специалистов по социальной работе. Анализ научных школ и современных концепций менеджмента, опыта стимулирования трудовой деятельности показывает наличие разнообразных методов: кнута и пряника, материальной заинтересованности, корпоративной системы ценностей, предоставление сотрудникам возможности реализации личностных мотивов посредством выполнения должностных обязанностей и др.

В научной литературе не существует общепринятой классификации факторов, оказывающих влияние на мотивацию и стимулирование труда специалистов социальной сферы. Мотивация трудовой деятельности опре-

деляется влиянием на специалиста в процессе труда совокупности факторов: материальных, организационных, социальных и информационных.

Материальная мотивация трудовой деятельности – стимулирование активности специалиста путем удовлетворения его материальных мотивов на основе конкурентного уровня оплаты труда, стабильной заработной платы, своевременности ее выплаты, ежемесячных премий, различных надбавок (за высокие показатели, стаж и др.), выплаты материальной помощи при значимых событиях и в критические моменты жизни сотрудника, социальное страхование, оплата лекарств, проезда и др.

Организационная мотивация трудовой деятельности – стимулирование специалистов посредством доставки до рабочего места (особенно в сельской местности), разумной организации рабочего времени и места, координации деятельности специалистов по социальной работе и отделов (подразделений) и др.

Социальная мотивация трудовой деятельности – побуждение к активности и деятельности личности или социальной группы на основе их социальных потребностей (общественная значимость выполняемой работы, возможность получения дополнительного образования, повышения квалификации, предоставление дополнительного отпуска, благоприятный социально-психологический климат, демократический или деловой стиль управления, возможность карьерного роста) [1].

Информационная мотивация трудовой деятельности – стимулирование специалистов посредством предоставления необходимой информации (нормативно правовых документов, литературы по теории и инновационной практике социальной работы и т.п.), внедрения информационных технологий в социальную сферу, обмен опытом в сфере инновационных социальных технологий.

Факторы мотивации трудовой деятельности классифицируют по трем уровням. Государственный уровень создает универсальные условия формирования стратегии мотивации и стимулирования кадров Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь на основе уровня экономического развития и социальной политики. На втором уровне факторы мотивации трудовой деятельности детерминированы стратегиями формирования мотивационной структуры специалистов социальной сферы (специалистов по социальной работе, социальных работников) в учреждениях социальной защиты и определяются условиями труда, кадровой политикой, социальными программами, социально-психологическим климатом, системой оплаты труда и др. Третий уровень описывает индивидуальные потребности, цели и мотивы, социально-психологические особенности, ценностные ориентации, сформированную мотивационную структуру личности специалиста по социальной работы.

Основные теории, раскрывающие механизмы мотивации, разделяют на две группы: содержательные и процессуальные. В содержательных теориях акцент делается на выявление и изучение тех внутренних побужде-

ний (потребностей, мотивов), которые лежат в основе поведения людей, их профессиональной деятельности. Представители процессуальных теорий мотивации утверждают, что поведение людей определяется восприятием и ожиданиями, связанными с конкретной ситуацией, возможными последствиями выбранного типа поведения.

Содержательные теории мотивации анализируют потребности, их структуру, влияние потребностей на мотивацию трудовой деятельности человека. К наиболее популярным содержательным теориям относят: «иерархию потребностей А. Маслоу», «теорию К. Альдерфера», «двухфакторную теорию Ф. Герцберга», «теорию трех потребностей Д. Макклелланда».

Теория К. Альдерфера выделяет три уровня потребностей: потребности существования (физиологические потребности и потребности в безопасности, т.е. потребности, связанные с выживанием и воспроизводством человека), потребности связи (потребности принадлежности и причастности), потребности роста (потребности приобретения новых знаний, самовыражения, признания, самоутверждения). Потребности разных уровней могут в одинаковой степени и одновременно влиять на поведение людей. Неудовлетворенность какой-либо потребности может компенсироваться более полным удовлетворением другой потребности.

Двухфакторная теория Ф. Герцберга основана на том, что ключом к мотивации специалистов являются не деньги, а организация работы, которая может мотивировать или демотивировать. Данная теория объединяет факторы, усиливающие удовлетворенность работой (мотиваторы) и факторы, понижающие удовлетворенность (гигиенические факторы). Факторы мотивации или мотиваторы связаны с самим характером и сущностью работы (интерес к социальной работе и профессиональному заданию, достижения (квалификация), признание и одобрение результатов работы, успех, карьерный рост, высокая степень ответственности, возможности творческой самореализации). Гигиенические факторы связаны с окружающей средой, в которой осуществляется работа: способ управления, политика организации и администрации, условия труда, зарплата и заработок, межличностные отношения с коллегами, начальником, подчиненными, степень непосредственного контроля за работой, неуверенность в стабильности работы, влияние работы на личную жизнь. Практическое использование двухфакторной теории состоит в том, что необходимо осуществлять максимальное воздействие на специалиста по социальной работе через факторы мотивации при наличии гигиенических факторов.

Теория потребностей (трехфакторная теория) Д. Макклелланда рассматривает три вида приобретенных потребностей (власть, успех, причастность), обусловленных влиянием обстоятельств, обучения и опыта, активизирующих деятельность человека. Потребность во власти выражается в желании воздействовать на других людей, управлять ими. Потребность в успехе удовлетворяется через доведение работы до своего завершения

и проявляется в стремлении человека выполнить сложные задания, достигнуть высоких стандартов качества социальной работы, превзойти других. Потребность в причастности проявляется в налаживании дружеских отношений, создании круга знакомых, оказании помощи другим [1].

Характерной особенностью содержательных теорий мотивации является изучение и классификация потребностей человека, на основании которых можно мотивировать специалистов по социальной работе.

В основе процессуальных теорий мотивации лежит концепция И. Павлова о том, что любое поведение человека является результатом воздействия стимула. К наиболее популярным процессуальным теориям относят «теорию ожидания В. Врума»; «теорию справедливости С. Адамса», «комплексную теорию Портера-Лоулера», теорию постановки целей.

Теория ожиданий В. Врума исходит из того, что мотивация человека на достижение определенной цели исходит не только от активной потребности, но и от ожидания, что выбранный тип поведения приведет к удовлетворению и приобретению желаемого. Ожидания рассматриваются как оценка личностью вероятности определенного события. Согласно теории ожиданий В. Врума рассматриваются три взаимосвязи: затраты труда – результаты; результаты – вознаграждение; валентность (удовлетворенность вознаграждением). Если есть прямая связь между затраченными усилиями и полученными результатами, то мотивация усиливается. Достигнув необходимого результата, сотрудник ожидает определенного вознаграждения или поощрения. Если нет связи между результатами и желаемым вознаграждением, то мотивация будет слабой. Величина усилий, прилагаемых человеком для выполнения поставленной задачи, будет зависеть от вероятности успеха при выполнении поставленной задачи и получения за приложенные усилия ценного для него вознаграждения. Чем выше степень соответствия фактических событий ожидаемым, тем больше вероятность повторения данного типа поведения.

Теория справедливости С. Адамса исходит из того, что человек субъективно оценивает результаты труда и полученное вознаграждение, сравнивая их с результатами и вознаграждением других сотрудников. При этом субъективной оценке подвергаются и собственные затраченные усилия. Психологическое напряжение возникает тогда, когда специалист сталкивается с несправедливостью или «придумывает» ее на основе собственных суждений. Несправедливость возникает в ситуации, когда человек чувствует, что отношение отдачи, которую он получает, к его вкладу в выполнение работы оказывается не равным соответствующему соотношению у других работников. Когда люди считают, что им недоплачивают, они начинают работать менее интенсивно. Если они считают, что им переплачивают, они менее склонны изменять свое поведение и деятельность.

Модель мотивации Портера-Лоулера – комплексная процессуальная теория мотивации, включающая элементы теории ожиданий и теории справедливости. Модель включает пять переменных: затраченные усилия, восприятие, полученные результаты, вознаграждение и степень удовлетво-

рения. Результаты труда зависят от затраченных усилий и способностей человека к выполнению конкретной работы. В свою очередь усилия, затрачиваемые работником для достижения результата, будут зависеть от оценки вероятности получения вознаграждения и его ценности для работника. Вознаграждение, воспринимаемое как справедливое, повышает мотивацию, и наоборот. Степень удовлетворенности есть результат как внешнего, так и внутреннего вознаграждения. Причем именно степень удовлетворенности является мерой ценности вознаграждения. Внешнее вознаграждение дается организацией в виде заработной платы, похвалы, поощрений, продвижения по службе и т.п. Внутреннее вознаграждение исходит от самой работы, реализует потребности высокого уровня, и, как правило, является наиболее вероятной причиной чувства удовлетворенности (значимости, признания, самовыражения) [2].

Теория постановки целей гласит о том, что человек определяет для себя цели, к достижению которых он стремиться, и, исходя из этих целей, осуществляет конкретные действия и выполняет определенную работу. Достигнув намеченной цели и результатов, сотрудник получает удовлетворение. На готовность личности следовать цели оказывают влияние следующие факторы: сложность цели, специфичность цели, преемственность цели и приверженность цели. На удовлетворенность / неудовлетворенность результатами оказывает влияние оценка труда (похвала, продвижение по службе, повышение оплаты труда).

Процессуальные теории исследовали мотивационный процесс, выбор траектории трудового поведения человека на основе его индивидуального восприятия, личного опыта и конкретной ситуации.

Современная система мотивации и стимулирования специалистов в социальной сфере должна учитывать основы содержательных и процессуальных теорий, принимать во внимание опыт оригинальных систем поощрения специалистов по социальной работе, имеющихся в учреждениях социального обслуживания.

Методы изучения и оценки трудовой мотивации могут применяться как для работающих сотрудников, так и при рекрутинге специалистов по социальной работе. Существуют разнообразные методы (опросные методы, тесты, эксперимент, наблюдение, анализ продуктов деятельности и др.) и методики, предназначенные для исследования параметров трудовой мотивации в учреждениях (интервью по компетенциям, профессиональное интервью, психологическое мотивационное тестирование и др.).

Метод интервью по компетенциям представляет собой диагностику набора взаимосвязанных интегральных способностей и качеств специалиста, содержащих знания, навыки, умения, установки и поведение. Как правило, оценке подвергаются профессиональные, социальные, коммуникативные, социально-информационные и мотивационные компетенции. Мотивационные компетенции представляют собой готовность выполнять профессиональные задачи в трудовой деятельности.

Психологическое мотивационное тестирование основано на концептуальных положениях процедуры тестирования и проводится с использованием тестов: изучение мотивационного профиля личности (Ш. Ричи и П. Мартин); опросник «Словарь» (И. Г. Кокурина); самоактуализационный тест (САТ) – опросник личностных ориентаций Э. Шострома; методика мотивационной структуры личности (Motype) (В.И. Герчикова); опросник увлеченности сотрудников Q12 (оценка вовлеченности в работу); опросник «Диагностика внутренней и внешней мотивации персонала» и др.

Методиками изучения трудовой мотивации являются: методика определения факторов отношения к труду, методика «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» (С.С. Бубнова), методика диагностики личности «Мотивация к успеху» (Т. Элерса), методика определения мотивационных тенденций, методика определения направленности личности на достижение успеха / избегание неудачи (А.А. Реан), методика оценки мотивации личности (С. Соловьев), методика оценки трудолюбия и работоспособности, методика расчета индекса вовлеченности персонала, опросник для измерения мотивации достижения, опросник для изучения мотивации и потребностей сотрудников, опросник для определения источников мотивации, опросник оценки вовлеченности персонала (Gallup), опросники по методике Элерса, оценка лояльности (шкала Терстоуна), разработка мотивационного профиля, тест оценки мотивации организационного поведения и др. [3].

Заключение. Важным фактором развития социальной сферы является использование действенной системы мотивации специалистов по социальной работе как способа повышения производительности их труда.

Проектирование эффективной модели стимулирования специалистов по социальной работе в учреждениях социального обслуживания основывается на исследованиях глубинных механизмов формирования мотивов и мотивационных тенденций личности. Система мотивации трудовой деятельности специалистов по социальной работе включает: социальную политику Республики Беларусь; социальную защиту и поддержку специалистов социальной сферы; целевой менеджмент на всех уровнях управления; комплексные программы материального стимулирования в учреждениях социального сферы; редизайн организационной структуры; изменение функций, задач работников с целью обогащения труда, удовлетворенности трудом; делегирование полномочий и др.

Список использованных источников:

1. Ермолич, С. Я. Менеджмент в социально-педагогической сфере : учеб.-метод. пособие / С. Я. Ермолич. – Минск : Респ. ин-т высш. шк., 2015. – 196 с.
2. Ермолич, С. Я. Менеджмент в образовании: учеб.-метод. пособие / С. Я. Ермолич. – Минск: Респ. ин-т высш. шк., 2024. – 196 с.
3. Методики изучения мотивации персонала [Электронный ресурс] // HR Portal. – Режим доступа: https://hr-portal.ru/motiv_tools. – Дата доступа: 16.09.2024.

**ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ КОММУНИКАЦИИ
У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
С НАРУШЕНИЯМИ ЗРЕНИЯ
КАК ФАКТОРА СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЗАДАПТАЦИИ**

С. Б. Калинина

*Псков, ПсковГУ (Российская Федерация)
(e-mail: sv_kalinina@mail.ru)*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы коммуникации у детей старшего школьного возраста с нарушениями зрения как основного фактора социальной дезадаптации. Целью исследования явилось изучение проблем в коммуникативной сфере, влияющих на процесс успешной социальной адаптации старших школьников с нарушениями зрения. В практической части работы представлены данные диагностики старшеклассников с нарушениями зрения, проводимой на базе «Центр специального образования № 1» «Специальная (коррекционная) общеобразовательная школа № 7» в городе Пскове и их нормотипичных сверстников. В качестве методов исследования использовались следующие методики: тест «Коммуникативные умения» (Л. Михельсон, адаптация Ю.З. Гильбуха) и тест «Умение читать язык мимики и жестов» (Аллан Пиз). Полученные результаты свидетельствуют о том, что основные проблемы коммуникации, затрудняющие их социальную адаптацию, связаны с недоразвитием невербальных средств общения, с зависимым типом общения и нарушениями эмоциональных отношений.

Ключевые слова: коммуникация, дети с нарушениями зрения, социальная адаптация, социальная дезадаптация, коммуникативные умения.

**THE STUDY OF COMMUNICATION PROBLEMS
IN HIGH SCHOOL CHILDREN WITH VISUAL IMPAIRMENTS
AS A FACTOR OF SOCIAL MALADJUSTMENT**

S. B. Kalinina

*Pskov, Pskov State University (Russian Federation)
(e-mail: sv_kalinina@mail.ru)*

Abstract. The article examines the problems of communication in high school children with visual impairments as the main factor of social maladjustment. The purpose of the study was to study the problems in the communicative sphere that affect the process of successful social adaptation of high school students with visual impairments. The practical part of the work presents data on the diagnosis of high school students with visual impairments conducted on the basis of the "Center

for Special Education No. 1" "Special (correctional) secondary School No. 7" in the city of Pskov and their normotypic peers. The following methods were used as research methods: the test "Communicative skills" (L. Mikhelson, adaptation by Y.Z. Gilbukh) and the test "The ability to read the language of facial expressions and gestures" (Allan Pease). The results obtained indicate that the main communication problems that complicate their social adaptation are associated with underdevelopment of non-verbal means of communication, with dependent type of communication and disorders of emotional relationships.

Keywords: communication, visually impaired children, social adaptation, social maladaptation, communication skills.

В сфере социальной политики Российской Федерации все более приоритетными становятся вопросы, связанные с обеспечением поддержки и помощи детям с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья. В Псковской области была разработана и успешно реализуется государственная программа «Доступная среда для инвалидов и иных маломобильных групп населения» сроком действия с 2024 по 2030 годы. Целью данной программы является «формирование безбарьерной среды в регионе и улучшение качества жизни инвалидов и детей с инвалидностью» [1].

Следует отметить, что количество детей с инвалидностью постоянно растет, включая и детей с заболеваниями зрительной системы. Зрительный дефект является первичным нарушением у данной категории детей, который влечёт за собой вторичные нарушения развития. Эти отклонения связаны, в первую очередь, с эмоциональными и коммуникативными нарушениями.

Специалисты в области социальной психологии рассматривают высокий уровень коммуникабельности как условие успешной адаптации к социальной среде и подчеркивают важность формирования коммуникативных навыков в старшем школьном возрасте [2]. Отсутствие у детей со слабым зрением навыков коммуникации затрудняет их адаптацию к новым условиям жизни и установление социальных связей. Это может привести к стрессу при общении, полному отказу от коммуникации и затруднениям в процессе социализации у слабовидящих подростков.

Кроме того, дети с различными нарушениями развития часто сталкиваются с непониманием со стороны нормотипичных сверстников, возникают конфликтные ситуации, которые негативно сказываются на развитии коммуникативных навыков у детей с проблемами зрения. Все эти последствия подчеркивают важность изучения проблем социальной адаптации детей со зрительными нарушениями.

В работах отечественных ученых находят свое отражение вопросы развития коммуникативных навыков у слабовидящих школьников. Такие ученые, как Л. С. Выготский [3], В. З. Денискина [4], Л. И. Солнцева [5], Л. И. Плаксина [6] и другие, приходят к общему выводу, что у школьников со зрительными проблемами наблюдается серьезное недоразвитие комму-

никативных навыков. Они отмечают, что своевременное формирование коммуникативных умений способствует правильному развитию психической сферы ребенка и влияет на все аспекты его личности. Кроме того, изоляция специальных учебных заведений от окружающего мира ограничивает социальный опыт детей со зрительными проблемами и затрудняет развитие их коммуникативных навыков [6].

В связи с этим, особенно актуальным становится необходимость исследования проблем коммуникации у детей старшего школьного возраста с нарушениями зрения с целью выстраивания в дальнейшем грамотной и квалифицированной работы по их успешной адаптации к условиям внешней среды.

С целью изучения проблем социальной адаптации старшеклассников с нарушениями зрения было проведено исследование на базе ГБОУ «Центр специального образования № 1» «Специальная (коррекционная) общеобразовательная школа № 7» в городе Пскове. В исследовании приняли участие 15 слабовидящих учащихся, которые входили в экспериментальную группу и 15 нормотипичных школьников контрольной группы в возрасте 16 лет.

В исследовании были использованы следующие диагностические методики:

- тест «Коммуникативные умения» (Л. Михельсон, адаптация Ю.З. Гильбуха);
- тест «Умение читать язык мимики и жестов» (Аллан Пиз).

С целью определения преобладающего типа общения у детей старшего школьного возраста с нарушениями зрения было проведено тестирование «Коммуникативные умения» (Л. Михельсон, адаптация Ю. З. Гильбуха).

Исследование проводилось в двух группах. Результаты тестирования представлены на рисунке 1.

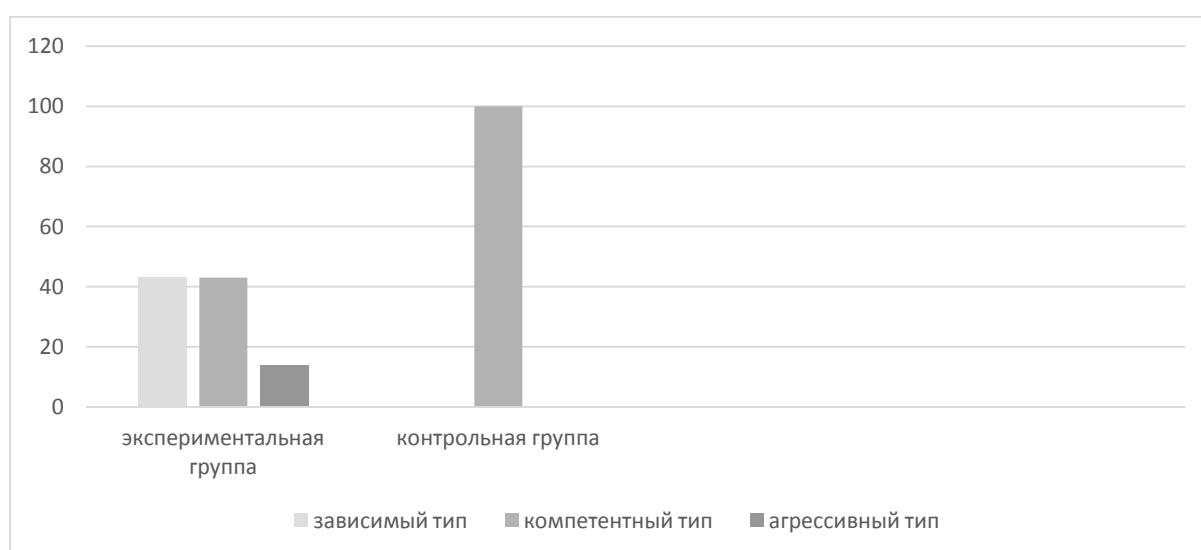

Рис. 1. Типы общения у слабовидящих школьников с нарушением зрения и у школьников, не имеющих нарушений зрения (%)

Согласно результатам тестирования, по 43% детей с проблемами зрения проявляют зависимый или компетентный тип коммуникации, 14% – агрессивный. В контрольной группе все респонденты обладают компетентным типом общения (100%).

Таким образом, данные тестирования говорят о том, что большинство детей старшего школьного возраста с проблемами зрения склонны к зависимому типу общения, характеризующийся невнимательным отношением к собеседнику и неумением высказать собственное мнение. Кроме того, у детей с проблемами зрения присутствует и агрессивный тип общения, который проявляется в процессе взаимодействия слабовидящих старшеклассников с окружающими людьми и характеризуется импульсивностью, раздражительностью, низким уровнем управления негативными эмоциями. Среди нормально видящих школьников был выявлен компетентный стиль общения, главными характеристиками которого являются умение занимать партнёрскую позицию в общении, обладать гибкостью и креативностью во взаимодействии с окружающими людьми.

Далее с целью изучения степени развитости коммуникативных умений у школьников с нарушением зрения были проанализированы данные тестирования «Коммуникативные умения» (разработанную Л. Михельсоном и адаптированную Ю. З. Гильбухом) по блокам.

Результаты тестирования представлены на рисунке 2.

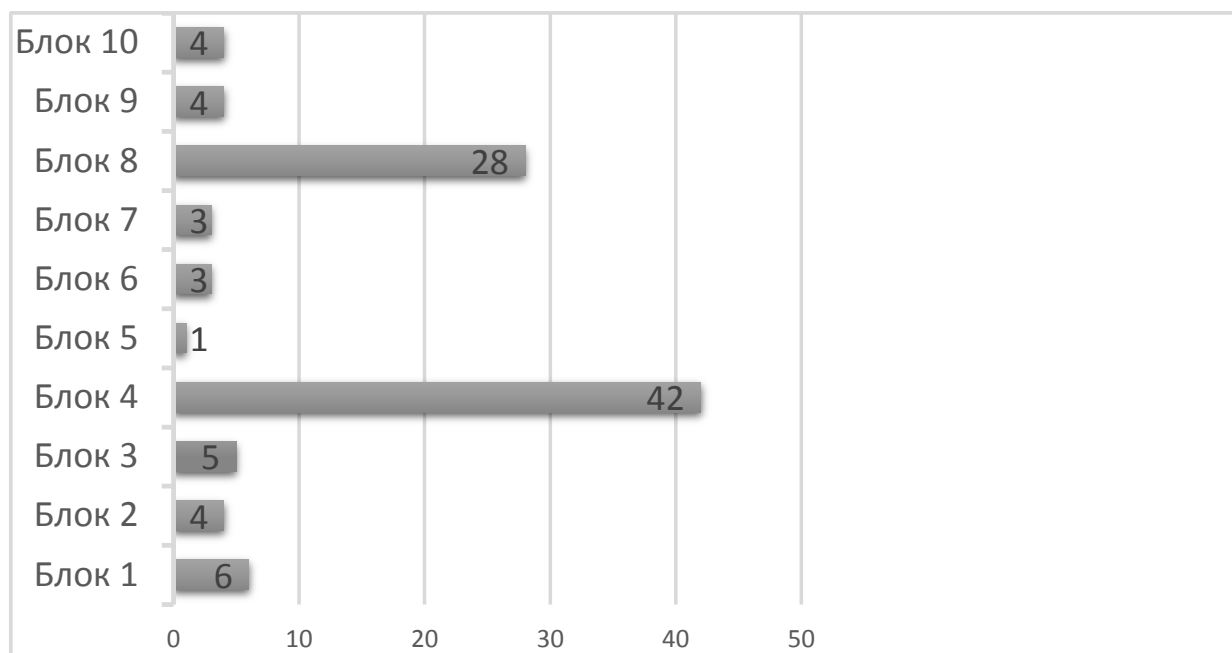

Рис. 2. Степень сформированности коммуникативных умений у слабовидящих школьников (по блокам Л. Михельсона, адаптации Ю.З. Гильбуха) (%).

Как видно из диаграммы, большая часть опрошенных (42%) реагируют на оскорбительное и провоцирующее поведение со стороны своих собеседников (блок 4), но вместо диалога предпочитают решать проблему путем проявления агрессии, либо избегать диалога. Вместе с тем 28% опрошенных школьников с ослабленным зрением испытывают потребность в принятии сочувствия и поддержки со стороны сверстников (блок 8), однако оказывать сочувствие и поддержку другим способны лишь 3% (блок 7). Самыми проблемными зонами в плане коммуникации оказались умения обратиться с просьбой к другому человеку (1%) (блок 5) и выйти на контакт с другим человеком (по 4% по блокам 9 и 10).

Также, с целью изучения уровня владения невербальными средствами коммуникации было проведено тестирование «Умение читать язык мимики и жестов», представленное Алланом Пизом, автором книги «Язык телодвижений».

Экспериментальная и контрольная группы проходили данный тест с целью оценки своих навыков невербального общения. Результаты тестирования представлены на рисунке 3.

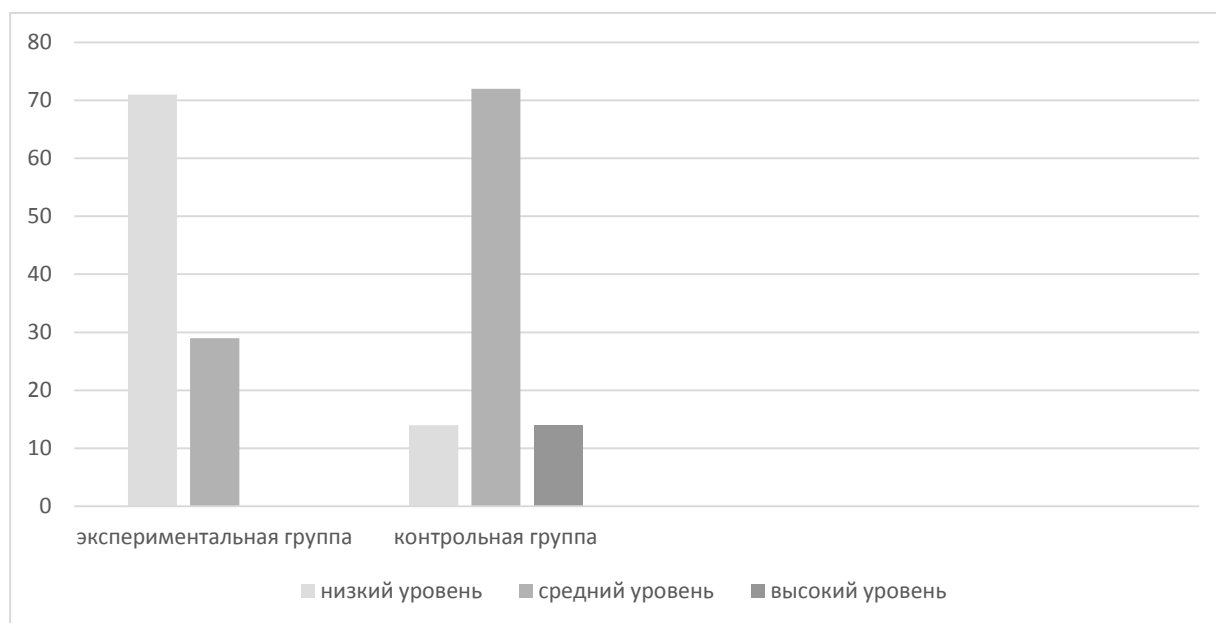

Рис. 3. Уровень владения невербальными средствами общения школьников с нарушением зрения и школьников, не имеющих нарушений зрения (%)

Результаты тестирования показали, что низкий (71%) и средний (29%) уровни владения невербальными средствами общения преобладают у детей с нарушениями зрения, в то время как средний (72%) и высокий (14%) уровни – у нормотипичных сверстников.

Таким образом, опираясь на результаты исследования можно выделить несколько ключевых проблем коммуникации у детей старшего школьного возраста с нарушениями зрения. Среди них следующие.

1. У детей с нарушениями зрения преобладает зависимый тип коммуникации, что часто выражается в монологической форме коммуникации и неспособности полноценно участвовать в диалоге.

2. Наиболее заметной особенностью общения детей с нарушениями зрения является трудность формирования как речевых, так и неречевых средств общения, выражающаяся в общем низком уровне коммуникации. Диагностические методики показали, что у детей старшего школьного возраста с нарушениями зрения намного больше коммуникативных барьеров и трудностей межличностного взаимодействия, чем у их сверстников с нормальным зрением.

3. Слабовидящие дети по сравнению с детьми, не имеющими нарушений зрения, хуже владеют невербальными средствами общения, что также затрудняет их коммуникацию с окружающими. Дети с нарушением зрения часто не способны считывать невербальные сигналы и выражать эмоции, поскольку в силу своих физиологических особенностей возможности наблюдать мимику и жесты окружающих ограничены.

4. Большая часть слабовидящих детей испытывают проблемы эмоционального плана: с одной стороны – это неспособность чувствовать и сопереживать другим, а с другой стороны – желание быть понятым и ощущать поддержку со стороны окружающих.

Проведенное исследование показало, что дети старшего школьного возраста с нарушениями зрения испытывают большие трудности в социальной адаптации по сравнению с их нормотипичными сверстниками, которое во многом обусловлено недостаточностью развитых коммуникативных навыков, что в свою очередь делает их социальное взаимодействие более сложным.

Список использованных источников:

1. Государственная программа «Доступная среда» // Комитет по социальной защите Псковской области. – URL: <https://social.pskov.ru/deyatelnost/gosudarstvennaya-programma/gosudarstvennaya-programma-dostupnaya-sreda> (дата обращения: 11.02.2024).

2. Лебедева, С. С. Актуальные проблемы непрерывного образования лиц с инвалидностью в контексте стратегических коммуникаций / С. С. Лебедева, Ю. Ю. Платонова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2022. – № 205. – С. 141-148.

3. Выготский, Л. С. Слепой ребенок / Л. С. Выготский. – Санкт-Петербург: Лань, 2017. – 14 с. – ISBN 978-5-507-43489-3. – Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. – URL: <https://e.lanbook.com/book/96059> (дата обращения: 20.03.2024).

4. Денискина, В. З. Особые образовательные потребности детей с нарушением зрения: для педагогов коррекционных школ, студентов и родителей / В. З. Денискина. – Москва : ИПТК Логосвос, 2022. – 59 с.

5. Солнцева, Л. И. Психология воспитания детей с нарушениями зрения / Л.И. Солнцева, В.З. Денискина, Г.А. Буткина. – М.: Налоговый вестник, 2004. – 316 с.

6. Плаксина, Л. И. Социальная адаптация ребенка с нарушением зрения в условиях сенсорного воспитания / Л. И. Плаксина // Проблемы воспитания и социальной адаптации детей с нарушением зрения. – М., 1995. – С.5-29.

УДК 37.022

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ, СОПРОВОЖДАЮЩИХ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В ПРОЦЕССЕ ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

С. С. Лебедева

*Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский институт психологии
и социальной работы (Российская Федерация)
(e-mail: lebedevalanna@mail.ru)*

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы профессиональной деятельности специалистов по социальной работе. Обращается внимание на необходимость их профессионального развития, которое вызвано не только общими социальными требованиями, связанными с общими антидискриминационными мерами по отношению к людям с инвалидностью, но и возросшими запросами этой социальной группы к условиям получения образования, к качеству интеграционной среды учебного заведения, ориентированного на получение профессионального образования с учетом требований универсального дизайна.

Ключевые слова: люди с инвалидностью, люди с ОВЗ, специалист по социальной работе, интеграция, инклюзия, профессиональное развитие.

PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF SOCIAL WORK SPECIALISTS SUPPORTING PEOPLE WITH DISABILITIES IN THE PROCESS OF THEIR PROFESSIONAL EDUCATION.

S. S. Lebedeva

*Petersburg, St. Petersburg Institute of Psychology and Social Work
(Russian Federation)
(e-mail: lebedevalanna@mail.ru)*

Abstract. The article examines current issues of professional activity of social work specialists. Attention is drawn to the need for their professional development, which is caused not only by general social requirements related to general anti-discrimination measures in relation to people with disabilities, but also by the increased demands of this social group for the conditions of

obtaining education, as an integration environment of an educational institution focused on obtaining professional education.

Key words: people with disabilities, people with disabilities, social worker, integration, inclusion, professional development.

Проблемы непрерывного образования инвалидов наиболее остро стали звучать в России с начала 90-х годов XX века. Эти проблемы рассматривались с позиции обучения детей-инвалидов как в государственных образовательных специализированных учреждениях, так и в инклюзивном аспекте. Ставились вопросы сопровождения в процессе обучения детей-инвалидов, имеющих разные нозологические особенности. Большое место занимали вопросы интеграции детей-инвалидов в социокультурный контекст современного общества и подготовка к следующим образовательным этапам, к профессиональной деятельности и самореализации [1].

С начала XXI века большое внимание стало уделяться профессиональному среднему и высшему образованию людей с инвалидностью, что во многом отвечало запросам этой социальной группы. В свою очередь это обострило проблемы оказания различных видов поддержки, комплексного сопровождения, в котором нуждается обучающийся с инвалидностью в процессе получения профессионального образования.

Если этот вопрос во многом успешно решался в период организации среднего школьного образования, то проблема обучения людей с инвалидностью в среднем и высшем учебном заведении требует новых подходов.

Материал и методы. В статье использовали опыт проведения конференций для лиц с инвалидностью в 2003–2024 гг. на базе Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы и Санкт-Петербургского профессионально-реабилитационного центра (ПРЦ), беседы, интервью, кейс-стади.

Результаты и их обсуждение.

Непрерывное образование людей с инвалидностью – одна из ключевых проблем, обеспечивающих развитие внутренних ресурсов их личности на протяжении всего жизненного пути. Стратификационный признак этой социальной группы – ограничение жизнедеятельности – затрудняет ее возможности социализироваться в современном обществе и требует усилий государства по минимизации и даже устранения трудностей для интеграции инвалидов в различные сферы жизни. Одним из важнейших ресурсов для решения этой задачи является система непрерывного образования лиц, имеющих инвалидность и ограниченные возможности здоровья.

В период обучения в профессиональном учебном заведении, дающем среднее образование, социальную поддержку по имеющемуся функционалу осуществляет специалист по социальной работе. Наблюдения в течении более 20 лет за деятельностью такого специалиста на базе профессиональных учреждений показывает следующее: деятельность носит комплексный характер и осуществляется непосредственно и опосредованно через препо-

давателей-предметников, методистов, специалистов производственных отделов, родителей обучающихся, общественности и др. Разноплановость этой деятельности носит межведомственный характер, в последнее время большое внимание уделяется экологичной направленности образования и проблемам организации доступной среды, включая универсальный дизайн.

Остановимся на наиболее значимых чертах деятельности социального работника со стороны его функциональных и общественно значимых обязанностей.

Прежде всего, это сплав педагогической и андрагогической деятельности. Наряду с детьми, обучающимися после 9 класса (15 лет), большую часть составляют взрослые от 18 лет и старше. Наличие этого обстоятельства требует использования андрагогических требований, как в системе обучения, так и в ситуациях взаимодействия, что предполагает равенства позиций, непосредственное обращение к мотивам, смыслам, интересам, предпочтениям обучающихся и, что особенно важно, – это учет прошлого опыта молодого человека. Технологии обучения, методы взаимодействия, актуализация диалога, создание интерактивной среды, должны строиться с учетом андрагогических требований и способствовать уровню роста самосознания молодого человека.

Исходящая от социального работника идея комплексного сопровождения предполагает влияние педагогического коллектива и созданного им инклюзивного социума на все стороны личности обучающегося, имеющего инвалидность. В связи с этим остро ставится вопрос о реабилитационном потенциале обучающегося и необходимости создания условий для его развития. Особую значимость приобретает индивидуальная программа реабилитации человека с инвалидностью, которая должна быть полностью соотнесена с потенциалом его комплексного сопровождения, конкретного учебного заведения.

Создание индивидуальной программы сопровождения студента-инвалида осуществляется группой участников образовательного процесса. При этом учитываются наиболее значимые биосоциопсихологические и социальные факторы, влияющие на личность. При разработке прикладного аспекта деятельности по сопровождению обучающегося обосновывают его структурные компоненты, содержательно раскрывающие основные направления изучения особенностей студента с целью оказания социально-педагогической и медико-психологической поддержки. Опыт работы в этом направлении показывает, что необходимо уделять внимание таким системным блокам, как управление, содержание, технологии, используя при этом цифровые технологии [2].

В контексте управления выделяются оптимально организационные формы (структуры, подразделения), обосновываются специфики их взаимодействия, идеология координации медико-социальных и психолого-педагогических служб на основе целевой установки общей программы,

определяющей вектор многоплановой межведомственной деятельности внутри учреждения и его межведомственного характера. Это обстоятельство обостряет проблемы стратегических коммуникаций как по горизонтали (с учреждениями и структурами города, региона), так и по вертикали (с учреждениями и организациями других ведомств и направлений).

Стратегические коммуникации открывают связи для вхождения в «больной» социум, участие в региональных и федеральных проектах, использование инновационных платформ, универсального дизайна [3].

Активизация управленческого потенциала открывает широкие возможности для руководства процессом сопровождения посредством адресной мотивации студента-инвалида как субъекта деятельности при опоре на его интересы, потребности, предпочтения и возможности.

Рассмотрение в теоретическом аспекте феномена сопровождения как целостной системы дает возможность в прикладном плане разработать комплекс медико-социальных и психолого-педагогических (андрагогических) технологий, учитывающих возможности обучающегося. При этом особое внимание уделяется творческому потенциалу студента. Опыт работы со студентами свидетельствует о том, что многие из них создают творческие продукты, инклюзивные проекты [1]. Группы, в которых обучаются люди с инвалидностью, по их инициативе создают альманахи на актуальные темы, разрабатывают программы для людей с проблемами зрения «Слышим!» и др. Создание инклюзивного пространства в данной сфере предполагает наличие дополнительных компетенций специалистов по социальной работе. Об этом говорят специалисты (65%), посещающих курсы ПК. Без этого невозможно осуществлять комплексное сопровождение лиц с инвалидностью, учитывая требования модернизации профессионального образования и использования инноватики в учебном процессе и воспитательной работы с ними, а также разнообразные ограничения жизнедеятельности, разные показатели функциональной недостаточности. Необходимость формирования дополнительных компетенций является неотъемлемой частью профессионального развития специалистов по социальной работе и предполагает внесение в общую систему повышения их квалификации вышеназванных актуальных проблем.

Заключение. Профессиональное развитие специалистов по социальной работе предполагает постоянное совершенствование их компетенций в двух актуальных направлениях.

С одной стороны, это профессиональное максимальное использование возможностей учреждения профессионального образования для создания инклюзивной среды развития людей с инвалидностью, привлекая для этого потенциал преподавателей, кадры научно-методических, медико-психологических, методических, медико-психологических структур, общестественности, сетевых партнеров межведомственного характера и др. Потенциал этих специалистов и структур может создать основу для комплексного со-

провождения людей с инвалидностью с управленческих и организационно-методических позиций. Реализация такой программы требует развития дополнительных компетенций специалистов по социальной работе. Формирование необходимых компетенций может осуществляться на семинарах, в процессе проведения диспутов, деловых игр, а также на курсах ПК.

С другой стороны, актуализируются проблемы непосредственного и опосредованного взаимодействия в процессе реализации обучающихся программ. В них первое место занимают диалог, актуализирующий идею андрагогического взаимодействия в системе субъект-субъектного общения, мотивирующий на творчество, использование инновационных подходов, потенциала электронно-образовательной среды. При этом учитывается, что сопровождение человека с инвалидностью не только включает в себе его поддержку в образовательном процессе, но и создание комплекса условий для развития творчества, участия в инклюзивных проектах. Значимость их возрастает, т.к. они наиболее ярко отражают возможности самостоятельного решения проблем самими людьми с инвалидностью. В этом во многом принадлежит заслуга специалистам по социальной работе.

Список использованных источников:

1. Лебедева, С. С. Инклюзивные процессы в системе непрерывного образования лиц с инвалидностью / С. С. Лебедева, Л. В. Резинкина, М. Е. Кудрявцева, Е. А. Куликова // Человек и образование. – 2020. – №4 (65). – С.50-56.
2. Кузьменкова, Л. В. Система профессионального образования специалистов социальной сферы в условиях использования цифровых технологий / Л. В. Кузьменкова, С. С. Лебедева, Ю. Ю. Платонова // Человек и образование. – 2024. – №1 (57). – С.39-46.
3. Макарьев, И. С. Все, значит все! Руководящие принципы универсального дизайна в инклюзивном образовании: учебно-методическое пособие / И. С. Макарьев, Г. Н. Красновская. – СПб. : СПб ГБ ПОУ «ОХТИНСКИЙ КОЛЛЕДЖ», 2024. – С. 7.

УДК 37.013

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КНР КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Л. В. Пироженко

*Мультикультурный исследовательский центр,
Университет Худжоу (КНР)
(e-mail: lidiia17@yandex.ru)*

Аннотация. В статье анализируется современное состояние и направления развития системы непрерывного образования в КНР, раскрывается роль непрерывного образования в личностном и карьерном росте граждан разных возрастных и социальных групп, в преодолении социального нера-

венства в обществе, в предоставлении равных образовательных возможностей для всех граждан. В статье подчёркивается, что развитие непрерывного образования также является важной составляющей экономических преобразований в стране, улучшает возможности трудоустройства граждан в разных регионах, содействует равенству занятости, эффективному использованию трудовых ресурсов.

Ключевые слова: непрерывное образование, повышение квалификации, образовательные возможности, экономические преобразования.

THE DEVELOPMENT OF THE CONTINUING EDUCATION SYSTEM IN CHINA AS A PEDAGOGICAL AND SOCIO-ECONOMIC PROBLEM

L. V. Pyrozhenko

Multicultural Research Center of Huzhou University (China)

(e-mail: lidiia17@yandex.ru)

Abstract. The article analyses the current state and directions of development of the continuing education system in China, reveals the role of continuing education in the personal and career growth of citizens of different age and social groups, in overcoming social inequality in society, in providing equal educational opportunities for all citizens. The article emphasizes that the development of continuing education is also an important component of economic transformations in the country, improves employment opportunities in different regions, promotes employment equality, and the effective use of labor resources. Using education, professional development, educational opportunities, economic

Keywords: continuing education, professional development, educational opportunities, economic transformation.

С конца 70-х годов прошлого века, Китай прошёл внушительный путь от страны с неразвитой экономикой и низким образовательным уровнем населения к одной из ведущих мировых держав с огромным высококвалифицированным кадровым потенциалом. Экономический рост, трансформация промышленной структуры, углубление глобализации – всё это привело к изменениям в социальной структуре и образе жизни людей. По мере того, как растёт экономический и научно-технический потенциал страны, выбор карьеры китайскими молодыми людьми становится все более рыночно-ориентированным и диверсифицированным. Экономическое развитие и социальный прогресс актуализировали новые вызовы требованиям рынка труда, характеру работы и качеству профессиональных навыков.

Стремление соответствовать этим вызовам порождает у граждан разных возрастных групп готовность не только к постоянному совершенствованию своих знаний и профессиональных навыков, но и к овладению новыми специальностями, квалификационными уровнями. Обучение на

протяжении всей жизни, как ключевой инструмент образования и развития, стало важной составляющей сохранения конкурентоспособности и приобрело решающее значение для адаптации граждан трудоспособного возраста к социальным изменениям. Понимание жизненного цикла, при котором детство и юность – время учёбы, молодость – активный труд, а старость – время отдыха, в новых условиях потеряло свою актуальность. Сегодня каждый человек в любом возрасте должен иметь возможность учиться и повышать уровень своего образования, получать новые профессиональные навыки в течение всей жизни.

Концепция непрерывного образования в Китае разрабатывалась и внедрялась в 1979–1990-х годах, как часть реформирования всей социально-экономической сферы. С конца 1970-х до середины 1980-х годов, формировалась концепция образования взрослых. На её основе и с учётом тенденций развития международного образования в последующие годы была создана система образования взрослых. Впервые о непрерывном образовании в государственных документах было заявлено в «Мнении о дальнейшем укреплении работы повышении квалификации учителей» (1980). В 1987 году, Государственный совет принял «Решение о реформе и развитии образования взрослых», в котором вписано непрерывное образование в список задачи образования взрослых [1].

На протяжении 1990-х годов Министерством образования и правительством Китая был принят ряд документов («Программа реформы и развития образования Китая» (1993), «Закон об образовании» (1995), «Оживление сферы образования в КНР в 21 веке» (1999) и др.), в которых создание и совершенствование системы непрерывного образования провозглашается как необходимым условием развития образования так и инструментом построения процветающего общества социальной справедливости. В последующие годы государство всячески поддерживало развитие образования для взрослых, дистанционного образования, образования для социально уязвимых групп населения.

Учреждения профессионального образования и профессиональной подготовки в КНР подчинены Министерству образования и Министерству трудовых ресурсов и социального обеспечения. Министерство образования обеспечивает профессионально-техническое образование, а Министерство трудовых ресурсов и социального обеспечения отвечает за профессиональной переподготовку, разработку и внедрение профессиональных стандартов, систему квалификационных экзаменов, выдачу лицензий. На местном уровне соответствующие департаменты образования и трудовых ресурсов и социального обеспечения отвечают за текущее администрирование профессионального образования, в том числе распределение бюджетных ассигнований и подбор и управление персоналом государственных профессионально технических учебных заведений.

Непрерывное образование – это важный способ повышения научного, технологического и культурного качества людей и их способности к инновациям в сфере занятости и предпринимательства, обновления профессиональных знаний и навыков на протяжении всей жизни. Правительство КНР рассматривает непрерывное образование в качестве стратегической меры для реализации цели «омоложения страны через науку и образование» [2]. Благодаря непрерывному образованию каждый гражданин получает право учиться и развиваться, независимо от возраста, профессионального образования или предыдущего образовательного опыта, уровня здоровья. В настоящее время система непрерывного образования КНР включает начальное профессиональное обучение, переподготовку, облегчающую смену профессии, обучение подмастерьев в учебном заведении и на рабочем месте другие виды профессионально-технической подготовки, регулярное повышение квалификации [3].

Высшее профессиональное образование осуществляется в профессионально-технических институтах и/или профессиональных учебных заведениях. Другие школы или учреждения образования могут в зависимости от собственных возможностей предоставлять различные виды профессиональной подготовки для удовлетворения социальных потребностей. Также профессиональную подготовку осуществляют негосударственные учебные заведения, которые можно разделить на две группы:

а) некоммерческие организации при предприятиях, социальных и профессиональных ассоциациях, профсоюзах и различных некоммерческих организациях;

б) коммерческие организации, предлагающие краткосрочные сертифицированные курсы в рамках школьной программы.

В соответствии с Законом о профессиональном образовании КНР предприятия должны обеспечить систематическое профессиональное образование и обучение своих работников и безработных лиц, которых они нанимают. Предприятие может создать профессионально-техническое училище или профессиональное учебное заведение либо самостоятельно, либо в сотрудничестве с другим предприятием, а также может поручить существующим школам или профессионально-техническим учебным заведениям обеспечение образования своих собственных работников или лиц, которых предполагается нанять на работу [4].

Китайские исследователи (Сунь Лисинь, Ле Чуаньюн, Ван Ючунь и др.) выделяют такие современные тенденции развития непрерывного образования в Китае:

– Постоянный рост доли цифрового обучения. С развитием Интернета и мобильных технологий цифровое обучение стало важной формой непрерывного образования. Онлайн-курсы, дистанционные семинары и виртуальные лаборатории предоставляют учащимся гибкие и удобные

формы и методы обучения, преодолевающие временные и пространственные ограничения.

– Постепенный переход от непрерывного образования на протяжении всей жизни как осознанного выбора стремящейся к достижению жизненного успеха молодёжи к постоянному обучению как необходимой составляющей выживания на рынке труда. В быстро меняющейся профессиональной среде обучение на протяжении всей жизни стало необходимым условием адаптации к постоянно обновляющимся требованиям работы, а компании и правительства регионов всячески поощряют (в том числе и финансово) сотрудников и граждан к постоянному обучению.

– В последние годы распространяется персонализированное обучение. С помощью технологий искусственного интеллекта образовательные учреждения могут обеспечить разнообразные потребности в обучении и развитии слушателей. Анализируя требования и успеваемость учащихся, можно настроить траекторию обучения и ресурсы, подходящие для индивидуального обучения [1, 2].

Несмотря на беспрецедентные усилия, прикладываемые правительством КНР к развитию непрерывного образования, существует ряд нерешённых проблем, снижающих его эффективность и качество.

1. Образование взрослых имеет свои особенности, что не всегда отражается на практике. В организации образования взрослых, отборе содержания и методов их обучения необходимо, по мнению Ван Ючуня, учитывать следующие аспекты:

– взрослые учащиеся склонны самостоятельно управлять процессом обучения, способны его планировать и распределять учебную нагрузку с учётом личных жизненных обстоятельств, полученного образования, имеющегося опыта трудовой деятельности.

– взрослые привносят в учебный процесс свой личный и профессиональный опыт.

– взрослые учащиеся уделяют больше внимания практичности учебного материала, возможности использовать его в трудовой деятельности.

– взрослая мотивация к обучению не может опираться на внешнее поощрение или давление. Стимулом может быть личностный или карьерный рост, самоудовлетворение, осознанное желание реализовать себя в новой сфере деятельности.

2. С увеличением количества платформ для онлайн-образования важным вопросом стало то, как обеспечить качество образования. Отсутствие личного общения часто приводит к снижению качества преподавания, проблема академической честности в онлайн-среде также становится все более серьёзной [1, 2, 5].

3. Хотя цифровое обучение открывает новые возможности для жителей отдалённых регионов, работающих граждан, граждан с особыми потребностями, малообеспеченные слои населения по-прежнему не могут пользова-

ся этими ресурсами из-за отсутствия необходимого технического оборудования или доступа к сети, что усугубляет социальное неравенство.

4. Высококачественные образовательные ресурсы в основном сосредоточены в высокоразвитых районах и хорошо известных учебных заведениях, в то время как учащиеся в отдаленных и экономически слабо развитых районах страны испытывают трудности с получением образования того же уровня.

Анализ государственных документов и научных исследований проблем позволил нам выделить основные направления развития непрерывного образования в КНР в последующие годы:

— Предполагается усилить контроль за качеством онлайн-образования. Для этого, по мнению исследователей следует создать и внедрить систему оценки качества онлайн-образования для обеспечения эффективности преподавания образовательного контента при одновременном усилении борьбы с академическими проступками.

— Правительство страны и отдельных регионов, образовательные учреждения и общественные организации должны направить усилия для сокращения цифрового разрыва малообеспеченных слоёв населения. Предполагается помочь уязвимым группам на равных участвовать в непрерывном образовании путем предоставления инфраструктурной поддержки и технической подготовки.

— Необходимо с помощью политического руководства и рыночных механизмов способствовать направлению образовательных ресурсов в слабо развитые районы и добиваться сбалансированного распределения образовательных ресурсов [4, 6].

Таким образом, непрерывное образование, как важный способ адаптации к будущим социальным изменениям, постоянно находятся в центре внимания центрального правительства КНР, правительств отдельных регионов, министерств и ведомств.

Список использованных источников:

1. Сунь, Лисинь, Ле, Чуаньюн. Трансформация и мышление: 70 лет теоретических исследований в области образования взрослых [Электронный ресурс]: Режим доступа : <https://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotol-JYYJ201905016.htm> – Дата доступа : 12.09.2024.

2. Ван, Ючунь. Исследование теории и практики качественного развития непрерывного образования в высших учебных заведениях [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://xueshu.qikan.com.cn/preview/1/106/3393349> – Дата доступа: 12.09.2024.

3. Актуальная ситуация Всемирной конференции по развитию профессионально-технического образования [Электронный ресурс]: Режим доступа : <https://novostiplaneti.com/news/> – Дата доступа : 12.09.2024.

4. Краткий анализ 5 основных тенденций будущего развития профессионального образования [Электронный ресурс]: Режим доступа : [https:// baijiahao.baidu.com/s?id=1717744152577503396&wfr=spider&for=pc](https://baijiahao.baidu.com/s?id=1717744152577503396&wfr=spider&for=pc). – Дата доступа : 12.09.2024.

5. «Мнения об углублении строительства и реформировании современной системы профессионального образования») [Электронный ресурс]: Режим доступа : <http://www.moe.gov.cn/fbh/live/2022/55031/>. – Дата доступа : 12.09.2024.

6. Сущность реформы профессионального образования [Электронный ресурс]: Режим доступа : <https://zhidao.baidu.com/question/1609903573351293267.html?fr=search&word> – Дата доступа : 12.09.2024.

УДК 316.752:124.5:32:004

ФОРМЫ МЕНТАЛЬНОЙ АГРЕССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Э. И. Рудковский

Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова
(e-mail: edw.ru@yandex.by)

Аннотация. В статье дан анализ влияния процессов глобализации, информационного общества и политических технологий на весь уклад жизни людей, их духовный мир, изменение привычного и устоявшегося в различных сферах общественной жизни.

Ключевые слова: информационные технологии, культурный код, традиционные ценности, идеология, демократия.

FORMS OF MENTAL AGGRESSION IN MODERN CONDITIONS

E. I. Rudkovskiy

Vitebsk, VSU named after P. M. Masherov
(e-mail: edw.ru@yandex.by)

Abstract. The article provides an analysis of the impact of globalization, the influence of the information society and political technologies on the entire way of life, including the spiritual realm of individuals, alter the conventional and well-established practices, long-standing traditions across multiple aspects of societal life.

Keywords: information technologies, cultural code, traditional values, ideology, democracy.

В современном мире культурный код нации, ее духовная безопасность становятся все более уязвимыми. Тенденция развития западного общества – тотальная дегуманизация. На место подлинных духовных ценностей приходят установки расчеловечивания.

Цель статьи – анализ форм и направлений ментальной агрессии Запада в современных условиях.

Материал и методы. Материалом исследования явилась практика западных политехнологий по слому ментальных структур сознания населения, основ социокультурной среды. Используются общелогические и общепринятые методы теоретического исследования.

Результаты и их обсуждение. Глобализация разрушает все барьеры и границы, ведет к созданию взаимозависимого мира. «Девятый вал» глобализации захватывает все сферы общественной жизни, включая, конечно же, и духовную сферу. Время меняет стереотипы, подвергает ревизии устоявшиеся ценности и устои общества. В какой мере открытость современного общества безопасна? Общество находится под постоянным влиянием «современных трендов» в бурном информационном потоке, который часто несет ценности, изначально чуждые тому или иному этносу, его культурному коду.

В литературе встречаются различные подходы к определению культурного кода. Так, например, лингвисты исходят из того, что язык – это культурный код нации. Полагаем, что данное понятие нельзя ограничить только областью языка. Согласно Википедии, культурный код – это «уникальные культурные особенности, доставшиеся народам от предков, закодированная в некой форме информация, позволяющая идентифицировать культуру. Культурный код определяет набор образов, которые связаны с каким-либо комплексом стереотипов в сознании... Культурный код нации помогает понять ее поведенческие реакции, определяет народную психологию» [1].

Культурный код – это определяющее условие единства и стабильности государства и этноса в целом; он определяется традиционными ценностями, исторической памятью народа, которая предполагает адекватную интерпретацию исторического прошлого.

Одно из направлений усилий западных пропагандистов – это как раз борьба против традиционных ценностей, провозглашается «культура отмены», которая оборачивается в конечном счете отменой культуры, духовным регрессом, постмодернистской реконструкцией.

Все, что было ненормальным, аморальным, постыдным, убогим, теперь объявляется не просто нормой, а формой прогресса. А те, кто не согласен, считает происходящее абсурдом, провозглашаются ретроградами. Безумие начинает править Западом. По меткому замечанию Папы Франциска, гендерная теория является примером идеологической колонизации. Если хочешь быть успешным обывателем, делай вид, что все нормально. Все социальные поры закрыты агрессивной пропагандой ненормальности. Ведется война против корневых архетипов нашего народа, культивируется презрение к историческому прошлому, отказ от цивилизационной идентичности. Следует четко понимать, что «невозможно скопировать какие-то проверенные западные рецепты, ведь у нас разные цивилизации, разные

стартовые условия. Можно сказать, наши народы имеют разные культурные коды» [2, с. 59].

В последнее время в западном миропонимании подверглось существенной трансформации содержание такого явления духовной жизни, как идеология. Как известно, идеология играет важную роль в жизни общества, дает образ мира, определяет горизонты, направление, вектор развития общества, интегрирует его, обеспечивает ценностное единство в политической и духовной сферах. «...Человек боится «потеряться» в жизни, он отчаянно ищет идиллический образ будущего, который будет вселять уверенность и придавать значение жизни» [3, с. 105].

Западные идеологи и политики уже не придерживаются концепции деидеологизации. Более того, можно говорить о гиперидеологизации жизни западного общества. При этом существенно изменилась трактовка идеологии. Как и прежде, речь идет о правом и левом крыле идеологического спектра, но смысл данных понятий претерпел удивительную аберрацию. К примеру, к носителям левой идеологии теперь относят ультралибералов, сторонников ЛГБТ, представителей «зеленых».

Практически под идеологией понимается консьюмеристская психология. Проблема «передовой» идеологии, на данном историческом этапе необратимо трансформирующей мироощущение Запада, – в том, что она пока умеет только разрушать и деконструировать прежние формы западного уклада жизни. А вот перестройка общества на новых принципах равенства и социальной справедливости ей удастся куда хуже. Корпорациям нужны тупые, невзыскательные, пассивные, зомбированные рекламой потребители их продукции, а не люди Ренессанса и Просвещения. Поражает удручающее невежество выпускников школ, а каждый десятый ученик в ЕС и вовсе бросает школу. Идеологию – изначально концентрат принципов, норм государственного строительства, глобального сосуществования народов, начал личностного роста – низвели до уровня житейских удовольствий, денег, комфорта. Так жить проще, не надо задумываться о смысле жизни, судьбах страны, путях и средствах решения общественных и глобальных проблем. Демонстративная интеллектуальная деградация образцового потребителя стала нормой.

Данного мейнстрима не избежало и общественное сознание постсоветских стран. В свое время советские люди прощались со своей страной без большого сожаления. Устами западных пропагандистов рисовались прелести их образа жизни: свободный рынок, демократия, священное право частной собственности и т.п. А сегодня предлагают еще и такое, что не укладывается в рамки здравого смысла (достаточно упомянуть появившиеся инфантильные субкультуры фурри, квадробики, хоббихорсинга). Пропаганда и массовая культура навязывают представления о необходимом стиле поведения. Другое дело – каков этот стиль. Он ориентирован на западный стандарт, примитивизацию чувств и взглядов людей, апеллирует к

иррациональному, низменному. Такая стандартизация чревата духовным подрывом, потерей культурного кода, идентичности.

Уход от классического понимания идеологий, их разновидностей привел к тому, что существенно изменился и политический облик партий. Сегодня он определяется не стратегической социальной и политической программой, не выражением интересов определенных классов, а личными предпочтениями лидеров, сиюминутными, тактическими интересами. Это так называемые «зонтичные» партии. Вот почему практически нельзя порой предсказать линию поведения тех или иных партий, победивших на очередных выборах в различные органы государственной власти.

Действуя вопреки историческому опыту человечества, лидеры стран Запада пытаются строить отношения между странами на мнимых правилах, которые никем не принимались и не утверждались. Такие правила внедряются, периодически конъюнктурно изменяются в зависимости от конкретной ситуации и текущих интересов власть предержащих.

Чем дальше, тем больше происходит отказ от принципов демократии в «мире, основанном на правилах». Понятие демократии, свобода самовыражения подвергаются радикальной деструкции. Если кто-то позволяет себе критиковать сторонников ЛГБТ, нетрадиционных ценностей, его начинают обвинять в пренебрежении свободой мнений, нетолерантности, подвергают жесткой цензуре. Таковы реалии современной демократической Европы. Свобода самовыражения, как и прежде, признается неотъемлемой максимой, постулатом демократии. Но только если ты самовыражаешься правильно.

Могущество Запада держится на всепроникающем контроле над информацией. Западное медийное пространство – стерилизованное пространство. Контролируется вся жизнедеятельность людей, их конкретные стремления, влечения, мечты. Об этом позаботилась самая изощренная «машина желаний», когда-либо существовавшая в истории человечества, она мыслит и желает за людей. Ее работу обеспечивают тысячи интеллектуалов. Политическая конкуренция как черта демократии превращается в конкуренцию политтехнологических продуктов, которыми кормят широкие слои населения. Рычаги реальной политической власти все больше сосредоточиваются в рамках медийных магнатов. При этом, конечно, не исчезло влияние «глубинных» государств в лице традиционных «денежных мешков». Парадокс заключается в том, что это сопровождается ростом вовлеченности людей в политику. Другое дело – какова направленность этого участия в политике.

Прошлые заслуги либерализма выдаются за его нынешние достоинства. Никто не умаляет роли либерализма в обосновании необходимости свободы личности, ее самостоятельности, творческой инициативы. Однако сегодня данные принципы обернулись проповедью освобождения человека от всяких общественных и нравственных норм, которые делают человека

человеком. Такой человек из раскрепощенного превращается в опустошенного. Демократия становится «пустой формой» [4, с. 31].

Широкая свобода личности в своем пределе вступает в конфликт с самим существованием государства, подрывает основы человеческого общества в целом.

Заключение. Важнейшее направление идеологической работы нашего государства – это стимулирование, содействие осознанию нами своей национальной идентичности и понимание того, что у белорусского народа есть ценности национальной культуры, которые будут размываться, стираться и подминаться под себя теми «правилами», которые Запад трактует весьма произвольно и навязывает всем, прежде всего в контексте принципов неолиберализма и либертарианства.

Не Беларусь утрачивает гены европейской культуры, а сама Европа отравлена глобальными неолибералами. Именно Республика Беларусь, Российская Федерация становятся хранителями традиционных европейских духовных ценностей.

Мир стремительно меняется. И очень важно этносу не потерять себя. А. Г. Лукашенко отмечал: «Несмотря на все политические вихри, которые проносились над нашей страной, белорусский народ сумел сохранить и развить свои особые идентичность, язык, культуру, имеет уникальный талант и отличается особым качеством – миролюбием. Мы прошли сложный путь и достигли высоких результатов. Это должно быть объектом гордости» [5]. Данное обстоятельство следует в полной мере учитывать в процессе идейно-воспитательной работы с молодежью.

Список использованных источников:

1. Культурный код [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Культурный_код. – Дата доступа : 07.09.2024.
2. Малинецкий, Г. Г. Идеи гуманитарно-технологической революции / Г. Г. Малинецкий, А. В. Колесников // Беларуская думка. – 2019. – №1. – С. 59-65.
3. Кривоносова, Е. Э. Национализм в современном мире: идеология и политическая практика / Е. Э. Кривоносова // Ученые записки УО «ВГУ имени П. М. Машерова». – 2014. – Т. 18. – С. 101–106.
4. Панфилова, Т. В. Ценности глобализированного мира: общечеловеческие или обезчеловеченные? / Т. В. Панфилова // Философия и общество. – 2014. – Выпуск №2 (74). – С. 19-32.
5. Каким будет новый Национальный исторический музей? Подробности совещания у Лукашенко // СБ. – 2024. – 7 сентября.

СЕКЦИОННЫЕ ДОКЛАДЫ

СЕКЦИЯ 1. СОЦИАЛЬНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТИ

УДК 37.091.322:373.3.09

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Е. Д. Грук, Ю. Л. Поташёва
Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова
(e-mail: eva.yuk.2000@mail.ru)

Аннотация. Автором статьи проведен теоретический анализ проблем учебной деятельности в младшем школьном возрасте, выявлены факторы, влияющие на учебную деятельность учащихся младшего школьного возраста, рассмотрены психологические особенности детей младшего школьного возраста, проведен анализ особенностей формирования учебной деятельности у обучающихся данной возрастной группы.

Ключевые слова: учебная деятельность, младший школьный возраст, внимание, мотивация, формирование учебной деятельности

PROBLEMS OF FORMATION OF EDUCATIONAL ACTIVITY IN PRIMARY SCHOOL AGE

E. D. Gruk, J. L. Potasheva
Vitebsk, VSU named after P. M. Masharov
(e-mail: eva.yuk.2000@mail.ru)

Abstract. The author of the article carried out a theoretical analysis of the problems of educational activity in primary school age, identified factors affecting the educational activities of primary school age students, considered the psychological characteristics of primary school age children, analyzed the features of the formation of educational activities among students of this age group.

Keywords: educational activity, primary school age, attention, motivation, formation of educational activity

С поступлением ребенка в школу в число ведущих, наряду с общением и игрой, выдвигается учебная деятельность. В развитии детей младшего школьного возраста этой деятельности принадлежит особая

роль. Учебная деятельность как самостоятельная складывается именно в это время и определяет во многом интеллектуальное развитие детей от 6-7 до 10-11 лет [1, с. 120].

Учебная деятельность в младшем школьном возрасте имеет свои особенности. Учебная деятельность здесь только начинается, и поэтому о ней нужно говорить, как о развивающемся виде деятельности. Ее предстоит совершенствоваться в течение долгих лет жизни, если человек будет все это время продолжать учиться [3, с. 122].

Если процесс развития учебной деятельности идет стихийно, то он занимает длительное время. При продуманном и разумном формировании учебной деятельности можно добиться того, что уже к старшим классам ребенок приобретает новые или изменит существующие у него знания, умения и навыки. Главная нагрузка приходится как раз на младший школьный возраст, где образуются основные составляющие этой деятельности: учебные действия, контроль и саморегуляция [3, с. 120].

Материал и методы. Исследование формирования учебной деятельности в младшем школьном возрасте было проведено на базе ГУО «Средняя школа № 22 г. Борисова» в естественных условиях учебного процесса. В нем принимали участие 40 учащихся 3-х классов. В процессе исследования были применены следующие методики: методика «Лесенка побуждений» (А. И. Божович, И. К. Маркова), методика Н. Г. Лускановой «Оценка уровня учебной мотивации учащихся начальных классов», методика «Изучение учебной мотивации у младших школьников» М. Р. Гинзбурга.

Результаты и их обсуждение. Анализ результатов выявления школьной мотивации по методике Н. Г. Лускановой учеников 3-х классов представлены на рисунке 1.

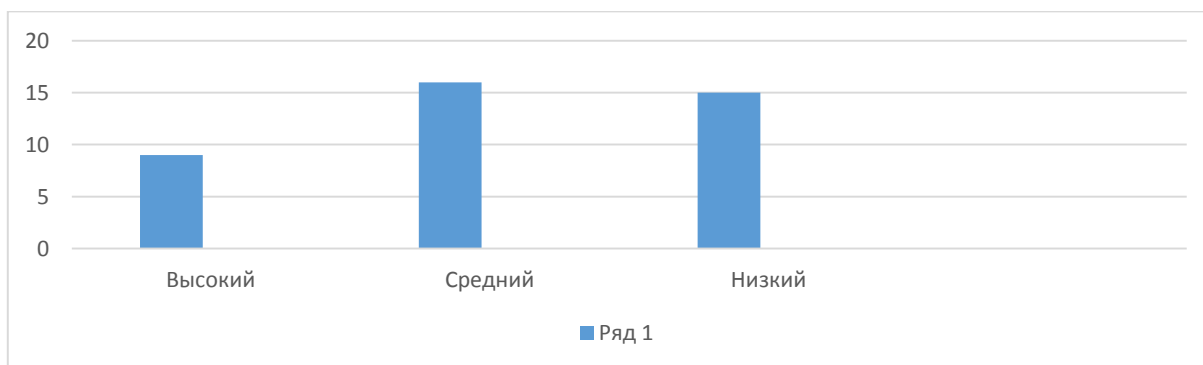

Рисунок 1 – Сравнительный анализ результатов выявления школьной мотивации по методике Н.Г. Лускановой учащихся 3-х классов, в количестве 40 человек

Были выявлены три уровня мотивации: высокий уровень мотивации при котором 9 человек или 22,5 % из 40, набрали больше 25 баллов. У таких учеников высокие познавательные мотивы, они выполняют все указания учителя добросовестно и ответственно. Средний уровень мотивации

при котором 16 человек или 40 % из 40, набрали больше 15 баллов. Такие дети положительно относятся к школе, но более привлекательна для них внеучебная деятельность. Низкий уровень мотивации при котором 15 человек или 37,5 % из 40 набрали от 9 до 14 баллов. Ученики, у которых средний балл – от «8,6» до «10», обладают высоким уровнем мотивации, от «6,5» до «8,5» – средний уровень.

Результаты исследования детей по методике «Лесенка побуждений» представлены на рисунке 2.

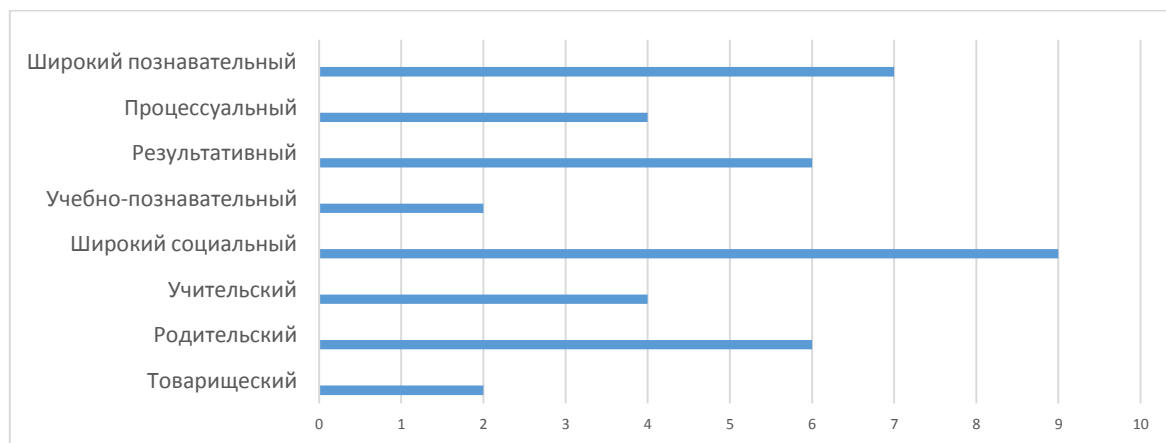

Рисунок 2 – Соотношение социальных и познавательных мотивов учащихся 3-х классов, в количестве 40 человек

При анализе рисунка 2 видно, что на первом месте находятся широкие социальные мотивы 9 человек – 22,5 %. Второе место широкие познавательные мотивы 7 человек – 17,5 %. третье место учительский, процессуальные мотивы по 4 человека – 10 %, четвертое место товарищеский и учебно-познавательный по 2 человека – 5 %.

Результаты методики М. Р. Гинзбурга позволяют судить о том, что в классах преобладает социальный мотив, далее учебный, оценочный, внешний, игровой и позиционный мотивы (рисунок 3).

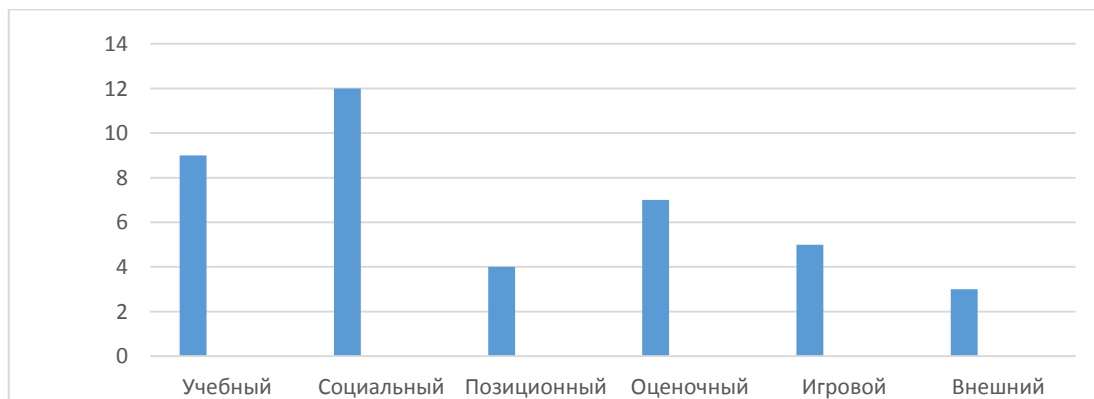

Рисунок 3 – Сравнительная диаграмма классификации мотивов учеников в 3-х классах

Для повышения успешности учебной деятельности младших школьников, учителю необходимо создавать специальные педагогические условия формирования мотивации учебной деятельности обучающихся:

1. Организация индивидуальной и подгрупповой работы с обучающимися с учетом их возрастных и индивидуальных особенностей.

2. Становление психологических установок и готовности к учебной деятельности посредством проведения поисково-исследовательской деятельности и проектного обучения.

3. Использование приемов обучения, направленных на активизацию интереса учащихся к изучаемому предмету.

Заключение. Проанализировав полученные результаты, можно сделать следующие выводы:

— выявлены методики для экспериментального исследования познавательной мотивации детей младшего школьного возраста. Н. Г. Лускановой – оценка уровня познавательной мотивации, М. Р. Гинзбурга – определение уровня познавательной мотивации детей младшего школьного возраста.

– определены критерии развития познавательной мотивации детей младшего школьного возраста: навык самостоятельного применения дополнительной литературы; высокий уровень познавательной мотивации при проведении занятия; самостоятельное решение учебных задач. Данные критерии проявляются в разной степени, что говорит о разных уровнях познавательной мотивации: высоком, среднем и низком.

– при использовании методик по диагностике уровней познавательной мотивации выявилось, что результаты, полученные в ходе исследования в классах, имеют примерное равенство, что говорит об одинаковых педагогических условиях.

Таким образом, формирование мотивации учебной деятельности младших школьников эффективно если учитель в процессе обучения систематически включает цели мотивационного характера в учебные планы и планы уроков, внеурочной деятельности, а именно использует методы и приемы обучения, направленные на активизацию интереса учащихся к изучаемому предмету.

Список использованных источников:

1. Бороздина, Г. В. Психология и педагогика: Учебник для бакалавров / Г. В. Бороздина. – Люберцы: Юрайт. – 2016. – 477 с.

2. Габай, Т. В. Общая структура учебной деятельности: дис. ... докт. психол. наук:19.00.07 / Т. В. Габай. – М., 2001. – 186 с.

3. Магомедова, З. Ш. Проблемы современного педагогического образования / З. Ш. Магомедова, Р. В. Сулейманова // Проблемы современного педагогического образования Учредители: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского. – 2022. – С. 122-125.

4. Поташева, Ю. Л. Коммуникативно-интеллектуальные задачи в контексте экзистенциальной коммуникации с Другими / Ю. Л. Поташёва, А. Ю. Алькиническая // Психологический Vademecum: Витебщина М. М. Бахтина : сб. науч. ст. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – С.184-189. – URI: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/17011>.

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО
СОПРОВОЖДЕНИЯ СЕМЕЙ УЧАСТНИКОВ СВО
В УЧРЕЖДЕНИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ**

В. Я. Добрицкий

*Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный институт
психологии и социальной работы (Российская Федерация)
(e-mail: dobrik.v@mail.ru)*

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления совершенствования организации системы социального сопровождения членов семей участников СВО. Представлены направления межведомственного взаимодействия и социального сопровождения семей участников СВО.

Ключевые слова: семьи участников СВО, формы социального сопровождения, социальный куратор, межведомственная команда.

**IMPROVING THE SYSTEM OF SOCIAL SUPPORT
FOR THE FAMILIES OF ITS PARTICIPANTS
IN SOCIAL SERVICE INSTITUTIONS**

V. Y. Dobritskiy

*Petersburg, St. Petersburg State Institute
of Psychology and Social Work (Russian Federation)
(e-mail: dobrik.v@mail.ru)*

Abstract. The article discusses the ways to improve the organization of the social support system for family members of the participants of the SVO. The directions of interdepartmental interaction and social support for the families of the participants of the SVO are presented.

Keywords: Families of the participants of the SVO, forms of social support, social curator, interdepartmental team.

В настоящее время комплексная поддержка участников специальной военной операции (СВО), членов их семей является одним из важнейших направлений работы органов социальной защиты населения и учреждений социального обслуживания Санкт-Петербурга. Для семей мобилизованных граждан с начала проведения СВО, было организовано сопровождение специалистами районных администраций и подведомственных им учреждений. В основе организации социальной поддержки членов семье участ-

ников СВО применяется комплексный подход с учетом индивидуальных запросов и потребностей граждан [1].

В Санкт-Петербурге определены нормативно-правовыми актами основные понятия и термины для обеспечения организации социального сопровождения участников СВО и членов их семей.

Участники СВО – это лица, непосредственно принимающие (принимавшие) участие в СВО [3].

Члены семьи участника СВО – супруг(а), родители, усыновители, несовершеннолетние дети участника СВО, а также. Дети в возрасте до 23 лет, обучающиеся в образовательных организациях по очной форме обучения, в том числе усыновленные, опекаемые, приемные, пасынки и падчерицы, лица, находящиеся на иждивении участника СВО [3].

В Санкт-Петербурге поддержкой участников СВО и членов их семей осуществляют специалисты Фонда поддержки участников СВО «Защитники Отечества», общественные организации, благотворительные фонды, неравнодушные граждане, добровольцы (волонтеры). Они оказывают содействие в получении всех мер социальной поддержки, а также помощь в получении психологической и медицинской реабилитации.

В Санкт-Петербурге сформирована двухуровневая система социальной поддержки участникам СВО и членам их семей: городской и районный. На городском уровне создан координационный центр, который осуществляет социальную поддержку участников СВО и членов их семей, которые не имеют постоянной регистрации в Санкт-Петербурге [3].

На районном уровне организована и проводится работа по социальной поддержке и социальному сопровождению участников СВО и членов их семей. В отделы социальной защиты администраций районов Санкт-Петербурга из военного комиссариата Санкт-Петербурга и его отделов (военкоматов) по районам поступает информация о мобилизованных гражданах и их семьях. Специалисты проводят оценку ситуации семей участников СВО и передают информацию в подведомственные учреждения.

Социальное сопровождение участников СВО и членов их семей в Санкт-Петербурге определено как деятельность по оказанию содействия в получении медицинской, психологической, педагогической, юридической, социальной помощи, не относящейся к социальным услугам, путем привлечения организаций, предоставляющих такую помощь на основе межведомственного взаимодействия [3].

Направление деятельности по социальному сопровождению семей участников СВО возложено на районные учреждения социального обслуживания населения (далее – Учреждения), которые предоставляют различные виды социальных услуг с учетом особенностей и нуждаемости конкретной семьи участников СВО. За каждой семьей участника СВО закрепляется социальный куратор и ведется социальный паспорт.

В настоящее время для назначения социального куратора, можно заполнить заявление на портале Госуслуг онлайн или в МФЦ Санкт-Петербурга. Потребуется регистрация в ЕСИА. Зарегистрироваться и подтвердить учётную запись в ЕСИА также можно в МФЦ без предварительной записи.

Специалисты Учреждения осуществляют содействие в получении срочной, медицинской и натуральной помощи, организации культурно-досуговых мероприятий с членами семей участников СВО, оказание при необходимости срочную психологическую помощь, содействие в трудоустройстве, предоставление необходимой социальной помощи.

Социальные кураторы Учреждения осуществляют оценку ситуации в каждой конкретной семье, оказывают своевременную помощь и поддержку в зависимости от обстоятельств, оказывают содействие в оформлении мер социальной поддержки и льгот, установленных в Санкт-Петербурге.

На основании анализа деятельности специалистов Учреждения установлено, что ситуации и проблемы в семьях участников СВО достаточно динамичные, подвержены резким изменениям по различным обстоятельствам и требуют оперативного и комплексного принятия решения.

В настоящее время для обеспечения эффективной и оперативной работы с семьями участниками СВО требуется совершенствование модели межведомственного взаимодействия деятельности органов социальной защиты населения, учреждений социального обслуживания на районном уровне, а также взаимодействия с организациями и учреждениями системы образования, здравоохранения, труда и занятости, органами местного самоуправления, общественными организациями и другими заинтересованными ведомствами.

Координация межведомственного взаимодействия подразумевает выполнение ответственным специалистом (координатором) на административном районном уровне стандартных управленческих функций: планирование и определение конкретных целей и результатов работы; формирование мероприятий программы (плана) мероприятий, тщательное исполнение мероприятий и стимулирование деятельности исполнителей; разработка показателей качества работы специалистов; контроль и учет деятельности.

Координация работы с участниками СВО и членами их семей должна осуществляться в двух направлениях:

- координация социальной помощи и своевременное предоставление семьям участников СВО социальных услуг и осуществление социального сопровождения;
- координация деятельности межведомственной команды.

Координацию деятельности на уровне района осуществляет отдел социальной защиты населения (далее – ОСЗН) района Санкт-

Петербурга, ответственный за организацию комплексной социальной помощи, социального сопровождения и деятельность междведомственной команды специалистов учреждений социального обслуживания районного звена.

В учреждениях социального обслуживания руководством Учреждения назначается профильный специалист – социальный куратор, который осуществляет взаимодействие с семьями участников СВО, выясняет и уточняет их проблемы, своевременно содействует их разрешению, непосредственно организует предоставление помощи и отвечает за выполнение мероприятий программы социального сопровождения.

Социальный куратор формирует и ведет в электронном виде в автоматизированной информационной системе «Электронный социальный регистр населения Санкт-Петербурга» социальный паспорт участника СВО, который содержит социальную информацию об участнике СВО и членах его семьи, данные о полученных мерах социальной поддержки, комплекс мероприятий, которые требуются для преодоления обстоятельств, ухудшающих или могут ухудшить условия их жизнедеятельности, а также результаты работы.

Количество семей участников СВО на одного социального куратора по опыту работы должно составлять 15 – 20 семей, в зависимости от сложности проблем и, соответственно, уровнем интенсивности работы и вмешательства.

Координацию процесса социального сопровождения в Учреждении необходимо рассматривать как направление деятельности, разработать (скорректировать) технологический регламент социального сопровождения (работ) и сформировать государственное задание для Учреждения.

Предоставление социальных услуг и социальное сопровождение семей участников СВО осуществляется в соответствии с индивидуальными программами предоставления социальных услуг.

Социальное сопровождение семей участников СВО может осуществляться в следующих формах: комплексного социального сопровождения и социального посредничества.

Форма социального сопровождения определяется обстоятельствами и потребностями семьи, степенью интенсивности взаимодействия специалистов и семьи участника СВО.

Комплексное социальное сопровождение осуществляется, когда члены семьи участника СВО экстренно нуждаются в помощи и находятся в трудной (кризисной) жизненной ситуации, предусматривает взаимодействие социального куратора и членов семьи участника СВО не реже одного раза в неделю.

Комплексное социальное сопровождение членов семей участников СВО предполагает поэтапное реализацию мероприятий:

1. На подготовительном этапе осуществляется информирование участников СВО и членов их семей о возможности и целесообразности социального сопровождения, в том числе путем обращения за получением социального сопровождения через сервис на портале государственных услуг Санкт-Петербурга и в структурных подразделениях МФЦ. При обращении социальный куратор консультирует о возможностях предоставления социального обслуживания, социального сопровождения и мер социальной поддержки.

При необходимости в рамках межведомственного взаимодействия, передает информацию о выявленных проблемах в соответствующие органы и учреждения. При отсутствии информации о родственных связях в АИС ЭСРН, куратор запрашивает подтверждающие документы у семьи для привязки родственников в АИС ЭСРН.

По результатам диагностики проблем семьи и заключений специалистов, определяется совместно с членами семьи участника СВО цели, задачи, сроки и результаты мероприятий социального сопровождения, определение действий, которые надо совершить для достижения поставленных целей. Разрабатывается и утверждается индивидуальная программа (план) социального сопровождения.

2. Основной этап – осуществление социального сопровождения. Оказание помощи в решении выявленных проблем. На всем протяжении социального обслуживания и социального сопровождения осуществляется постоянное формирование и поддержание устойчивой мотивации на взаимодействие членов семьи участника СВО со специалистами.

3. На завершающем этапе реализации мероприятий программы социального сопровождения совместно с участником и членами его семьи проводится оценка результатов социального сопровождения. Социальный куратор дает рекомендации на дальнейшее взаимодействие.

В форме социального посредничества социальное сопровождение членов семей участников СВО осуществляется с целью систематической оценки жизненной ситуации семьи и при необходимости выполнения определенного объема работ для адаптации к сложившейся ситуации. Взаимодействие социального куратора и членами семьи участника СВО осуществляется не менее одного раза в месяц.

Завершение социального сопровождения также осуществляется в случаях: отказа членов семьи от социального сопровождения в письменной (устной) форме; утраты контакта и иных случаях.

На основании анализа деятельности районных учреждений социального обслуживания Санкт-Петербурга с данной категорией населения для обеспечения своевременной, адресной социальной помощи и обеспечения эффективного социального сопровождения семей участников СВО предлагается сформировать на базе учреждения социального

обслуживания подразделение в составе специалистов: заведующий отделением; специалисты по социальной работе (социальный куратор); юрисконсульт; психолог.

Основными направлениями деятельности Отделения являются:

- получение информации и ведение учета семей участников СВО;
- выявление нужд и потребностей семей участников СВО, анализ ситуации участников СВО и членов их семей;
- организация и осуществление индивидуальной работы с семьями участников СВО в соответствии с индивидуальной программой социального обслуживания (планом работы с семьей);
- оказание консультативной помощи семьям участников СВО, при необходимости срочной социальной помощи;
- организация культурно-досуговой деятельности: семейные клубы, развивающие студии, тематические мероприятия и социально значимые акции и др.;
- содействие семьям в трудоустройстве, социальной адаптации и реабилитации ветеранов СВО;
- оценка эффективности оказания социальной помощи и мер социальной поддержки.

Таким образом, предложенная модель социального сопровождения участников СВО в учреждениях социального обслуживания позволит своевременно и эффективно оказывать необходимую социальную помощь семьям участников СВО.

Список использованных источников:

1. Комплексная реабилитация участников специальной военной операции на Украине: дайджест январь-февраль 2023 / Т. И. Бонкало. – М.: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://niiioz.ru/moskovskaya-meditsina/izdaniyanii/daydzhest-meditsinskiy-turizm-i-eksport-meditsinskikh-uslug> (дата обращения: 05.09.2024).
2. Мотивирование ветеранов боевых действий, принимавших участие с специальной военной операции, и членов семей погибших при выполнении задач в ходе специальной военной операции к обращению за психологической помощью: Методические рекомендации / А. С. Баева, В. Г. Булыгина, А. Г. Долгих, М. Г. Киселева, Е. В. Фадеева. – 2023. – 23 с. [Электронный ресурс]. – URL: https://psy.su/content/files/2_5425096628937704289 (дата обращения: 05.09.2024).
3. Распоряжение Правительства Санкт-Петербурга от 5.04.2024 №368-р «Об утверждении Порядка организации работы по социальному сопровождению участников специальной военной операции и членов их семей организациями социального обслуживания населения, находящимися в ведении исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/trud/documents> (дата обращения: 05.09.2024).

МЕСТО СЕМЬИ В ИЕРАРХИИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЫХ ЖЕНЩИН¹

Е. С. Киричик, Е. В. Ярмольчик

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

(e-mail: kirichikelena@yandex.ru, yarmolchik@brsu.by)

Аннотация. В статье представлены результаты исследования ценностных ориентаций женщин молодого возраста. Определена иерархия инструментальных и терминальных ценностей в возрасте 20–30 лет. Проведен сравнительный анализ преобладающих ценностей в возрасте 20–25 и 25–30 лет. Полученные результаты позволяют выстроить приоритетные направления в развитии семейно-ценностных ориентаций молодых женщин.

Ключевые слова: ценностные ориентации, молодые женщины, инструментальные ценности, терминальные ценности, семейные ценности.

THE PLACE OF THE FAMILY IN THE HIERARCHY OF VALUE ORIENTATIONS OF YOUNG WOMEN

E. S. Kirichyk, E. V. Yarmolchik

Brest, BrSU named after A. S. Pushkin

(e-mail: kirichikelena@yandex.ru, yarmolchik@brsu.by)

Abstract. The article presents the results of a study of the value orientations of young women. The hierarchy of instrumental and terminal values at the age of 20–30 years is determined. A comparative analysis of the prevailing values at the age of 20–25 and 25–30 years was carried out. The results obtained allow us to build priority directions in the development of family value orientations of young women.

Keywords: value orientations, young women, instrumental values, terminal values, family values.

Одно из явлений современного мира – это изменения семейно-ценностных ориентаций молодого поколения. Высокая самооценność, высокое значение ценностей самореализации в профессиональной деятельности и личностном общении, гедонистическая направленность составляют

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в рамках выполнения НИР «Самосознание молодых женщин, как условие формирования мотивации деторождения» (грант № Г23М-034 на 2023–2025 гг.)

серьезную конкуренцию ценности семьи и материнства. Многочисленные научные исследования свидетельствуют о снижении ценности семьи, которая часто уже не выполняет репродуктивную функцию, что выражается в стремительном падении рождаемости. Все это свидетельствует об углубляющемся кризисе семьи как социального института [1].

Ценностные ориентации являются не только значимыми единицами самосознания, но и влияют на формирование жизненных стратегий, управляют поведением и во многом, обуславливают характер межличностного взаимодействия [2]. Ценностные ориентации детерминируют регулирующую и целеполагающую функцию самосознания, определяют направленность личности, относительно мировоззрения, самоотношения, взаимодействия с другими людьми и формируют содержание мотивов [3, 4].

Исследование ценностей, является важным научным процессом, открывающим для понимания особенности культуры человека, стимулы поведения человека и возможные решения проблем современности [пилипенко]. В исследовании самосознания молодых женщин, важным является выявление места семьи в иерархии ценностей. Исследование ценностных ориентаций личности является одним из важнейших направлений в выявлении причин действий и поступков. Целью исследования, описанного в данной статье, стало изучение ценностных ориентаций молодых женщин.

Материал и методы. Для оценки направленности молодых женщин, их выбора жизненного пути, нами была выбрана методика «Ценностные ориентации» М. Рокича. Автор различает два класса ценностей: терминальные – убеждения в том, что конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться; инструментальные – убеждения в том, что какой-то образ действий или свойство личности является предпочтительным в любой ситуации. Доминирующая направленность ценностных ориентаций человека фиксируется как занимаемая им жизненная позиция, которая определяется по критериям уровня вовлеченности в сферу труда, в семейно-бытовую и досуговую активность [5].

В исследовании приняли участие 60 респондентов – молодые женщины, не имеющие детей. Участники были распределены, по признаку возраста, на две сравнительные группы по 30 человек: первая группа – женщины в возрасте от 20 до 25 лет (средний возраст 21,8) и вторая группа – женщины в возрасте от 25 до 30 лет (средний возраст 26,7). Респондентам было предъявлено два списка ценностей (по 18 в каждом), в которых им было предложено каждой ценности присвоить ранговый номер. По результатам проведения методики М. Рокича была выявлена иерархия терминальных и инструментальных ценностей.

Результаты и их обсуждение.

Анализируя результаты ранжирования терминальных ценностей, определяемых автором методики, как ценности – цели, к которым стремятся респонденты, было выявлено что, более чем у половины опрошенных

женщин (60 %) конкретные ценности преобладают над абстрактными (40 %). При этом у женщин в возрасте 20–25 лет абстрактные ценности имеют более высокий средний ранг, следовательно, являются более значимыми для них, по сравнению с женщинами более старшего возраста (рисунок 1). Можно сказать, что мышление большинства женщин определяется не отвлеченными понятиями, а конкретными представлениями о реально существующих объектах, на чем и базируются ценности большинства женщин.

Наиболее значимыми, для большей части (57 %) опрошенных женщин 25–30 лет, являются ценности личной жизни, чем профессиональной самореализации (интересная работа, общественное признание, продуктивная жизнь и развитие). У большинства женщин 20–25 лет (53 %) средний ранг ценностей личной жизни (здоровье, любовь, семейная жизнь, наличие друзей) ниже.

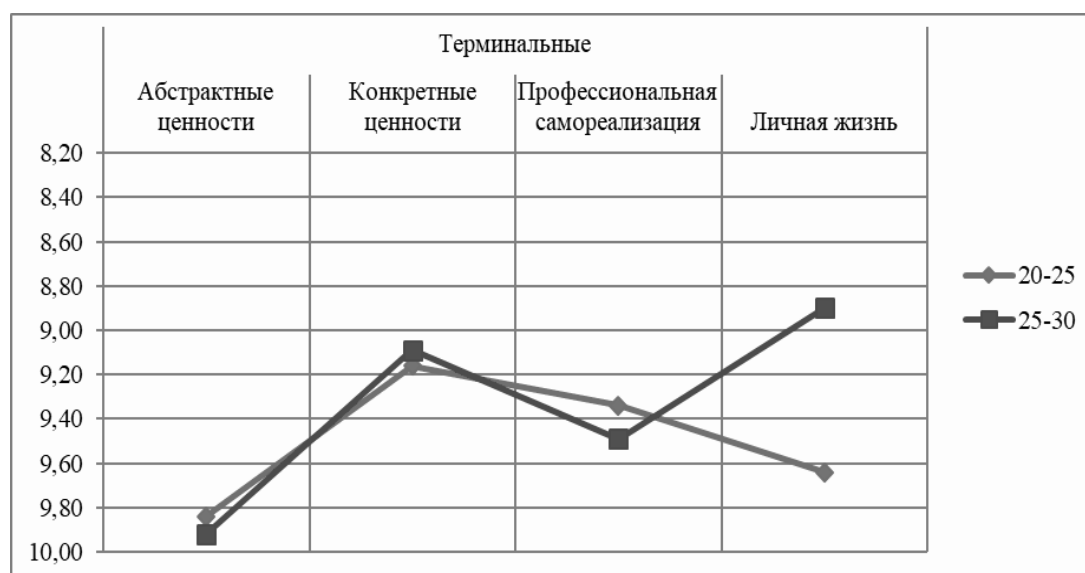

Рисунок 1 – Обобщенные группы терминальных ценностей

Распределение средних значений, наиболее значимых терминальных ценностей, для двух групп женщин, представлено в таблице 1. Можно отметить, что для женщин 20–25 лет, более значимыми терминальными ценностями являются: в первую очередь – здоровье; на втором месте – уверенность в себе; на третьем – счастливая семейная жизнь, любовь, материально обеспеченная жизнь, а также жизненная мудрость. Для женщин 25–30 лет перечисленные ценности имеют меньшую значимость, при этом на первом месте по значимости так же здоровье; на втором – наличие друзей и развитие, далее любовь, материально обеспеченная жизнь, интересная работа. С целью нахождения различий, между показателями женщин разного возраста, мы применили непараметрические методы математической статистики – критерий Манна Уитни. Критерий Манна Уитни позволяет

попарно проанализировать показатели возрастных групп. Расчеты производили в программе SPSS версия 23.

Таблица 1 – Наиболее значимые терминальные ценности для молодых женщин

Женщины 20–25 лет		Женщины 25–30 лет	
Ценности	Ср.знач. ранга	Ценности	Ср. знач. ранга
здоровье	2,90	здоровье	7,27
уверенность в себе	5,93	наличие друзей	7,87
счастливая семья	6,10	развитие	8,00
любовь	6,23	любовь	8,07
обеспеченная жизнь	6,80	интересная работа	8,07
жизненная мудрость	7,60	обеспеченная жизнь	8,33

Статистически значимые различия по возрасту выявлены по следующим рангам ценностей: здоровье ($U=271,5$; $p=0,01$), наличие друзей ($U=294,5$; $p=0,02$), уважение ($U=285$; $p=0,01$), развлечения ($U=261$; $p=0,01$). Ранги по всем данным ценностям имеют меньшее значение, а, следовательно, ценности имеют большую значимость для женщин 20-25 лет. Корреляционный анализ, с использованием коэффициента Спирмена, указывает на наличие корреляционных связей возраста и таких терминальных ценностей как: уверенность в себе, счастье других людей, развлечения, уважение окружающих, здоровье, наличие друзей, счастливая семейная жизнь. Установлено, что чем старше женщина, тем более значимы для нее: развлечения ($r_s=-0,365^{**}$; $p=0,004$), счастье других людей ($r_s=-0,350^{**}$; $p=0,006$), уважение других людей ($r_s=-0,319^{*}$; $p=0,013$), наличие друзей ($r_s=0,300^{*}$; $p=0,020$). Чем моложе женщина, тем более значима для нее счастливая семейная жизнь ($r_s=0,409^{*}$; $p=0,001$), уверенность в себе ($r_s=0,386^{**}$; $p=0,002$), здоровье ($r_s=0,352^{**}$; $p=0,006$). К незначимым (отвергаемым) терминальным ценностям для двух групп женщин относят познание, красоту природы и искусства, творчество, уважение окружающих и счастье других.

Анализируя результаты ранжирования, ценностей-средств – инструментальных ценностей респонденток, нами установлено, что у женщин 20-25 лет преобладают ценности дела и самоутверждения, а у женщин 25-30 лет – ценности общения, конформистские ценности, альтруистические, ценности принятия других людей. Статистически доказано, что чем старше женщина, тем более значимо для нее общение ($r_s=-0,280^{**}$; $p=0,030$) и принятие других людей ($r_s=-0,382^{**}$; $p=0,003$), а чем женщина моложе, тем более значимо для нее самоутверждение ($r_s=0,261^{**}$; $p=0,044$). На рисунке 2 представлены обобщенные группы инструментальных ценностей.

Распределение средних значений, наиболее значимых инструментальных ценностей, для двух групп женщин, представлено в таблице 2.

Для женщин 20–25 лет более значимыми инструментальными ценностями являются: в первую очередь воспитанность; на втором месте – образованность, жизнерадостность, честность, далее ответственность и чуткость. Для женщин 25–30 лет на первом месте образованность, на втором месте – ответственность, рационализм, далее независимость, смелость, самоконтроль. Статистически значимые различия по возрасту выявлены по следующим рангам инструментальных ценностей: широта взглядов ($U=320,0$; $p=0,05$), рационализм ($U=291,0$; $p=0,02$), непримиримость ($U=255,5$; $p=0,004$). Ранги по данным ценностям имеют меньшее значение, а, следовательно, ценности имеют большую значимость, для женщин 25–30 лет.

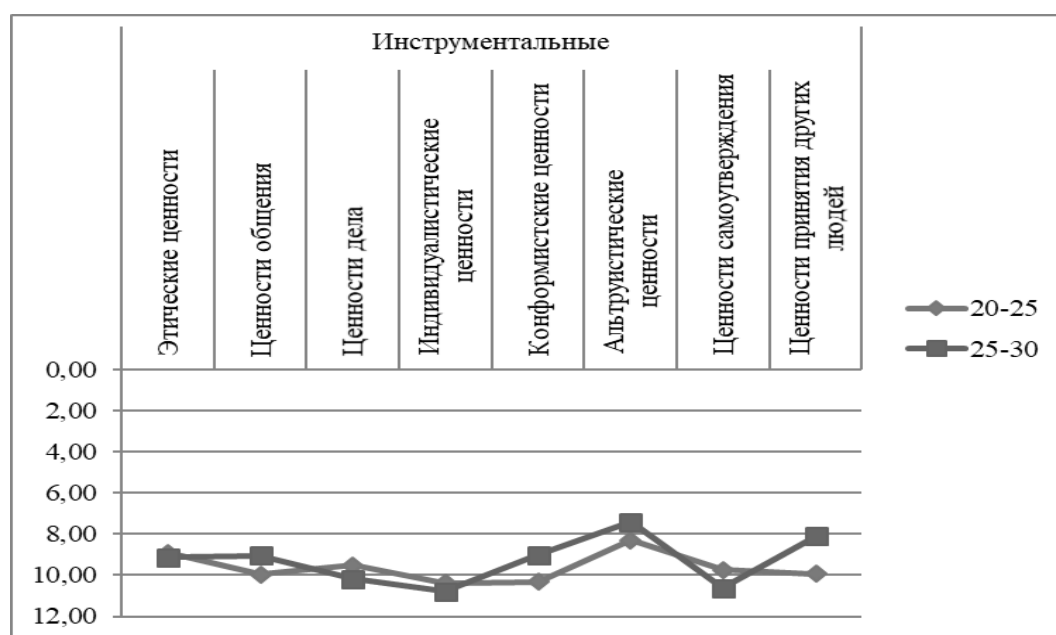

Рисунок 2 – Обобщенные группы инструментальных ценностей

Таблица 2 – Наиболее значимые инструментальные ценности для молодых женщин

Женщины 20–25 лет		Женщины 25–30 лет	
Название ценности	Среднее значение ранга	Название ценности	Среднее значение ранга
воспитанность	4,97	образованность	6,27
образованность	6,93	ответственность	7,27
честность	7,10	рационализм	7,97
жизнерадостность	7,17	независимость	8,47
ответственность	7,47	смелость	8,90
чуткость	7,87	самоконтроль	9,00

Корреляционный анализ, указывает на наличие корреляционных связей возраста и таких ценностей как: непримиримость, рационализм, жизнерадостность, воспитанность. Чем старше женщина, тем большую значимость имеют ценности рационализма ($r_s = -0,307^*$; $p = 0,017$) и непримиримости ($r_s = -0,379^{**}$; $p = 0,003$). Чем моложе женщина, тем более значимы ценности жизнерадостности ($r_s = 0,316^*$; $p = 0,014$) и воспитанности ($r_s = 0,455^{**}$; $p = 0,000$). К незначимым (отвергаемым) инструментальным ценностям были отнесены респондентами – высокие запросы и непримиримость к недостаткам. Для женщин 20–25 лет также незначимыми инструментальными ценностями являются твердая воля, широта взглядов, рационализм, для другой группы женщин – жизнерадостность, терпимость, воспитанность, исполнительность.

Заключение. Таким образом, исследование позволило выявить особенности ценностных ориентаций молодых женщин. Установлено, что чем моложе женщина, тем более значима для нее счастливая семейная жизнь, уверенность в себе, здоровье, так же более значимы ценности жизнерадостности, воспитанности и самоутверждения. С возрастом большую значимость приобретают ценности рационализма и непримиримости, ценными становятся общение и принятие других людей. Такие результаты позволяют сделать выводы о том, что возраст 20–25 лет является наиболее сензитивным для создания семьи, что указывает на важность формирования мотивации к созданию семьи и деторождению посредством: расширения знаний молодых женщин о значении семьи и рождения детей, о способах и смыслах развития и воспитания детей; формирования положительного образа о супружестве и образа женщины-матери; развития рефлексии женщин относительно себя как будущей жены и матери; формирования положительного эмоционального отношения к созданию семьи и рождению ребенка.

Список использованных источников:

1. Романова, И. В. Чайдфри в контексте трансформации семейных отношений / И. В. Романова, О. О. Жанбаз // Вестник ЗабГУ. – 2014. – №12. – С. 89-97.
2. Пилипенко, Е. В. Динамика ценностных ориентаций студенческой молодежи / Е. В. Пилипенко // Беларуская думка. – 2022. – № 4. – С. 86–90.
3. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2000. – 712 с.
4. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2002. – 512 с.
5. Психологические тесты для профессионалов / авт. сост Н. Ф. Гребень. – Минск : Современ. шк., 2007. – 496 с.

ПРОГРАММА КОРРЕКЦИИ ПРОБЛЕМЫ ОДИНОЧЕСТВА У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Л. В. Королькова, М. И. Коткова
Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова
(e-mail: kotkova.masha@inbox.ru)

Аннотация. В условиях современного общества проблема одиночества среди студенческой молодежи становится все более актуальной. Для улучшения психоэмоционального состояния студентов была разработана программа, направленная на выявление причин одиночества и его последствий, а также на разработку методов коррекции. Для большей эффективности программа включает в себя практические мероприятия, такие как групповые тренинги, психологические семинары и занятия с применением арт-терапевтических методов.

Ключевые слова: одиночество, молодежная среда, студенчество, арт-терапевтические методы, тренинговые занятия.

PROGRAM FOR CORRECTING THE PROBLEM OF LONELINESS AMONG STUDENTS

L. V. Korolkova, M. I. Kotkova
Vitebsk, VSU named after P. M. Masherov
(e-mail: kotkova.masha@inbox.ru)

Abstract. In the conditions of modern society, the problem of loneliness among student youth is becoming increasingly relevant. To improve the psycho-emotional state of students, a program was developed aimed at identifying the causes of loneliness and its consequences, as well as developing correction methods. For greater effectiveness, the program includes practical activities such as group trainings, psychological seminars and classes using art-therapeutic methods.

Keywords: loneliness, youth environment, students, art therapy methods, training sessions.

Проблема одиночества становится все более востребованной из-за ее высокой распространенности. Одиночество является трансдиагностической проблемой и связано с рядом проблем физического и психического здоровья. Одиночество у молодых людей связано с более высоким уровнем виктимизации сверстников, более низкой самооценкой и рядом проблем с психическим и физическим здоровьем. Студенты высших учебных заведений более подвержены развитию чувства одиночества из-за различных

факторов риска. Эти факторы риска включают чрезмерное использование средств массовой информации и технологий, плохую компетентность в межличностном общении и низкую самооценку [1, с. 222].

Цель программы – формирование, развитие у студентов навыков преодоления одиночества и обучение способам противостоянию данному состоянию.

Целевая группа: студенческая молодежь.

Задачи программы:

1. Рассмотрение студентами причин своего одиночества и поиск возможных путей его преодоления.

2. Формирование у студентов умений адекватно воспринимать себя и общество, отработка стратегий поведения, ситуаций, возникающих в процессе общения.

3. Формирование у студентов навыков конструктивного выражения своих эмоций.

4. Создание условий для самостоятельной работы по самосовершенствованию.

Программа рассчитана на один учебный год. Мероприятия проводятся раз в две недели на базе высшего учебного учреждения.

Для реализации первой задачи целесообразным будет считаться использование беседы «Знакомство», проведение диагностики, тренингового занятия «Я не один». Направленностью данных мероприятий является выявление причин одиночества и имеющихся социальных навыков.

В ходе беседы «Знакомство» мы создадим атмосферу доверия, участники делятся своими переживаниями и наблюдениями. Это поможет не только лучше понять каждого, но и выявить общие темы, которые могут способствовать дальнейшему обсуждению.

В качестве диагностического материала будет использоваться Тест на определение глубины переживания одиночества (С. Г. Корчагина); методика «Шкала переживания одиночества» того же автора. Диагностика позволит нам определить уровень социального взаимодействия и степени удовлетворенности жизнью каждого человека в группе. Это станет основой для групповых рекомендаций.

Тренинговое занятие «Я не один» будет сосредоточено на развитии социальных навыков, укреплении уверенности и создании новых связей. Особое внимание мы уделим упражнениям на активное слушание, эмпатию и совместное решение проблем. Мы намерены создать безопасное пространство, где участники смогут открыто делиться своими мыслями, что в дальнейшем поможет уменьшить чувство одиночества и повысить качество межличностных отношений.

Проблема одиночества среди студенческой молодежи является серьезной проблемой со значительными последствиями для их благополучия и академической успеваемости. Поэтому для реализации второй и третьей задачи будут использоваться средства арт-терапии. Она предлагает эффек-

тивный и немедикаментозный подход к коррекции одиночества, обеспечивая студентам возможность выражать эмоции, снижать стресс и повышать социальную активность. Реализация программы коррекции одиночества посредством арт-терапии является актуальной и имеет высокий потенциал для улучшения психического здоровья и общего благополучия студентов.

Одним из методов арт-терапии, применяемой в программе, является кинотерапия. Основными преимуществами кинотерапии являются понимание, катарсис и ощущение меньшего одиночества. Студенты находят общий язык с персонажами фильмов и понимают себя по-новому. И подобно опыту общения, который можно найти в групповой терапии, они чувствуют, что не одиноки в том, что переживают.

При выборе материала для занятия мы опираемся на следующие атрибуты кинотерапии:

1. Смех как лекарство. Фильмы можно выбирать как способ посмеяться и дистанцироваться от проблемы, которой студент может быть одержим. Это не просто бегство, это возможность найти свежий взгляд.

2. Плач об эмоциональном катарсисе. Иногда мы переживаем процесс скорби, но позволить себе полностью прочувствовать эмоции может быть сложно. Фильм может обеспечить необходимую эмоциональную разрядку.

3. Обретение надежды и ободрения. Фильм может обеспечить обнадеживающее решение проблемы, наделяя студента вдохновением и оптимизмом.

4. Подверженное сомнению негативные убеждения и открытие своих сильных сторон. Следуя за персонажем через его взлеты и падения, студент может почувствовать себя менее одиноким и обнаружить, что он также разделяет сильные стороны, которые видит в персонаже.

5. Улучшение коммуникации. Персонажи фильмов часто показывают, где общение может прерваться или исказиться, что приводит к недопониманию и конфликтам, что в следствии может стать причинами одиночества.

Также в ходе арт-терапевтического воздействия на молодежь в программе неотъемлемое место занимает музыкотерапия. Музыкальное участие способствует укреплению социальных связей и снижению чувства одиночества. Музыка способна переопределять идентичность, выступать как повод для формирования социальных взаимодействий, а также предоставлять метафоры и темы для индивидуальных и коллективных повествований о жизни. Она может действовать как инструмент преобразования обыденной реальности.

Ещё одной особенностью музыкотерапии является то, что музыка может выступать как «музыкальное убежище». Способность музыки изменять восприятие и переживание времени и пространства имеет решающее значение, поскольку музыкальные убежища могут обеспечить передышку от невзгод, место и время, в котором можно процветать. Две основные стратегии способствуют созданию таких убежищ: перемещение и перестановка, где первая создаёт ощущение спокойствия в постоянно изменяю-

щейся окружающей среде, что помогает восстановить чувство личного времени и ритма, а вторая предполагает творческую, воображаемую игру, которая помогает изменить или пересмотреть социальные миры. Обе стратегии направлены на достижение одной и той же цели: пространство или передышка негативных мыслей, вызванных окружающей средой, онтологическая безопасность, контроль и креативность, удовольствие, самоутверждение, чувство соответствия, потока, комфорта, непринужденности и ощущение того, что ты в центре внимания.

Применение изотерапии также находит отображение в нашей программе, так как она способствует созданию осмысленных связей между участниками группы. В процессе работы с художественными текстами, живописью студенты получают возможность не только раскрывать свои эмоции, но и видеть, что их чувства разделяют другие. Это создает атмосферу доверия и поддержки, а также формирует устойчивые межличностные связи.

Кроме того, изотерапия помогает развивать креативное мышление и улучшать самовыражение, что особенно важно для студентов, испытывающих трудности в общении. Каждый участник получает возможность свободно делиться своими мыслями и переживаниями в безопасной среде, что значительно снижает уровень тревожности и стеснительности, часто приводящих к одиночеству. Важным аспектом является и то, что изотерапия способствует самоанализу и рефлексии. Студенты учатся осознавать свое внутреннее состояние и находить пути его улучшения.

Помимо вышеперечисленных арт-терапевтических методик в рамках поставленных задач применяется: тренинговое занятие «Мир во мне», поведенческая коррекция «Правила общения», модульная когнитивно-поведенческая терапия «Я и мой выбор». Цель которых заключается в развитии внутреннего мира участников, формировании осознанности и укреплении навыков эффективной коммуникации. Эти программы нацелены на глубокое понимание собственных эмоций и потребностей, а также на совершенствование социальных взаимодействий.

В ходе тренинга «Мир во мне» участники исследуют свои внутренние состояния, учатся управлять эмоциями и находить гармонию с окружающим миром. Кроме того, в процессе поведенческой коррекции «Правила общения» акцентируется внимание на построении конструктивного диалога, что позволяет развивать навыки активного слушания и выражения своих мыслей без конфликта.

Модульная когнитивно-поведенческая терапия «Я и мой выбор» предоставляет участникам инструменты для анализа своих решений, что способствует укреплению уверенности в себе и осознанию ответственности за свои действия. В целом, интеграция данных методик создает уникальную платформу для личностного роста и социальной адаптации, что в конечном итоге ведет к более гармоничной и насыщенной жизни без одиночества.

В рамках реализации последней задачи: создание условий для самостоятельной работы по самосовершенствованию, оптимальными к приме-

нению является тренинговое занятие «Я сам!» с использованием техники моделирования ситуаций, а также игровая терапия «А что было бы, если..?». Преимущества применения которых заключаются в создании безопасной и поддерживающей среды для участников, где каждый может раскрыть свой потенциал и развить навыки самосовершенствования.

Тренинговое занятие «Я сам!» настраивает участников на глубокую рефлекссию, позволяя им исследовать свои сильные и слабые стороны, а также работать над целями личностного роста. Использование техники моделирования ситуаций в этих тренингах помогает создать реалистичные сценарии, что способствует лучшему пониманию социальных взаимодействий и улучшению коммуникационных навыков.

Игровая терапия «А что было бы, если..?» предлагает уникальный способ исследования альтернативных реальностей и возможных выборов. Этот подход способствует развитию креативности и критического мышления, позволяя участникам осознавать последствия своих действий в безопасной обстановке. В результате, участники не только повышают уровень самосознания, но и учатся принимать более обоснованные решения в реальной жизни.

Таким образом, психологические вмешательства могут быть эффективными в снижении одиночества на протяжении всей жизни. На сочетании групповых мероприятий, обучении социальным навыкам и применения современных технологий, создается комплексная программа, способствующая значительному улучшению качества жизни молодежи, повышению их уровня социальной интеграции и психологического благополучия.

Список использованных источников:

1. Коткова, М. И. Субъективное ощущение одиночества как феномен современной молодежи / М. И. Коткова; науч. рук. Королькова Л. В. // Молодость. Интеллект. Инициатива : материалы XII Международной научно-практической конференции студентов и магистрантов, Витебск, 26 апреля 2024 года : в 2 т. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2024. – Т. 2. – С. 221-223. URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/42890> (дата обращения: 13.09.2024).

УДК 159.96

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ТРЕВОЖНОСТИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

О. С. Кочубей, А. С. Молостов

Мозырь, МГПУ имени И. П. Шамякина

(e-mail: murv.oksana@yandex.ru, molostov.2000t@gmail.com)

Аннотация. В статье рассматриваются гендерные особенности проявления тревожности в подростковом возрасте. Делается акцент на специфических особенностях данного возрастного периода. Указывается на роль

семейного воспитания как фактора возникновения тревожности у подростков в контексте поло-ролевой самоидентификации. Приводятся результаты исследования ситуативной тревожности подростков. Анализируются специфические ситуации, вызывающие тревожные состояния у подростков мужского и женского пола. Предлагаются некоторые рекомендации для снижения психоэмоционального напряжения у подростков.

Ключевые слова: тревожность, подростковый возраст, семейное воспитание, адаптация, внешний конфликт, внутренний конфликт, гендерные роли, гендерное воспитание.

GENDER-SPECIFIC MANIFESTATIONS OF ANXIETY IN ADOLESCENCE

O. S. Kochubey, A. S. Molostov

Mozyr, MSPU named after I. P. Shamyakina

(e-mail: murv.oksana@yandex.ru, molostov.2000t@gmail.com)

Abstract. the article examines the gender-specific manifestations of anxiety in adolescence. The emphasis is on the specific features of this age period. The role of family education as a factor of anxiety in adolescents in the context of gender-role self-identification is pointed out. The results of a study of situational anxiety in adolescents are presented. The specific situations that cause anxiety in male and female adolescents are analyzed. Some recommendations are offered to reduce psychoemotional stress in adolescents.

Keywords: anxiety, adolescence, family education, adaptation, external conflict, internal conflict, gender roles, gender education.

Подростковый возраст – важнейший этап в становлении личности. От того, какое социально-психологическое влияние социального окружения воздействует на подростка, зависит его восприятие себя, самооценка, особенности Я-концепции.

Гендерная культура подростков является одним из факторов их успешной социализации в современном обществе. Для подростка характерны стремление к самостоятельности, независимости, признание среди сверстников повышенное внимание к своей внешности и т.д. Наряду с ведущим видом деятельности этого периода – общения со сверстниками – подростки активно включены в учебную деятельность. Во многом, именно в условиях школьного образования происходит личностное развитие ребёнка в этот период. Формирования личности подростка сопровождается стремлением найти свое место в обществе, определить свои ценности и убеждения. Эта самоидентификация может вызывать тревожность, так как подростки сталкиваются с неопределенностью в восприятии себя и своей роли в обществе.

Тревожность представляет собой комплекс, эмоциональных, психологических и физиологических реакций, связанных с ожиданием возможных угроз, неопределенностью и стрессовыми ситуациями в жизни [1].

Тревога в толковом словаре С. И. Ожегова определяется как «беспокойство, волнение в ожидании чего-либо неизвестного или неопределенного» [2].

На психологическом уровне тревожность ощущается как напряжение, озабоченность, беспокойство, нервозность и переживается в виде чувств неопределенности, беспомощности, незащищенности, одиночества, грозящей неудачи, невозможности принять решение и др. [3].

Тревога может быть ситуационной или специфической, т.е. связанной с определенной ситуацией или предметом, или «свободно плавающей», когда отсутствует какое-либо явное связывающее звено с внешними факторами, вызывающими эту тревогу» [4].

По определению Р. С. Немова, тревожность – постоянно или ситуативно проявляемое свойство человека приходить в состояние повышенного беспокойства, испытывать страх и тревогу в специфических социальных ситуациях [5]. Важно отметить, что тревожность является неотъемлемой частью эмоциональной сферы подростка, представляя собой реакцию на изменения внутренней и внешней среды.

Стремление соответствовать гендерным стереотипам, ожиданиям окружающих взрослых и сверстников могут создавать эмоциональное напряжение у подростков. Установление романтических отношений с противоположным полом также может быть источником тревожности. В данном случае подростку нужно соблюсти баланс между проявлением своей индивидуальности и ожиданиями партнера, это создает почву для возникновения тревожных состояний. Под воздействием тревожности, подростки могут уклоняться от общения, избегать межличностных отношений, в которых нужно занимать активную позицию. Это ограничивает их социальную адаптацию и создаёт предпосылки для возникновения социальной изоляции. Поэтому тревожность может возникнуть как реакция на неопределенность в отношениях с противоположным полом.

При нормальном развитии тревожность представляет собой естественную и адаптивную реакцию на вызывающие беспокойство ситуации. В данном контексте тревожность выступает механизмом мобилизации ресурсов для преодоления трудностей и адаптации к переменам, она может служить стимулом для самопознания и развития стратегий эмоциональной регуляции, фактором процесса самоидентификации подростков.

Одной из самых частых причин тревожности является завышенные требования к подростку в семье. При формировании у ребёнка определённых гендерных установок, родители могут занимать негибкую, догматическую позицию, не учитывать собственную активность ребенка, его интересы, способности и склонности. Наиболее распространенная фраза –

«ты должен(а)...». Зачастую проявления тревоги наблюдаются у подростков, которых отличают добросовестность и требовательность к себе. Родители навязывают мальчикам образ «настоящего мужчины» сильного и смелого, который не знает поражений. Но обычный нормальный ребёнок не может соответствовать этим идеалам во всех видах деятельности, он не может быть идеален в овладении всеми школьными предметами, спорте и т.д. Подвергаясь постоянной критике своих поступков, когда акцент делается на неудачах, а не на достижениях больно бьет по самолюбию, вызывая тревожные состояния.

Интенсивность переживания тревоги и уровень тревожности у подростков мужского и женского пола различны. В младшем школьном возрасте мальчики более тревожны, чем девочки, но к одиннадцати годам интенсивность переживаний у обоих полов выравнивается, а после двенадцати лет общий уровень тревожности у девочек возрастает, а у мальчиков снижается, однако именно среди мальчиков встречаются подростки с серьезными нарушениями в этой сфере.

Стимулы, вызывающие тревогу у мальчиков и девочек, также отличаются. Девочки связывают тревогу с другими людьми. Их волнует отношение окружающих, оценка окружающими их внешности, страх потерять привлекательность, изменения в своём теле. Девушки больше тревожатся за здоровье родных и близких, опасаются доставить им неприятности, переживают за их душевное состояние и т.д. Для них характерны такие высказывания: «Я очень испугалась, когда бабушку увезли в больницу», или «Я всегда переживаю, когда мама задерживается».

Девочки боятся пьяниц, бандитов, хулиганов. В одиннадцать лет девочки начинают опасаться вымышленных страшилищ. В пятнадцать-шестнадцать лет острота таких переживаний снижается.

Мальчиков же больше всего тревожит насилие. Они боятся физических травм, несчастных случаев, а также наказаний от родителей, учителей и других значимых взрослых. Если девочки, например, боятся не справиться с заданием на контрольной работе, то мальчиков в таких ситуациях волнует только возможность наказания за плохую отметку.

В гендерном аспекте проявляется отличие преобладающего локуса контроля у подростков. Девочки связывают причины своего беспокойства с собственными действиями, словами, поступками, их последствием нередко оказывается чувство вины или стыда. Это свидетельствует о возрастающей ответственности и упрочнении моральных норм. А у мальчиков 15–16 лет преобладает внешний локус контроля. Они редко связывают тревогу с внутренними причинами, их больше волнуют внешние санкции (замечания, наказания, двойки).

Чем старше подростки, тем ярче определяется тип гендерной тревожности. Тревога подростков претерпевает значительные метаморфозы по мере их взросления. Это особенно ярко проявляется в переживаниях

девочек. Для мальчиков же и в 11–12, и в 15–16 лет основной причиной беспокойства оказывается угроза возможного насилия (наказания или физической травмы). А такие особенности отношений, как чувство вины, отвержение, переживания родных и близких, волнуют их значительно реже.

Таким образом, состояние тревожности развивается у подростка в процессе общения со взрослыми, которые предъявляют завышенные требования к ребенку. В результате чего у подростка возникает внутренний конфликт, который перерастает в тревожные состояния.

Материал и методы. С целью исследования ситуативной тревожности у подростков нами была использована методика Спилбергера-Ханина [6]. Шкала состоит из 2-х частей по 20 заданий в каждой. Первая шкала (STAI: x1) предназначена для определения того, как человек чувствует себя сейчас, в данный момент, то есть для диагностики актуального состояния, а задания второй шкалы (STAI: x2) направлены на выяснение того, как субъект диагностирует тревожность как свойство личности.

Общий итоговый показатель по каждой из подшкал может находиться в диапазоне от 20 до 80 баллов. При этом, чем выше итоговый показатель, тем выше уровень тревожности (ситуативной или личностной).

Цель данной методики – это определение уровня ситуативной (A-state) и личностной тревожности (A-trate) у подростков.

При интерпретации показателей можно использовать следующие ориентировочные оценки тревожности: до 30 баллов – низкая; 31–44 балла – умеренная; 45 и более – высокая.

Этот опросник широко распространен в прикладных исследованиях, и высоко оценивается за достоверные диагностические данные.

В исследовании, организованном на базе ГУО СШ № 9 г. Мозыря, приняли участие 32 подростка в возрасте 11–15 лет.

Результаты и их обсуждение.

Согласно результатам, высокий уровень тревожности выявлен у 12 % испытуемых (5 человек). Такие учащиеся склонны воспринимать угрозу своей самооценке и жизнедеятельности в обширном диапазоне ситуаций и реагировать весьма выраженным состоянием тревожности. Это дает основание предполагать у него появление состояния тревожности в разнообразных ситуациях.

Средний уровень тревожности составляет 45 % испытуемых (14 человек). Таким учащимся свойственно то, что они во всем видят неудачу, постоянно замыкаются в себе, переживание эмоционального дискомфорта, предчувствие грозящей опасности является выражением неудовлетворения значимых потребностей.

Низкий уровень тревожности показали 43 % испытуемых (13 человек). У таких учащихся, напротив, требуется пробуждение активности, подчеркивание мотивационных компонентов деятельности.

Эти данные указывают на то, что значительная часть подростков испытывает ситуативную тревожность, которая может влиять на их поведение и эмоциональное состояние в различных ситуациях.

Далее мы провели анкетирование с целью выявления ситуаций, вызывающих наибольший дискомфорт у подростков мужского и женского пола.

Мальчики указали следующие ситуации: позиция аутсайдера в коллективе сверстников (45 %), наказание родителями за плохие отметки в школе (30 %), физическое и моральное насилие со стороны сверстников и взрослых (25 %).

У девочек возникновение тревоги связано со следующими ситуациями: непривлекательность (физические несовершенства, изменения в теле) (52 %), несчастный случай с ними или с их близкими (34 %), неуспешность в учебной деятельности (14 %).

Таким образом, стимулы возникновения тревоги у подростков мужского и женского пола отличаются, однако наблюдаются и общие черты. Мальчики и девочки тревожатся о своём статусе в системе межличностных отношений сверстников. У мальчиков это связано с проявлением лидерских качеств, а у девочек – с внешней привлекательностью и отношениями с противоположным полом. Это влияет на их популярность и статусность.

Для коррекции тревожных состояний у подростков необходим комплексный подход. В данном аспекте одна из ведущих ролей принадлежит семейному воспитанию. Очень часто тревожные дети вырастают у тревожных родителей. Поэтому родителям подростка важно следить за своим психоэмоциональным состоянием, развивать в себе эмоциональный интеллект, осознанность мышления и поведения. Родители подростка могут перекладывать на него свои собственные страхи и комплексы. Например, мама, которая воспитывает дочь одна может употреблять такие выражения: «посмотри, что творится в твоей комнате, тебя, неряху такую, никто замуж не возьмёт», «такие ноги, как у тебя, нужно прятать, а не выставлять на всеобщее обозрение». Или для родителей важнее общественное мнение, чем психологическое состояние их ребёнка: «что соседи подумают, если увидят, что ты в таком виде ходишь», «нам на родительском собрании стыдно было слушать, что у тебя отметки ниже, чем в прошлой четверти, вот Ваню Иванова хвалили, а мы сидели и краснели за тебя». Родителям необходимо работать со своей собственной заниженной самооценкой, а не пытаться её повысить за счёт достижений собственного ребёнка. Подросток решает в этом возрасте свои задачи личностного становления, он просто не в состоянии взвалить на себя ещё и психологические проблемы родителей. Невозможность соответствовать ожиданиям семьи вызывает у подростков тревогу, которая затем может перерасти в более сложные психосоматические заболевания.

В современном обществе родителям подростка очень опасно жёстко дистанцироваться от него и занимать догматическую позицию. Целесооб-

разно стать на позицию друга, к которому можно прийти с любой проблемой. Когда собственный ребёнок, его здоровье, психоэмоциональное состояние, духовные потребности стоят для родителей на первом месте, то гораздо большая вероятность, что произойдёт здоровая поло-ролевая идентификация подростка, усвоение гендерных ролей и продуктивная социализация.

В системе школьного образования педагогам также важно учитывать гендерные и возрастные особенности подростков. Недопустима некорректная критика внешнего вида девочки, особенно в присутствии сверстников. Даже, если она нарушает требования к внешнему виду учащегося, то замечание должно делаться наедине и в максимально корректной форме.

Что касается мальчиков, то здесь также педагогам необходимо выстраивать общение таким образом, чтобы не задеть чувство собственного достоинства подростка не унизить и не оскорбить его, поскольку это черевато серьёзными последствиями, в первую очередь, для самого педагога. Может произойти эскалация конфликта, которого можно было бы избежать вовсе при грамотном поведении.

С подростками целесообразно проводить психолого-педагогическую работу по информированию об особенностях данного возрастного периода, в котором они находятся, их индивидуальных особенностях (типе темперамента, высшей нервной деятельности, их способностях и т.д.), обучение их навыкам саморегуляции, осознанного поведения, коррекции самооценки.

Заключение. Таким образом, гендерные особенности проявления тревожности в подростковом возрасте, заключаются, прежде всего, в специфике данного возрастного периода. Источниками тревоги подростков мужского и женского пола являются разные факторы, однако признание в коллективе сверстников, взаимоотношения с родителями и противоположным полом, проявления чувства взрослости, характерны для обоих полов.

С целью снижения тревожности у подростков необходима комплексная работа родителей, педагогов и самих подростков.

Список использованных источников:

1. Киричик, Е. С. Особенности проявления тревожности в старшем школьном возрасте и способы ее преодоления / Е. С. Киричик // Адукацыя і выхаванне. – 2018. – № 12. – С. 57–65.
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка, терминов и фразеологических выражений. – М. : АСТ, 2023. – 1360 с.
3. Лызлов, А. В. Тревога как ядерный аффект: опыт структурно-психологического анализа / А. В. Лызлов, О. Ф. Серавина, О. Б. Ковалевская // Вопросы психологии. – 2011. – № 4. – С. 66–77.
4. Большой психологический словарь. Издание четвертое расширенное / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – М.: АСТ, 2009. – 672 с.
5. Немов, Р. С. Общая психология. Введение в психологию: учебник и практикум для вузов / Р. С. Немов. – 6-е изд. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 727 с.
6. Психологические тесты: в 2-х томах – Т. 2 / под ред. А. А. Карелина. – М. : ВЛАДОС, 2000 – 312 с.

УСТАНОВКИ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ЗДОРОВЬЮ У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Н. М. Медвецкая

Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова

(e-mail: medvetskaya.n.m@mail.ru)

Аннотация. В статье представлены данные исследования отношения к здоровью у студенческой молодежи. Студенческая молодежь является особой социальной группой, образующий своеобразный потенциал развития общества. Именно поэтому от того, какое место в ее ценностном фундаменте занимает здоровье, во многом зависит будущее развитие общества.

Ключевые слова: установки, ценностное отношение, здоровье, студенческая молодежь.

ATTITUDES OF VALUE TO HEALTH AMONG STUDENTS

N.M. Medvetskaya

Vitebsk, VSU named after P. M. Masherov

(e-mail: medvetskaya.n.m@mail.ru)

Abstract. The article presents data from a study of the attitude to health among students. Student youth is a special social group that forms a kind of potential for the development of society. That is why the future development of society largely depends on what place health occupies in its value foundation.

Keywords: attitudes, value attitude, health, student youth

Здоровье студентов – это состояние полного социально-биологического и психического благополучия при уравновешенности процессов жизнедеятельности с социальными и природными характеристиками территории [1].

Можно также согласиться с утверждением, что «состояние здоровья студентов, как и населения в целом – не только важный индикатор общественного развития, отражение социально-экономического и гигиенического благополучия страны, но мощный экономический, трудовой, оборонный и культурный потенциал общества, фактор и компонент благосостояния» [2].

В современных условиях развития общества и республики в целом, студенческая молодежь является, по сути, потенциалом социально-экономического развития и фактором политического баланса с воспроизводственным потенциалом нации.

Здоровье в этих условиях является качественной предпосылкой будущей самореализации молодых людей, способностью к созданию семьи и деторождению, сложному учебному и профессиональному труду, общественно-политической и творческой активности.

В современных условиях здоровье перестает быть только личным делом молодого человека, оно становится фактором выживания социума в целом.

Отношение студенческой молодежи к здоровью представляет собой систему индивидуальных, избирательных связей личности с различными явлениями и социальной среды, способствующими, или наоборот, угрожающими состоянию здоровья, а также определенную оценку студенческим индивидом своего физического состояния. При этом, сегодня, здоровый образ жизни студенческой молодежи, главным образом, связывает с отказом от вредных привычек и с физической активностью [3].

Современный молодой человек развивается, находясь в сфере формирующего влияния различных социальных институтов, так или иначе связанных со здоровьем, – таких, как медицина, физическая культура, спорт, военная подготовка и т.д. В качестве одного из лидирующих институтов в данном ряду следует выделить образование, поскольку именно в рамках этой системы, параллельно с получением знаний, профессиональных умений, навыков, человек постепенно формирует своё мировоззрение, отношение к себе и к жизни в целом и не в последнюю очередь – к собственному здоровью. Вуз как социальный институт обладает определенным потенциалом в сфере формирования ценностного отношения студентов к здоровью.

Белорусская система высшего образования призвана стимулировать мобильность студентов отечественных вузов в освоении ценностей мировой культуры, среди которых жизнь и здоровье человека занимают ведущие позиции. Студенты в процессе межкультурной коммуникации вступают в диалог культур, который представляет собой не только общение с культурой, реализацию и воспроизводство ее достижений, обнаружение и понимание ценностей других культур, но и способ присвоения последних. Через диалог культур происходит общение с другими и понимание своего «Я».

Одна из важнейших целей общественного развития состоит в наиболее полном удовлетворении потребности нации в здоровье, поэтому изучение отношения студенчества к своему здоровью является значимой в практическом и теоретическом отношении проблемой.

В процессе адаптации к меняющимся условиям среды они нередко забывают о своем здоровье, и даже если раньше они вели здоровый образ жизни, правильно питались, занимались спортом, то в условиях обучения многие не имеют такой возможности по тем или иным причинам. Среди учащихся и студентов широко распространены факторы риска дезадаптации к обучению, обусловленные нарушением правил гигиены умственного труда: нарушение сна, низкая двигательная активность, неполноценный отдых в рабочие и воскресные дни. Эти и другие нарушения приводят

к раннему утомлению и переутомлению, которые являются факторами риска для здоровья и успешности обучения.

В целом, в большинстве прикладных исследований выявлено, что ценность здоровья занимает 3–4-е место в иерархии личностных ценностей студентов [4]. При этом студенты оценивают свое здоровье с инструментальной точки зрения (здоровье для достижения других целей, ценностей), а не терминальной (конечной, абсолютной). Доминирование материальных ценностей над ценностью здоровья в ценностной структуре личности студента может уводить его от здоровья, здорового образа жизни (поведения, направленного на сохранение и укрепление здоровья), несмотря на осведомленность об опасности употребления алкоголя, наркотиков, курения и т. д.

Осознанное принятие ценностей здоровья студенческой молодежи становится в настоящее время не просто значимым, а ведущим фактором в обеспечении устойчивого развития современного общества.

Студенческая молодежь является особой социальной группой, образующий своеобразный потенциал развития общества. Именно поэтому от того, какое место в ее ценностном фундаменте занимает здоровье, во многом зависит будущее развитие общества. Исходя из чего, здоровье студенческой молодежи является важным компонентом ее функциональности, определяемой как важная социальная ценность.

При этом сама концепция формирования ценностного отношения к здоровью у студенческой молодежи, состоит из следующих положений:

1) психофизическое здоровье личности современного студента определяется двумя взаимосвязанными и дополняющими друг друга компонентами: мировоззренческим (здоровый образ жизни) и поведенческим (здоровый стиль жизни);

2) характер отношения к здоровью студентов парадоксален, т. е. наблюдается несоответствие между потребностью студента в хорошем здоровье, с одной стороны, и его усилиями, направленными на его сохранение и укрепление, в то время как мотивационно-поведенческий компонент имеет отрицательную корреляцию;

3) при этом, потребность студентов к своему здоровью исходит из того, что оно, все же, считается одной из основных ценностей современной студенческой молодежи, так как является необходимым условием для успешного существования и развития индивида и общества в целом.

Цель исследования – выявление особенностей ценностного отношения к своему здоровью студенческой молодежи.

Материал и методы. Для того, что выяснить какие ценности преобладают у студенческой молодежи ВГУ им. П. М. Машерова, мы провели методику «Ценностные ориентации» М. Рокича. Данная методика включает в себя 2 списка ценностей (по 18 в каждом). Содержание списка А (терминальные: работа, любви и другие. Содержание списка Б предлагает вопросы более

индивидуальные для данной личности (инструментальные ценности). В данном исследовании приняли участие 100 респондентов в возрасте от 19 до 21 года. Базой исследования является ВГУ им. П. М. Машерова.

Результаты и их обсуждение.

Распределение целевых ценностей молодежи в порядке значимости показало, что наиболее важными ценностями, которые на ближайшую перспективу будут определять целевые установки и лежать в основе социального поведения молодого поколения являются следующие: «здоровье» – 92 %, «счастливая семейная жизнь» – 76 %, «любовь» – 65 %, «материально обеспеченная жизнь» – 62 %.

Анализ ценностно-целевых установок молодежи показал, что вершину иерархии жизненных целей, полюс жизненных предпочтений составляют традиционные ценности, к которым относят здоровье, счастливую семейную жизнь, любовь, материально обеспеченную жизнь, интересную работу, наличие друзей. И если такие ценности как здоровье, любовь, счастливая семейная жизнь были названы в числе приоритетных, то такая ценность как наличие хороших и верных друзей оказалась наименее значимой для молодежи и расположилась на последнем месте (рисунок 1).

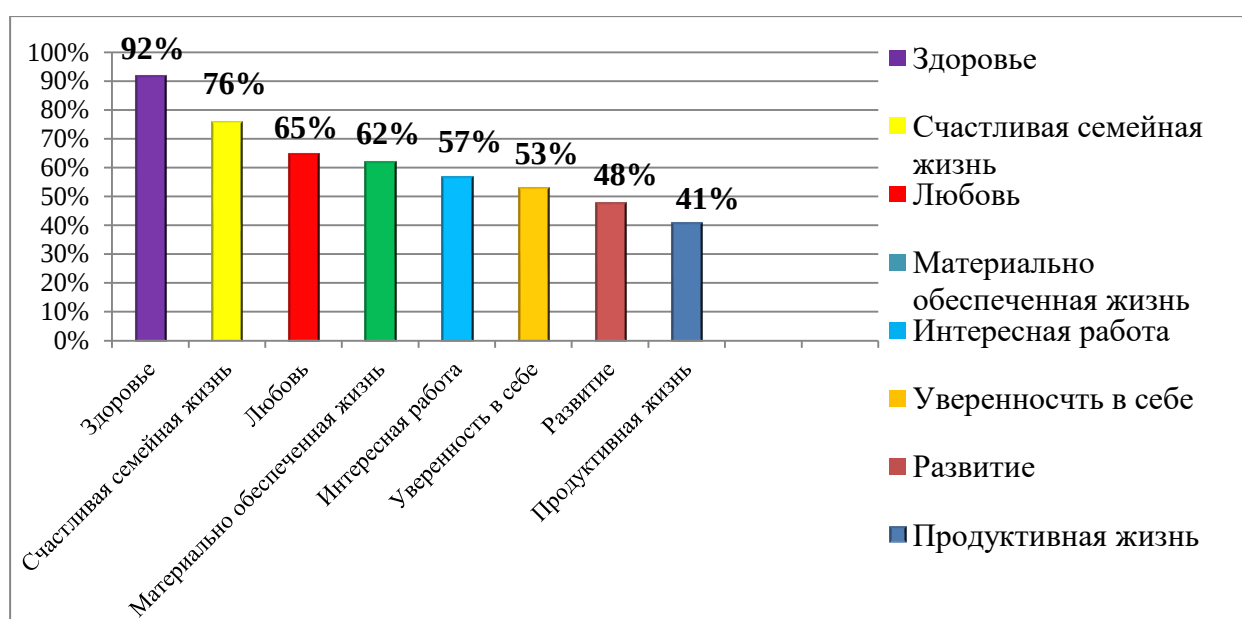

Рис. 1 – Терминальные ценности студенческой молодежи

Исследование предполагало не только выяснение приоритетных целевых (терминальных) ценностей, но и степень значимости в жизни молодежи инструментальных ценностей. Инструментальные ценности, становясь частью реального сознания молодежи, выступают в качестве принципов поведения, заставляют человека поступать (действовать на их основе).

Наиболее важными для студентов оказались такие ценности, как «ответственность» – 86 %, «воспитанность» – 74 %, «независимость» – 69 %, «образованность» – 67 % (рисунок 2).

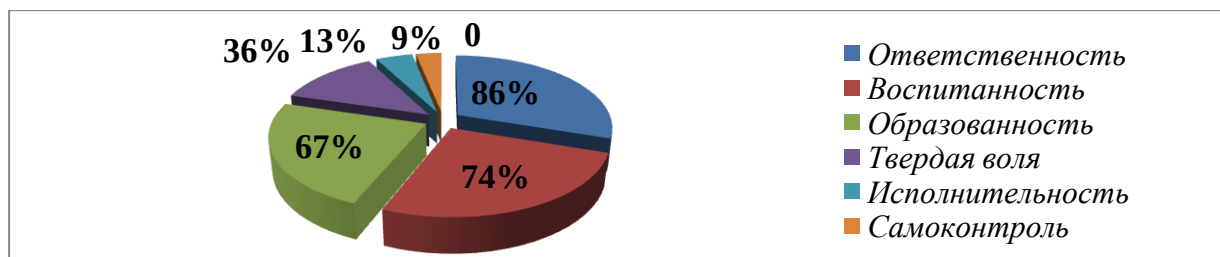

Рис. 2 – Инструментальные ценности студенческой молодежи

Эти ценности занимают места с 1-го по 4-е соответственно. Последние места заняли ценности: «исполнительность» – 13 %, «терпимость» – 11 %, «самоконтроль» – 9 %, «жизнерадостность» – 7 %.

Таким образом, результаты исследования ценностных ориентаций студенческой молодежи свидетельствуют о том, что, несмотря на рост преступности в молодежной среде и распространения таких негативных явлений как курение, наркомания, алкоголизм, ценности современной молодежи мало отличаются от традиционных. В большинстве своем молодежь привержена традициям и почитает извечные ценности, которые формировались из поколения в поколение. Это любовь, семья, здоровье, образование. Осознанное принятие ценностей здорового образа жизни и здоровья студенческой молодежи становится в настоящее время не просто значимым, а ведущим фактором в обеспечении устойчивого развития современного общества.

Подтверждение данной последней установки ценностного отношения к здоровью у студенческой молодежи и было эмпирически подтверждено в рамках исследования.

Заключение. В большинстве своем молодежь привержена традициям и почитает извечные ценности, которые формировались из поколения в поколение. Это любовь, семья, здоровье, образование.

Таким образом, осознанное принятие ценностей здорового образа жизни и здоровья студенческой молодежи становится в настоящее время не просто значимым, а ведущим фактором в обеспечении устойчивого развития современного общества.

Список использованных источников:

1. Петраш, М. Д. Понятие «здоровый образ жизни» в психологических исследованиях / М. Д. Петраш, И. Р. Муртазина // СПб. : Вестник СПбГУ. Психология и педагогика. – 2018. – Т.8. – Вып. 2. – С. 152-162.
2. Бабина, В. С. Проблема здоровья студенческой молодежи / В. С. Бабина // Молодой ученый. – 2015. – № 11. – С. 572-575.
3. Житницкая, Э. А. Психогигиенические и валеологические проблемы адаптации к обучению студентов младших курсов / Э. А. Житницкая, Л. Н. Гречман, А. А. Шеметова, Н. П. Волохова // Проблемы образовательной и социально-психологической адаптации молодежи в г. Иркутске: материалы научн.-практ. конференции. – Иркутск: ИГЛУ, 2020. – С. 26-32.
4. Мазырина, А. М. Формирование у студентов ценностного отношения к здоровью / А. М. Мазырина, Е. В. Егорычева, И. В. Чернышева, М. В. Шлемова // Международный студенческий научный вестник. – 2015. – № 5-4. – С. 500-501.

СЕМЕЙНОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКА

Ф. П Орлова, И. В. Шабашёва

Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова

(e-mail: fanjushka@gmail.com; inna30-05@mail.ru)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы влияния семьи на формирование личности подростка; дается оценка воспитательной практики родителей младших подростков.

Ключевые слова: семья, семейное воспитание, личность, фактор формирования личности.

FAMILY EDUCATION AS A FACTOR IN THE FORMATION OF THE PERSONALITY OF A TEENAGER

F. P. Orlova, I. V. Shabasheva

Vitebsk, VSU named after P. M. Masherov

(e-mail: fanjushka@gmail.com; inna30-05@mail.ru)

Abstract. The article examines the issues of family influence on the formation of the personality of a teenager; an assessment of the educational practice of parents of younger adolescents is given.

Keywords: family, family education, personality, personality formation factor.

Подростковый возраст – один из самых сложных возрастов детства. Именно в это время происходит формирование взглядов на мир, уровня самооценки, принятие или неприятие ценностей и морали общества, осуществляется выбор жизненного пути.

Легкий доступ к интернету, телевидению, появление различных глянцевого журналов и т.д. влечет за собой ориентацию на образы «с обложек». Подростки, которые так легко поддаются внешним воздействиям, глядя на кумиров через монитор или экран телевизора, перенимают их манеру говорить, одеваться, нормы, мораль, ценности в целом – стиль жизни, тем самым приобщаясь к их культуре [1, с. 65].

Родители оказывают решающее влияние на формирование личности подростка, профилактику склонности к девиантному поведению. В здоровой семье эмоциональные связи между детьми и родителями настолько крепки, что обеспечивают мощное противодействие любым негативным воздействиям окружающей среды [2, с. 193].

Семья является инструментом формирования индивидуальной личности: именно здесь ребенок впервые включается в общественную жизнь, усваивает ее ценности, нормы поведения, способы мышления, язык. Другими словами, семья является школой воспитания, передачи жизненного опыта, житейской мудрости [3, с. 22].

Актуальность темы обусловлена тем, что именно дефекты первичной, ранней социализации в родительской семье могут оказать негативное влияние прежде всего потому, что ребенок еще не научился другим положительным влияниям, он полностью зависит от старших и совершенно незащищен перед ними. Поэтому вопросы формирования личности в семье заслуживают исключительного внимания.

Материал и методы. Наше исследование было проведено на базе ГУО «Средняя школа № 3 г. Новополоцка». Применялись следующие методики: Опросник «Поведение родителей и отношение подростков к ним» (ПОР; Е. Шафер), тест-опросник родительского отношения А. Я. Варга, В. В. Столина. В исследовании приняли участие 20 учащихся в возрасте 13-15 лет, а также 20 родителей в возрасте от 25 до 45 лет.

Результаты и их обсуждение.

Для определения влияния семьи на формирование личности подростка нами было проведено исследование.

Мы определили основные воспитательные практики, используемые матерями и отцами подростков в нашей выборке. Представлены средние значения результатов исследования воспитательные практик родителей младших подростков на рисунке 1:

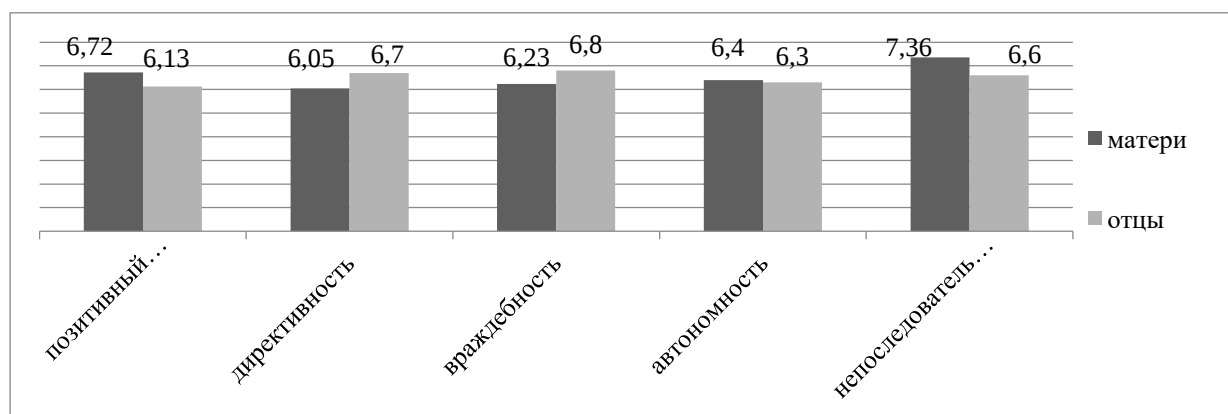

Рисунок 1 – Средние значения исследования воспитательной практики родителей детей младшего подросткового возраста

Как видно из рисунка 1, все средние значения характеристик воспитательной практики родителей находятся на среднем уровне. Шкала непоследовательности воспитания со стороны матери имеет тенденцию к более высоким значениям.

Результаты по шкале позитивного интереса у матери имеют несколько более высокие показатели, чем у отцов. Подростки испытывают потребность в помощи и поддержке и в большинстве случаев получают ее от матери и отца. Родители готовы слушать, демонстрировать свою любовь и откровенно отвечать на вопросы подростка. Средние показатели направленности с тенденцией к увеличению у отца свидетельствуют о том, что родители могут быть категоричны, навязывать слишком много правил, чрезмерно контролировать подростка, давать слишком много указаний.

Данные по шкале враждебности свидетельствуют о недостатке терпения, частых жалобах, отсутствии интереса к потребностям детей, желании изменить его с помощью общественного осуждения, пренебрегает мнением подростка. Все это иногда наводит его на мысль, что родители ненавидят своего ребенка. Автономия указывает на способность подростка самостоятельно выбирать действия, поведение, варианты проведения свободного времени, невмешательство родителей во внутренний мир подростка и всепрощение.

Непоследовательность в воспитании, по мнению подростков, особенно ярко выражена у отцов. Отсутствие единства требований, их непоследовательность, непредсказуемость в действиях, неконкретность желаний и указаний вызывают у подростков состояние повышенной тревожности.

С целью большей наглядности представим в обобщенном виде результаты исследования воспитательной практики родителей младших подростков в таблице 1:

Таблица 1 – Оценка воспитательной практики родителей младших подростков (количество человек и %)

Характеристики	Мать			Отец		
	Высокий	Средний	Низкий	Высокий	Средний	Низкий
Позитивный интерес	14 (45%)	11 (35%)	7 (29%)	11 (35%)	11 (35%)	10 (30%)
Директивность	14 (45%)	8 (25%)	10 (30%)	18 (55%)	8 (25%)	6 (20%)
Враждебность	11 (35%)	12 (40%)	9 (25%)	16 (50%)	11 (35%)	5 (15%)
Автономность	14 (45%)	11 (35%)	7 (20%)	14 (45%)	11 (35%)	7 (20%)
Непоследовательность	19 (60%)	11 (35%)	2 (5 %)	19 (60%)	5 (15 %)	8 (25%)

Как видно из таблицы 1, воспитательная практика отцов и матерей по отношению к подросткам различается по шкалам «позитивный интерес», «директивность», «враждебность». Позитивный интерес преобладает у матерей (45 % на высоком уровне) по сравнению с отцами (35 % на высоком уровне), а директивность и враждебность доминируют у отцов (55 % и 50 % на высоком уровне соответственно). Шкалы автономности и непоследовательности практически не различаются у матерей и отцов.

Для выявления родительского отношения к подросткам нами был предложен тест-опросник родительского отношения А. Я. Варга, В. В. Столина. Родителям были предложены бланки с вопросами (61 вопрос). На каждый вопрос предполагался либо положительный, либо отрицательный ответ.

По результатам, проведенным в обеих группах испытуемых, мы пришли к следующим выводам:

- По шкале «Принятие»: 51,9 % опрошенных родителей принимают своего ребенка. Им нравится ребенок таким, какой он есть. Они уважают индивидуальность ребенка, симпатизируют ему, одобряют его интересы и планы.

- По шкале «Кооперация» 63,05 % опрошенных родителей проявляет заинтересованность делами и планами ребенка, стараются помочь ему, высоко оценивают интеллектуальные и творческие способности ребенка, испытывают чувство гордости за него.

- 63,85 % опрошенных родителей дистанция в общении с ребенком слишком мала. Эти родители ощущают себя с ребенком единым целым, стремятся удовлетворить все потребности ребенка, оградить его от трудностей и неприятностей жизни. Они постоянно ощущают тревогу за ребенка, ребенок кажется им маленьким и беззащитным. Это может быть связано и с повышенной личностной тревожностью самих родителей.

- 49,95 % опрошенных родителей свойственен авторитарный стиль воспитания: строгая дисциплина, безоговорочное послушание. Такие родители стараются навязать ребенку свою волю, не в состоянии понять точку зрения ребенка. Они пристально следят за социальными достижениями ребенка, его индивидуальными особенностями, привычками, мыслями, чувствами.

По шкале «Инфантилизация» 62,1 % опрошенных родителей видят своего ребенка младшим по сравнению с реальным возрастом, приписывают ему личную и социальную несостоятельность. Интересы, увлечения, мысли и чувства ребенка не воспринимаются всерьез. Ребенок кажется родителям не приспособленным, открытым для дурных влияний. Возможно, именно поэтому 40 % матерей предпочитают жестко контролировать своих детей.

Родители нашей выборки стараются быть в симбиозе со своим ребенком, они контролируют его, но не акцентируют внимание на его неудачах.

Заключение. Таким образом, по мнению подростков, воспитательные практики отцов и матерей по отношению к своим детям различаются по шкалам «позитивный интерес», «направленность», «враждебность». Положительный интерес преобладает у матерей по сравнению с отцами. Масштабы автономии и непоследовательности практически одинаковы у матерей и отцов.

Также, опросив родителей, мы можем увидеть, что в семьях преобладает наиболее конструктивный стиль семейного воспитания (сотрудничество). При нем интересы, увлечения, мысли и чувства ребенка воспринимаются родителями серьезно.

То есть родители считают, что они выбрали наиболее демократичные методы воспитания детей и своего отношения к ним, в то время как подростки считают, что родители (особенно отцы) используют чрезмерную директивность в своих воспитательных воздействиях. Это может привести к недопониманию между подростками и родителями, нарушению детско-родительских отношений, формированию девиантного поведения у подростков.

На основании результатов исследования нами разработана программа коррекции детско-родительских отношений. Данная программа будет способствовать повышению уровня психолого-педагогической компетентности родителей, коррекции стилей воспитания в семье, формированию навыков конструктивного взаимодействия. Участие в данной программе позволит подросткам повысить самооценку, научиться понимать себя и других, взаимодействовать с окружающими.

Список использованных источников:

1. Маскалевич, Ю. А. Неформальные объединения подростков как фактор социализации / Ю. А. Маскалевич // Условия успешной социализации детей и молодежи: перспективные исследования будущих педагогов: материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 19 апреля 2018 г. / Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка; редкол.: В.В. Мартынова [и др.]; отв. ред. В.В. Мартынова. – Минск: БГПУ, 2019. – С. 65-68.
2. Демидова-Петрова, Е. В. Роль семейного воспитания в формировании личности участников молодежных неформальных объединений экстремистской направленности / Е. В. Демидова-Петрова // Проблемы теории и практики борьбы с экстремизмом и терроризмом: Всероссийская научно-практическая конференция – Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2015. – С. 193–195.
3. Бармина, А. О. Влияние особенностей семейного воспитания на развитие делинквентного поведения подростков / А. О. Бармина, А. А. Утробина, Н. А. Устинова // Актуальные проблемы психологии личности. Сборник научных трудов. Екатеринбург, 2017. – С. 22-27.

УДК 37.013.42

ВИКТИМНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ И ЕГО ПРОФИЛАКТИКА

Е. К. Погодина, М. В. Никитина

Минск, БГПУ имени М. Танка

(e-mail: pogodinaek@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблемы виктимного поведения в молодежной среде. Определены индивидуально-личностные и социально-психологические факторы виктимизации в юношеском возрасте. Проанализированы результаты эмпирического исследования склонности

юношей и девушек к виктимному поведению. Представлена программа профилактики виктимного поведения учащихся юношеского возраста.

Ключевые слова: виктимность, виктимизация, учащиеся, молодежь, учреждение образования, профилактика.

VICTIMIZED BEHAVIOR AMONG YOUNG PEOPLE AND ITS PREVENTION

E. K. Pogodina, M. V. Nikitina

Minsk, BSPU named after Maxim Tank

(e-mail: pogodinaek@mail.ru)

Abstract. The article is devoted to the problem of victimized behavior among young people. The individual-personal and socio-psychological factors of victimization in adolescence have been identified. The results of an empirical study of the propensity of boys and girls to victim behavior are analyzed. A program for the prevention of victimized behavior of adolescent students is presented.

Keywords: victimization, victimization, students, youth, educational institution, prevention.

В последнее время проблема виктимизации подрастающего поколения вызывает обоснованную тревогу. Юноши и девушки часто становятся жертвами преступлений, насилия и жесткого обращения. Период юности является переходным жизненным этапом и характеризуется развитием внутренней позиции, самосознания, из-за чего возникает специфическая предрасположенность к формированию виктимного поведения, детерминированного как объективными условиями внешней среды, так и внутриличностными факторами.

Материал и методы. Эмпирическое исследование склонности учащихся младшего юношеского возраста к виктимному поведению проводилось на базе ГУО «Средняя школа № 93 г. Минска». В исследовании приняли участие учащиеся 10-х классов, возраст респондентов – 16–17 лет.

Для проведения исследования были использованы следующие методики: методика «Склонность к виктимному поведению» (О. О. Андронникова) и «Тест на определение уровня виктимности в младшем юношеском возрасте» (ТАСЯ-В) (О. А. Анисимова, В. В. Селиванова, Л. Н. Селиванова, Т. Е. Яценко) [1].

Результаты и их обсуждение.

Под виктимным поведением следует понимать склонность индивида к осуществлению определенных действий или наоборот бездействий, которые способствуют тому, что человек оказывается в роли жертвы. Виктимность представляет собой совокупность психологических, социальных и физиологических свойств личности, которые при взаимодействии

с внешними обстоятельствами обуславливают повышенную склонность индивида стать жертвой [2].

Виктимное поведение чаще всего формируется под влиянием неблагоприятных условий социализации. В современном обществе социализация учащихся младшего юношеского возраста проходит в условиях, при которых есть множество опасностей, оказывающих негативное влияние на развитие и формирование личности. Виктимизации подвержены учащиеся из семей с низким социально-экономическим статусом, из семей, где один или оба родителя имеют алкогольную зависимость. Велика вероятность стать жертвами у молодых людей, столкнувшихся с буллингом со стороны сверстников, получивших опыт романтических неудач, имеющих суицидальные стремления, испытывающих одиночество и непонимание со стороны окружающих, а также потерявших жизненные ориентиры.

Анализ психолого-педагогической литературы [3; 4] позволил выделить индивидуально-личностные и социально-психологические факторы виктимизации в юношеском возрасте.

К индивидуально-личностным факторам относятся:

- 1) психологические свойства личности, которые включают в себя индивидуальные особенности темперамента, характера, волевой сферы и др.;
- 2) программирующие свойства личности, которые определяют поведение и деятельность человека (высокий уровень тревожности, заниженная самооценка) и социально-обусловленные свойства личности;
- 3) реальное/социальное «Я» – Я-концепция в реальном времени в социальном контексте взаимоотношений.

К социально-психологическим факторам виктимизации относятся:

1. Психосоциальная деформация семьи (неблагополучная семья, низкий материальный достаток семьи, семейное насилие, алкоголизация родителей и др.).
2. Опасности образовательной среды (нарушение психологической безопасности образовательной среды, конфликты с педагогами и одноклассниками и др.).
3. Средства массовой информации (реклама алкоголя и табака, агрессивные и насильственные сцены в кино и сериалах и др.), провоцирующие формирование разных видов аддикции, агрессивное поведение и т.д.
4. Вовлечение в деструктивные группы (преступные, асоциальные и экстремистские объединения, религиозные секты и т.п.).
5. Буллинг (агрессивное преследование, унижение и издевательства над одним из членов коллектива).

Анализ результатов эмпирического исследования, проведенного среди учащихся 10-х классов, выявил у 7 % старшеклассников высокий уровень склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению, что говорит о предрасположенности становиться жертвой неблагоприят-

ных обстоятельств, провоцируя возникновение виктимной ситуации своим поведением.

У 40 % респондентов была выявлена склонность к гиперсоциальному виктимному поведению. Для таких несовершеннолетних характерна активная жизненная позиция, принципиальность и решительность в отстаивании своих интересов, они склонны рисковать в опасных ситуациях, могут спровоцировать конфликтную ситуацию, отстаивая свою точку зрения, склонны иметь завышенную самооценку.

Высокий уровень склонности к зависимому и беспомощному поведению диагностирован у 3,5 % учащихся, что означает наличие у них таких черт, как пассивность, робость и низкая самооценка.

У 3,5 % старшеклассников выявлен высокий показатель реализованной виктимности. Такие учащиеся склонны часто попадать в ситуации, опасные для их жизни и здоровья, и склонны становиться жертвой неблагоприятных обстоятельств.

Высокий уровень общей виктимности выявлен у 7 % респондентов (рис. 1).

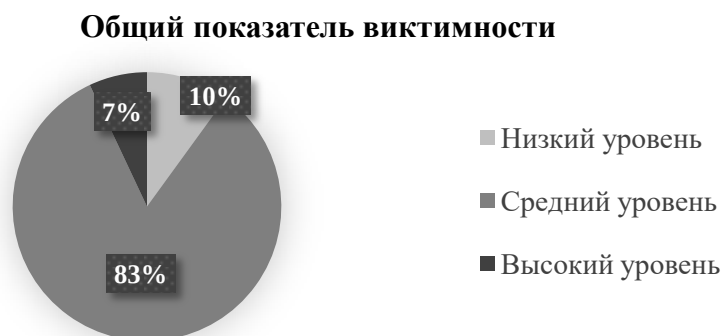

Рисунок 1 – Склонность респондентов к виктимному поведению

Эти учащиеся имеют низкую самооценку, позволяют себя подавлять и обесценивать, боятся прямо и открыто говорить о своих интересах и высказывать свое мнение.

По шкале академической виктимности высокий уровень виктимности выявлен у 17 % респондентов (рис. 2).

Рисунок 2 – Склонность респондентов к академической виктимности

По шкале межличностной виктимности высокий уровень виктимности диагностирован у 3,5 % респондентов, что говорит о том, что эти учащиеся могут стать жертвой буллинга, насмешек и издевательств со стороны сверстников, они имеют низкую самооценку, повышенное чувство тревожности и страха, не способны отстаивать себя и свои интересы, имеют сложности в коммуникации с другими людьми (рис. 3).

Рисунок 3 – Склонность респондентов к межличностной виктимности

По шкале виртуальной виктимности выявлены 7 % респондентов с высокими показателями виктимности, это свидетельствует о том, что учащиеся с такими показателями могут стать жертвой кибербуллинга, преследований в социальных сетях, а также стать жертвой мошенников в Интернете (рис. 4).

Рисунок 4 – Склонность респондентов к виртуальной виктимности

Высокий уровень личной виктимности выявлен у 16 % респондентов (рис. 5).

Рисунок 5 – Склонность респондентов к личностной виктимности

К основным направлениям психолого-педагогической деятельности по профилактике виктимного поведения учащихся младшего юношеского возраста относятся:

- диагностика склонности учащихся к виктимному поведению;
- групповая и индивидуальная работа, направленная на коррекцию виктимного поведения;
- коррекция стереотипов самовосприятия, шаблонов виктимного поведения учащихся младшего юношеского возраста, укрепление самооценки;
- формирование у учащихся в рамках социально-педагогических мероприятий эффективных коммуникативных навыков, приемов выхода из конфликтных ситуаций;
- просветительская работа по предупреждению виктимогенных ситуаций посредством бесед с несовершеннолетними;
- регулярная работа с родителями обучающихся и педагогическими работниками по профилактике виктимизации в молодежной среде.

На основании результатов исследования разработана программа психолого-педагогической деятельности по профилактике виктимного поведения учащихся младшего юношеского возраста «Я автор своей жизни».

Цель программы: разработка комплекса педагогических средств по профилактике виктимизации учащихся младшего юношеского возраста и формированию навыков безопасного поведения.

Задачи программы:

- повышение уровня знаний учащихся о поведении жертвы и безопасном поведении в ситуациях с повышенным виктимогенным риском;
- формирование личностных компетенций учащихся, необходимых для противодействия различным видам деструктивного поведения;
- формирование у учащихся коммуникативных умений, навыков разрешения конфликтных ситуаций;
- создание благоприятных условий для повышения самооценки, развития ценностно-волевых качеств личности и критичности по отношению к своему поведению.

Психолого-педагогическая работа с учащимися включает: занятия с элементами тренинга («Мои эмоции под контролем!», «Искусство общения», «Я и моя самооценка», «Общение без конфликтов», «Как сказать «нет» и быть услышанным»), беседы и круглые столы («Мои эмоции и чувства», «Профилактика употребления ПАВ», «Буллинг и его проявления», «Что такое виктимное поведение», «Как избежать рисков стать жертвой»).

Заключение. Профилактика виктимного поведения обучающихся в учреждении образования представляет собой организацию комплексной систематической деятельности педагога социального и педагога-психолога по выявлению и устранению неблагоприятных факторов в сфере внутри-

семейных, социально-культурных и общественных отношений, которые оказывают влияние на виктимизацию молодежи. Важной задачей профилактической работы является развитие у учащихся положительных качеств личности, а также формирование осознанного и ответственного поведения.

Список использованных источников:

1. Анисимова, О. А. Социально-психологические особенности виктимного поведения в юношеском возрасте / О. А. Анисимова, Т. Е. Яценко // Межвузовский сборник научных статей с международным участием «Актуальные проблемы формирования психолого-педагогической культуры будущих специалистов». – 2019. – №8. – С. 19–27.
2. Погодина, Е. К. Социально-педагогическая виктимология : пособие / Е. К. Погодина. – Минск : БГПУ, 2019. – 140 с.
3. Стуколова, Л. С. Психологические основы виктимности личности в юношеском возрасте / Л. С. Стуколова // Символ науки. – 2016. – №7. – С. 124–126.
4. Фоминых, Е. С. Факторы условия виктимизации личности в условиях транзитивного общества / Е. С. Фоминых // Виктимология. – 2017. – №3 (13). – С. 52–56.

УДК 37.013.42

ОСОБЕННОСТИ АУТОАГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Е. К. Погодина, В. А. Юденко
Минск, БГПУ имени М. Танка
(e-mail: pogodinaek@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы аутоагрессивного поведения в подростковой среде. Анализируются факторы, влияющие на формирование аутоагрессии у подростков, такие как перенос агрессии с внешних объектов на себя, повышенное психическое напряжение, чувство вины, демонстративное поведение и т.д. Представлены результаты диагностического исследования особенностей аутоагрессивного поведения подростков. Актуализируется проблема профилактики аутоагрессивного поведения в подростковой среде.

Ключевые слова: аутоагрессия, аутоагрессивное поведение, селфхарм, профилактика аутоагрессивного поведения.

FEATURES OF AUTOAGGRESSIVE BEHAVIOR IN ADOLESCENCE

E. K. Pogodina, V. A. Yudenko
Minsk, BSPU named after Maxim Tank
(e-mail: pogodinaek@mail.ru)

Abstract. The article is devoted to the study of the problem of autoaggressive behavior in the adolescent environment. The factors influencing the formation of autoaggression in adolescents are analyzed, such as the transfer of aggression from external objects to oneself, increased mental stress, guilt, demonstrative behavior, etc. The results of a diagnostic study of the characteristics of autoaggressive behavior of adolescents are presented. The problem of prevention of autoaggressive behavior in the adolescent environment is being actualized.

Keywords: autoaggression, autoaggressive behavior, self-harm, prevention of autoaggressive behavior.

В настоящее время актуальной социально-психологической проблемой является рост аутоагрессии среди подростков. Аутоагрессивное поведение характеризуется деструктивными действиями, направляемыми подростком на самого себя, и проявляется в самообвинениях, самоуничтожении, нанесении себе телесных повреждений, суицидальном поведении.

В работах отечественных и зарубежных исследователей (А. Г. Амбрумовой, А. В. Ипатова, Г. Я. Пилягина, А. Ю. Голобородько, Т. С. Павлова, Н. А. Польской, А. Н. Сизанова, В. А. Хриптович и др.) выделяется множество причин данного явления: особенности подросткового возраста, который часто сопровождается высоким уровнем тревожности, повышенной самокритичностью, постоянным ожиданием неудачи, неустойчивой и заниженной самооценкой, неуверенностью подростков в себе, в своих силах, чувством неполноценности, внутриличностными конфликтами; рост числа проблемных подростков; снижение у подрастающего поколения ценности собственной жизни; наркотизация и алкоголизация молодежи, уход в виртуальный мир и т.д. [1; 2].

Несмотря на большое количество научных исследований, проблема профилактики аутоагрессивного поведения подростков остается недостаточно решенной.

Материал и методы. Для проведения исследования были использованы:

- теоретические методы (изучение и анализ научной литературы);
- эмпирические методы (тестирование – «Опросник суицидального риска» (модификация Т. Н. Разуваевой); опросник «Шкала причин самоповреждающего поведения» (Н. А. Польская); анкетирование – анкета «Модификации тела и самоповреждения» (Н. А. Польская, А. С. Кабанова).

В эмпирическом исследовании приняли участие учащиеся 8-х классов ГУО «Средняя школа № 18 г. Борисова», возраст респондентов – 13–14 лет.

Результаты и их обсуждение.

Аутоагрессивное поведение (аутодеструкция) – это проявление физической или психологической агрессии, направленной субъектом на самого себя. При этом саморазрушительные действия совершаются как осо-

знанно, так и неосознанно, под влиянием чрезмерного психоэмоционального напряжения, вызванного стрессом, психотравмирующей ситуацией.

Аутоагрессия может стать следствием неправильного воспитания, пережитого насилия, психического или соматического заболевания, неудовлетворенности своим социальным положением, стремления к манипуляции и др. [3; 4].

Существует множество форм выражения аутоагрессии:

- самобичевание, самообвинение, суицидальное поведение;
- нанесение себе телесных повреждений (удары, порезы, ожоги и др.);
- виктимное поведение;
- аддиктивное поведение;
- отказ от социальных отношений, самоизоляция от социума.

Одно из наиболее очевидных проявлений аутоагрессии – селфхарм. Селфхарм – это сознательное причинение себе физического вреда с целью справиться с эмоциональным стрессом, болезненными чувствами или внутренними конфликтами. Обычно самоповреждающие действия не связаны с суицидальными намерениями и характеризуются такими чертами, как осознанность, систематичность и преднамеренность. Селфхарм может иметь различные формы: порезы, ожоги, вкалывание игл в тело, расстройство пищевого поведения, чрезмерное нанесение татуировок, пирсинга и т.д.

Распространение среди подростков такого явления, как селфхарм, обусловлено рядом причинами, среди которых можно выделить следующие:

- поиск внимания: подобно демонстративным попыткам суицида, подростки могут прибегать к самоповреждению, чтобы привлечь внимание к своим проблемам;
- желание расслабиться: самоповреждение может использоваться как способ уйти от стресса и внешних проблем;
- компенсация чувства вины: подростки могут пытаться освободиться от чувства вины и негативных оценок окружающих через физическую боль;
- подражание модным тенденциям: некоторые подростки могут экспериментировать с самоповреждением, стремясь к новым ощущениям или подражая сверстникам.

Исследования показывают, что большинство актов аутоагрессии связаны с эмоциональным напряжением, самонаказанием, депрессией и тревогой, невозможностью самовыражения и т.д. Следовательно, создание условий для психологического комфорта и безопасности подростков, индивидуализация образовательного маршрута каждого учащегося приобретает особую значимость.

Необходимо формировать доброжелательные отношения в классных коллективах, улучшать взаимоотношения между педагогами и учащимися, сделать учебный процесс более эффективным, вовлекать учащихся в дея-

тельность, имеющую социальное значение, способствовать стремлению учащихся к самореализации.

Своевременное обнаружение проблемных ситуаций и оказание социально-педагогической поддержки и психологической помощи подросткам, столкнувшимся с трудностями, способствуют предотвращению самоповреждающего поведения.

Результаты проведенного диагностического исследования среди обучающихся 8-х классов показали, что для 5 % подростков характерен высокий уровень склонности к аутоагрессивному поведению.

Основными способами самоповреждения у подростков являются удары частями тела о твердые предметы, обкусывание губ, щек. Такие формы как нанесение порезов, самоожоги встречаются крайне редко.

Также были исследованы причины, приводящие подростков к самоповреждающим действиям. Основными причинами аутоагрессивного поведения являются: избавление от напряжения и воздействие на других. Данные стратегии выступают в качестве стабилизации эмоционального состояния через снижение напряжения, избавление от стресса и негативных эмоций, а также проявление склонности к демонстративности и манипуляции, возможно, просьбы о помощи через привлечение внимания к себе и своим проблемам (рис. 1).

Учреждение общего среднего образования и педагогические работники играют важную роль в профилактике аутоагрессивного поведения подростков. Учреждение образования представляет среду, где педагоги, наблюдая за эмоциональным состоянием учащихся и замечая изменения в поведении учащихся, такие, как снижение успеваемости, подавленность, уход в себя и другие признаки депрессивных состояний, могут оказать им необходимую помощь и поддержку.

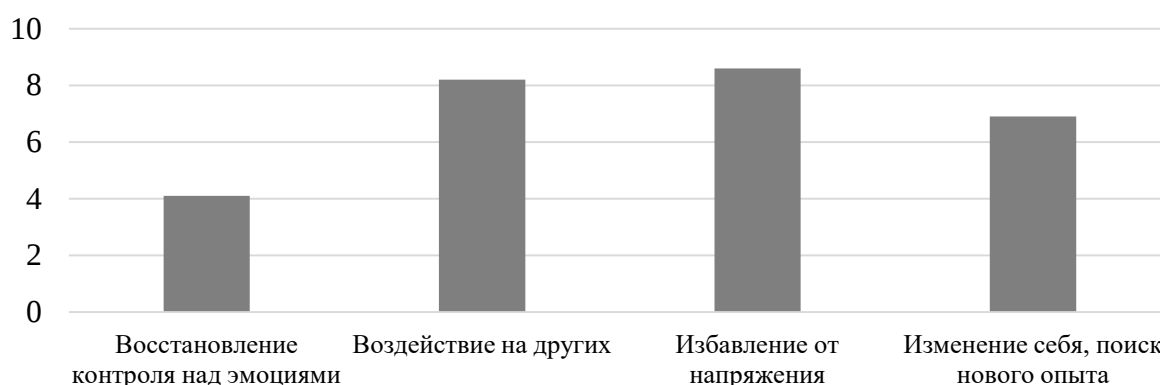

Рисунок 1 – Выраженность факторов самоповреждающего поведения среди подростков (ср. значение)

Заключение. Исходя из результатов проведенного исследования, в учреждениях образования необходимо организовать психолого-

педагогическую работу по профилактике аутоагрессивного поведения учащихся. Организация деятельности по профилактике аутоагрессивного поведения подростков будет способствовать формированию у них позитивного мышления, активной жизненной позиции и умения преодолевать жизненные трудности.

Список использованных источников:

1. Ипатов, А. В. Психология аутодеструктивного поведения подростков : монография / А. В. Ипатов. – М. : РУСАЙНС, 2019. – 288 с.
2. Польшая, Н. А. Взаимосвязь самооценки с самоповреждающим поведением / Н. А. Польшая // Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2010. – Т. 10, №3. – С. 82-86.
3. Ростовцева, М. В. Гендерные и возрастные отличия факторов аутоагрессивного поведения у подростков / М. В. Ростовцева, С. М. Колкова, В. Н. Бутенко, А. А. Машанов, Т. В. Скутина // Психология и психотехника. – 2022. – №3. – С. 105-120.
4. Сыроквашина, К. В. Психологические факторы риска суицидального поведения у подростков / К. В. Сыроквашина, Е. Г. Дозорцева // Консультативная психология и психотерапия. – 2016. – Т. 24, № 3. – С. 8-24.

УДК 376.3

**ОБСЛЕДОВАНИЕ МОТОРНЫХ ФУНКЦИЙ
У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С АЛАЛИЕЙ
КАК ЧАСТЬ ЛОГОПЕДИЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ**

М. А. Шкапцова, Ю. О. Минькова
Мозырь, МГПУ имени И.П. Шамякина
(e-mail: margaritaskapcova@gmail.com)

Аннотация. В статье рассказывается об особенностях моторных нарушениях у детей с алалией. Так же предлагается диагностическая карта для проведения обследования моторных функций у детей с алалией.

Ключевые слова: нарушение речи, алалия, моторные функции, диагностическая карта.

**EXAMINATION OF MOTOR FUNCTIONS
IN PRESCHOOL CHILDREN WITH ALALIA AS PART
OF A SPEECH THERAPY EXAMINATION**

M. A. Shkaptsova, Yu. O. Minkova
Mozyr, MSPU named after I.P. Shamyakina
(e-mail: margaritaskapcova@gmail.com)

Abstract: The article describes the features of motor disorders in children with alalia. It also offers a diagnostic chart for examining motor functions in children with alalia.

Keywords: speech disorder, alalia, motor functions, diagnostic card.

В настоящее время количество детей с нарушениями речи становится все больше и больше. У детей наблюдаются нарушения моторики, что является следствием влияния патогенных факторов на двигательные функции.

Некоторые исследователи отмечают, что в коре головного мозга (КГМ) речевые и двигательные области расположены близко друг к другу. И в следствии этого они утверждают, что, если нарушается моторные функции (то есть если страдает моторная область КГМ), то будет нарушаться речь (то есть страдает речевая область КГМ). Поэтому, развивая моторику ребенка мы создаем ему базу для успешного овладения речью.

Рассмотрим нарушение моторики у детей дошкольного возраста на примере такого нарушения речи как алалия.

Алалия – это отсутствие или грубое недоразвитие речи при сохранном слухе и нормальном интеллекте вследствие органического поражения речевых зон коры головного мозга во внутриутробном или раннем периоде развития ребенка [7].

Изучением алалии занимались такие ученые как: М. Е. Хватцев, Н. Н. Трауготат, В. К. Орфинская, Р. Е. Левина, Е. Ф. Соботович, В. А. Ковшиков, С. Н. Шаховский, В. К. Воробьева, В. И. Лубовский, Р. И. Лалаева, И. П. Павлов, А. А. Леонтьев, А. Р. Лурия, В. М. Бехтерев, М. Монтессори, Д. Сели, Н. А. Бернштейна, В. М. Бехтерева, Л. С. Выготского, И. Павленко, У. В. Ульенковой, О. Н. Усановой, М. М. Безруких и др. [2, 6].

К наиболее распространенной форме алалии относится моторная, так как она встречается намного чаще по сравнению с сенсорной и сенсомоторной алалией. Также имеются сведения о процентном соотношении детей с алалией: примерно 1% детей в дошкольном возрасте имеет диагноз алалия, при чем у мальчиков в 2 раза чаще, чем у девочек. Это обусловлено тем, что процесс развития у мальчиков проходит медленно по сравнению с девочками.

Таким образом изучение моторики у детей дошкольного возраста с алалией является актуальной проблемой. Так как, если страдает моторика, то будет страдать и речевое развитие детей.

Материал и методы. Проводилось обследование моторных функций у детей с алалией по методикам Н. В. Нищевой и Г. А. Волковой [3, 5].

Результаты и их обсуждение.

В ходе исследования отмечены нарушения моторных функций: затруднения словить мяч; затруднения в одновременном выполнении задания обеими руками (пальцами); затруднения в переключении движений пальцев рук; нарушения в движении нижней челюсти и губ.

Таким образом, при исследовании моторных функций у детей с алалией отмечаются нарушения во всех моторных блоках: общая моторика, мелкая моторика, артикуляционная моторика.

Также при выборе методик для исследования моторных функций у детей с алалией было обнаружено большое количество различных методик, которые были как похожи по структуре и по предлагаемым заданиям, так и некоторые методики отличались друг от друга. Поэтому было принято решение о разработке своей диагностической карты для обследования моторных функций у детей с алалией.

В диагностическую карту будут входить исследования таких областей исследования как:

1. Исследование общей моторики.
2. Исследование мелкой моторики.
3. Исследование моторики артикуляционного аппарата.
4. Исследование артикуляционного аппарата (будет представлено в виде теста, где обследующему необходимо обвести наблюдаемый вариант).

Исследование артикуляционного аппарата не будет включено в таблицу, а будет представлено как опрос, который можно предложить заполнить как законному представителю ребенка, так и логопеду, который обследует ребенка. В случае, если родитель сам заполняет, то предварительно или по ходу заполнения логопеду необходимо разъяснить термины, которые родитель может не знать.

Исследования по направлениям: исследование общей моторики, исследование мелкой моторики, исследование моторики артикуляционного аппарата – проводятся в активном взаимодействии логопеда и ребенка, где от ребенка требуется движение по кабинету. А направление исследование строения артикуляционного аппарата не требует от ребенка передвижения по кабинету, так как логопед исследует ротовую полость ребенка своими пальцами, в случае заполнения родителем данной области опросника, логопед находится рядом наблюдает и направляет родителя как правильно проводить исследование. Такой вид работы полезен тем, что с самого начала логопед как бы привлекает родителя к работе его с ребенком, еще одна положительная сторона – это то, что у ребенка нет страха, что чужой для него человек будет что-то делать с ним, то есть ребенок находится не в стрессовой ситуации во время исследования строения артикуляционного аппарата.

Таблица состоит из следующих компонентов: область обследования; задания для каждой области обследования; три столбца – начало года (НГ), середина года (СГ), конец года (КГ), – показывающие время года, когда логопед проводит обследование детей. Такое деление таблицы позволит логопеду наблюдать за динамикой развития детей. Также будет столбик, который будет называться «Особенности выполнения задания», где исследующий может отметить особенности выполнения задания ребенком.

Результат исследования можно будет выражать:

1. Математическими знаками, где «+» – выполнил задание; «-» – не выполнил задание; «±» – выполнил, но с трудностями (или с помощью).

2. Закрашивание квадратов цветными карандашами, где зеленый цвет – выполнил задание; красный цвет – не выполнил задание; желтый цвет – выполнил, но с трудностями (или с помощью).

Пример диагностической карты:

Период обследования	НГ	СГ	КГ	Особенности выполнения
Задания для об- следования				
I. Исследование общей моторики				
Пройти по начер- ченной линии				
Попрыгать на двух ногах				
Попрыгать на пра- вой ноге				
Попрыгать на левой ноге				
Бросить мяч вперед				
Словить мяч				
Ударить рукой по мячу				
Перепрыгнуть через небольшой канат, лежащий на полу				
II. Исследование мелкой моторики рук				
Сжать и разжать кулаки				
Похлопать в ладоши				
Расстегнуть, застег- нуть пуговицы				
Завязать, развязать шнурки				
Соединять попере- менно большой па- лец со всеми паль- цами данной руки				
Проба «кулак- ребро-ладонь»				

Рисовать прямые линии, человека				
III. Исследование моторики артикуляционного аппарата				
Открыть, закрыть рот				
Открыть рот, преодолевая сопротивление руки под подбородком				
Втянуть щеки				
Вытянуть губы вперед «трубочка»				
Растянуть губы в улыбке «улыбка»				
Чередовать «улыбку» и «трубочку»				
Поднять верхнюю губу, обнажив верхние зубы				
Опустить нижнюю губу, обнажив нижние зубы				
Показать «лопатку»				
Показать «жало»				
Показать «качели»				
Показать «маятник»				
Показать «маятник»				

IV. Исследование артикуляционного аппарата

При заполнении данного направления наблюдаемый вариант – подчеркнуть.

1. Обследование мимической мускулатуры в покое: выраженность носогубных складок, их симметричность; открыт рот/ закрыт; наличие слюноотечения; характер линии губ и плотность их смыкания; имеются ли насильственные движения (гиперкинезы).

2. Обследование губ: толстые; укороченные; расщепление верхней губы; послеоперационные рубцы; норма.

3. Обследование зубов: редкие; кривые; мелкие; лишние; вне челюстной дуги; кариозные; недоразвитые; норма.

4. Обследование прикуса: открытый передний; открытый боковой; норма.

5. Строение челюсти: прогения; прогнатия; норма.

6. Обследование языка: толстый; распластанный; напряженный; маленький; длинный; узкий; норма.

7. Обследование подъязычной уздечки: короткая; натянутая; приращенная; норма.

8. Обследование маленького язычка: отсутствует; укорочен; раздвоен; свисает неподвижно по средней линии; отклоняется в сторону; норма.

9. Обследование неба: высокое; чрезмерно узкое; плоское; низкое; расщелина твердого неба; расщелина мягкого неба; расщелина альвеолярного отростка; субмукозная расщелина; норма.

Заключение. Таким образом при выборе и анализе методик выбранных для исследования моторных функций было выявлено, что у каждой методики существует своя положительная сторона, но для своего удобства проведения обследования моторных функций у детей с алалией было принято решение о разработке своей диагностической карты.

При разработке диагностической карты были проанализированы диагностические методики исследования моторных функций у таких авторов как: Н. В. Нищевой, Г. А. Волковой, Е. В. Мазановой, В. М. Акименко, также оттуда были взяты и модифицированы некоторые задания из диагностических методик исследования моторных функций [1, 3, 4, 5].

Список использованных источников:

1. Акименко, В. М. Логопедическое обследование детей с речевыми нарушениями / В. М. Акименко. – Ростов н/Д. : Феникс, 2011. – 77 с.

3. Волкова, Л. С. Логопедия: Учебник для студентов дефектологических факультетов педагогических вузов / Под ред. Л. С. Волковой, С. Н. Шаховской. – М. : Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1998. – 331 с.

4. Волкова, Л. С. Методика психолого-логопедического обследования детей с нарушениями речи. Вопросы дифференциальной диагностики: Учебно-методическое пособие / Г. А. Волкова. – М. : ДЕТСТВО-ПРЕСС, 2004. – 144 с.

5. Мазанова, Е. В. Обследование речи детей 3 – 4 лет с ЗРР: методические указания для проведения обследования во 2-й младшей группе ДОУ / Е. В. Мазанова. – М. : Издательство ГНОМ, 2014. – 30 с.

6. Нищева, Н. В. Вариативная примерная адаптированная основная образовательная программа для детей с тяжелыми нарушениями речи (общим недоразвитием речи) с 3 до 7 лет / Н. В. Нищева. – СПб. : ДЕТСТВО – ПРЕСС, 2015. – 24 с.

7. Правдина, О. В. Логопедия: Учебное пособие для студентов дефектологических факультетов пед. институтов / О. В. Правдина. – М. : Просвещение, 1973. – 289 с.

8. Филичева, Т. Б. Основы логопедии: Учеб. пособие для студентов пед. институтов по специальности «Педагогика и психология (дошк.)» / Т. Б. Филичева, Н. А. Чевелева, Г. В. Чиркина. – М. : Просвещение, 1989. – 223 с.

УДК: 159.955:392.6-053.6

ФОРМИРОВАНИЕ У СТАРШЕКЛАССНИКОВ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ПОЛАМИ

А. В. Яворская, С. Д. Матюшкова
Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова
(e-mail: matyushkovasd@mail.ru)

Аннотация. В данной статье рассмотрены представления старшеклассников о взаимоотношениях между полами. Взаимоотношения между полами представляют собой формы взаимодействия людей разных полов, которые возникают в процессе их жизнедеятельности в обществе и развиваются на общественном уровне. На становление межполовых отношений большое значение оказывают такие компоненты, как гендерная социализация, гендерные установки и предубеждения. Поэтому важно проведения исследований по изучению представлений старшеклассников о взаимоотношениях между полами.

Ключевые слова: старшеклассники, пол, отношения, взаимоотношения между полами.

FORMATION OF HIGH SCHOOL STUDENTS' IDEAS ABOUT RELATIONS BETWEEN THE GENDER

A. V. Yavorskaya, S. D. Matyushkova
Vitebsk, VSU named after P. M. Masherov
(e-mail: matyushkovasd@mail.ru)

Abstract. This article examines high school students' ideas about relationships between the sexes. Relationships between the sexes are forms of interaction between people of different sexes that arise in the course of their life in society and develop at the societal level. Such components as gender socialization, gender attitudes and prejudices have a great impact on the development of inter-gender relations. Therefore, it is important to conduct research to study high school students' ideas about relationships between the sexes.

Keywords: high school students, gender, relationships, relationships between the sexes.

Взаимоотношения между полами представляют собой различные формы взаимодействия людей разных полов, которые возникают в процессе их жизнедеятельности в обществе. Отношения между полами развиваются на общественном уровне, и реализовываются между государством и группами, между представителями разных полов, и как отношение личности к самой себе в зависимости от её пола.

Принято выделять две основные модели межполовых взаимоотношений: партнёрскую и доминантно-зависимую модель. Партнёрская модель, или партнёрские отношения, характеризуются тем, что два субъекта данных взаимоотношений являются равноправными, каждый осознаёт собственную ценность и ценность оппонента. Общение отличается уважительностью и корректностью. Доминантно-зависимая модель отношений предполагает заведомо неравноправные позиции двух сторон, а именно, выделяется доминантная сторона и зависимая. В таком случае для двух сторон отношения и общения разворачивается по-разному. Если одна сторона стремится доказать свою власть, автономность и значимость посредством соперничества, то вторая – игнорирует собственные убеждения и ценности, подчиняется первой [1].

На основании анализа научной литературы [2], можно сделать вывод о том, что взаимоотношения между полами представляют собой формы взаимодействия людей разных полов, которые возникают в процессе их жизнедеятельности в обществе и развиваются на общественном уровне. На становление межполовых отношений большое значение оказывают такие компоненты, как гендерная социализация, гендерные установки и предубеждения.

Цель: исследование представлений старшеклассников о взаимоотношениях между полами.

Материал и методы: Для достижения поставленной цели было проведено исследование с помощью таких методов, как анкетирование, математическая обработка, анализ и интерпретация данных. Исследование установок обучающихся проходила на базе школ города Витебска. В исследовании приняли участие школьники в возрасте от 15 до 17 лет, из них 40% – юноши, 60% – девушки.

Результаты и их обсуждение.

В ходе проведенного анкетирования было выявлено, что большинство респондентов имеют сформированные представления о взаимоотношениях между полами. Большинство обучающихся (53,3%) отвечают, что имеют несколько друзей противоположного пола, 33,3% – нет друзей противоположного пола. У оставшихся большое количество друзей, как своего, так и противоположного пола.

Старшеклассникам было предложено порассуждать над тем, насколько легко им удастся общаться с представителями противоположного пола. Большинство респондентов, а именно 80%, уверены, что то, как они будут

общаться с представителем противоположного пола, зависит именно от ситуации и от личности человека, с которым предстоит общаться.

16,7% из числа опрошенных уверены, что они находят общий язык со всеми, независимо от их пола. Лишь 3,3% признают, что у них возникают определённые трудности во взаимоотношениях с противоположным полом, однако такое общение не представляет для них никакой ценности (рисунок 1).

Рисунок 1 – «Легко ли Вам общаться с противоположным полом?»

56,7% респондентов думают, что дружба между юношами и девушками возможна. Более того, 16,7% отмечают, что имеют большое количество друзей противоположного пола, а значит, полностью уверены, в том, что дружба между девушками и юношами существуют. Однако, 23,3% говоря о том, что они не верят в такую дружбу, а 3,3% не смогли дать ответ.

По мнению девушек, основными характеристиками, которые присущи только представителям мужского пола являются следующие: мужественность, ответственность, воинственность, стойкость, верность, решительность, храбрость. Некоторые девочки-подростки отмечают, что не существует таких качеств, которые были бы присущи только лицам и противоположного пола. Еще несколько подростков ссылаются на биологические различия, которые считают единственными. Некоторые девушки отмечают сугубо негативные качества, такие, как лживость, агрессия, бессердечность и лицемерие.

Юноши же, в свою очередь, описывают такие качества, присущие только мужчинам, как: мужественный, сила, смелость, серьёзный, спокойной, образованный, ответственность, агрессивной, храброй, отзывчивость, доброжелательность. Многие из них отмечают важность физической подготовки.

Основываясь на общих ответах подростков, можно сделать вывод, что, по мнению респондентов, к качествам, которые присущи исключительно юношам, относятся следующие:

- мужественность;
- агрессивность.

К основным качествам, которые присущи только женскому полу, девушки относят нежность, мягкость, аккуратность, мудрость, терпимость, принятие, миролюбие, изящный, грацию, честно, доброту. Некоторые все так же настаивают, что нет таких качеств, которые могут быть характерны

только представителям одного из полов. Важно отметить, что девушки не выбрали ни одного отрицательного качества.

По мнению юношей, к характеристикам, которые свойственны только представителям женского пола относятся: эмоциональность, женственность, обиды без всяких причин. Некоторые юноши, снова делают акцент на физиологических отличиях между женщинами мужчинами и на внешности. Юноши считают, что только девушке может быть присуща излишняя эмоциональность и иррациональные обиды.

Старшекласниками были выбраны следующие общин женские качества:

- женственность;
- нежность;
- эмоциональность.

И девушкам, и юношам было предложено описать, какими качествами, по их мнению, должны обладать как «идеальный» юноша, так и «идеальная» девушка. «Идеального» юношу респонденты описывают как мужественного храброго, целеустремлённого, ответственного и смелого. Что касается, описания «идеальной» девушки, как юноши, так и девушки, делают акцент на внешности, красоте и ухоженности, из качеств выделили честность, доброту, хорошее чувство юмора и ответственность (таблица 1).

Таблица 1 – Общие гендерные представления старшекласников

Качества, присущие только юношам	– мужественность; – агрессивность.
Качества, присущие только девушкам	– женственность; – нежность; – эмоциональность.
Качества «идеальной» девушки	– доброта; – честность; – хорошее чувство юмора; – ответственность.
Качества «идеального» юноши	– мужественность; – храбрость; – целеустремлённость; – ответственность; – смелость.

Большинство респондентов признались, что они не состоят в романтических отношениях – 73,3%. 26,7% отмечают, что на данный момент состоят в романтических отношениях с представителем противоположного пола.

Молодежи предложили порассуждать, с какого возраста можно вступать в романтические отношения. Большинство школьников уверенно заявляют, что в отношении такого рода необходимо вступать только после 15 – 16 лет. Некоторые же школьники (20%) уверены, что в такие отноше-

ния можно вступать и раньше, а именно с 13–14 лет. Столько же считают, что целесообразным будет вступление в романтические отношения только после 16 лет. Лишь 3,3%, отмечают, что в романтические отношения можно вступать только после совершеннолетия (рисунок 2).

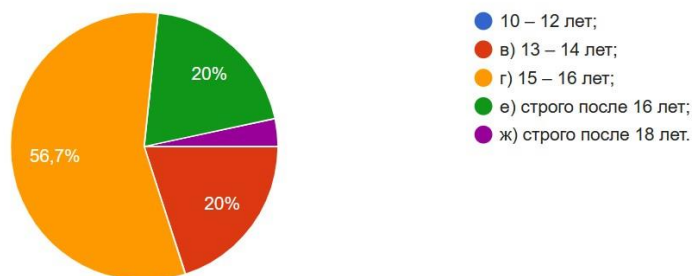

Рисунок 2. – «Как Вы считаете, с какого возраста можно вступать в романтические отношения?»

По мнению половины респондентов, в близкие отношения можно вступать после 16 лет – 50 %, 46,7 % – строго после 18 лет. А 3,3 % допускают возможность вступления в такие отношения с 15 лет.

Основным источником информации по вопросам отношений между юношами и девушками для опрошенных выступает семья и родственники – 43,3 %, на втором месте находится СМИ и интернет-ресурсы – 30 %. А 23 % в таких вопросах доверяют исключительно своим друзьям и знакомым, 3,3 % – Google и Яндекс поисковикам.

На основании проведенного исследования гендерных стереотипов и представлений о взаимоотношениях между полами можно сделать следующие выводы:

- большинство респондентов отвечают, что имеют несколько друзей противоположного пола;
- некоторые признают, что у них возникают определённые трудности во взаимоотношениях с противоположным полом, однако такое общение не представляет для них никакой ценности;
- часть подростков категорически не верят в существование дружбу между парнями и девушками;
- некоторые девушки отмечают сугубо негативные качества, такие, как лживость, агрессия, бессердечность и лицемерие, присущие только представителям мужского пола. В то время как юноши, делают акцент на внешности и физических данных обоих полов;
- по мнению подростков, к качествам, которые присущи исключительно юношам, относятся следующие: мужественность и агрессивность, в то время как девушкам – женственность, нежность и эмоциональность;
- 26,7 % отмечают, что на данный момент состоят в романтических отношениях с представителем противоположного пола;

Некоторые же школьники уверены, что в романтические отношения можно вступать и раньше, а именно с 13 – 14 лет;

- 3,3 % допускают возможность вступления в половые отношения с 15 лет;

- основным источником информации по вопросам отношений между юношами и девушками для подростков выступает семья и родственники.

Заключение. Таким образом, проведенное исследование, показывает наличие определенных гендерных установок у старшеклассников, которые могут оказывать негативное влияние на их дальнейшую жизнь. Формирование представлений о взаимоотношениях между полами в этом возрасте необходимо для того, чтобы они смогли эффективно коммуницировать не только с представителями противоположного, но и своего пола, а также для формирования у них представлений и навыков взаимодействия в романтических отношениях, необходимых для создания будущей семьи.

Список использованных источников:

1. Гендерная психология как основа построения системы долговременного ухода: монография / И.Г. Малкина-Пых, И.С. Лысенко. – СПб.: СПбГИПСР, 2021. – 192 с.

2. Матюшкова, С. Д. Педагогические условия формирования гендерной культуры учащихся старших классов : монография / С. Д. Матюшкова ; М-во образования РБ, УО «ВГУ имени П. М. Машерова». – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2012. – 173 с. URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/1535> (дата обращения: 01.09.2024).

СЕКЦИЯ 2. ЭТНОКУЛЬТУРА КАК ДЕТЕРМИНАНТА УСПЕШНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ

УДК 908:37.012.78:37.013.8

РОЛЬ КРАЕВЕДЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОМ ВОСПИТАНИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX СТОЛЕТИЯ)

Н. Ю. Андрущенко

Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова
(e-mail: andru-natalya@yandex.by)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности организации учебно-воспитательного процесса подрастающего поколения на основе краеведения. Представлены труды известного этнографа, фольклориста П.М. Шпилевского. Приведены примеры народных обрядов.

Ключевые слова: краеведение, этнографический материал, социальное воспитание.

THE ROLE OF LOCAL HISTORY IN SOCIAL EDUCATION OF THE YOUNG GENERATION (LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY)

N. Yu. Andrushchenko

Vitebsk, VSU named after P. M. Masherov
(e-mail: andru-natalya@yandex.by)

Abstract. The article examines the features of organizing the educational process of the younger generation based on local history. The works of the famous ethnographer, folklorist P.M. Shpilevsky are presented. Examples of folk rituals are given.

Key words: local history, ethnographic material, social education.

Историко-педагогическое наследие белорусов играет важную роль в приобщении подрастающего поколения к национальной культуре, народным традициям, формировании патриотизма, духовно-нравственных ценностей, трудолюбия.

Цель исследования – показать роль краеведения в социальном воспитании детей и молодежи в конце XIX – начале XX века.

Материал и методы. В ходе исследования были использованы теоретические методы исследования: анализ, сравнение, обобщение, систематизация. Материалом послужили архивные материалы и статьи периодических изданий.

Результаты и их обсуждение.

Подъем интереса к истории, культуре, народной педагогике белорусов произошел во второй половине XIX века. Именно в этот период времени появились фундаментальные исследования в области этнографии, фольклора, краеведения.

Известным краеведом был П. М. Шпилевский. В результате его научных экспедиций был собран этнографический материал, ставший основой работ: «Путешествие по Полесью и Белорусскому краю», «Беларусь в обрядах и сказках».

Ученый, посещая различные губернии Беларуси записывал пословицы и поговорки. Например, П. М. Шпилевский описал следующие пословицы: «Як камень у воду» (русскоязычный вариант «Пропал, исчез, как камень, брошенный в воду»). В данной пословице говорится о том, что человек забыл нанесенную ему обиду. В переносном смысле слова – это незлопамятность, либо безвозвратная потеря чего-либо [1, с. 32].

«Ноги дзярець, а боты на кийку нясець», «Нос дзярець, а чабары на кручку цагнець» (русскоязычный вариант «Задирает, высоко поднимает ноги (нос), а сапоги несет (тащит) на палочке»). Это своего рода насмешка над бедным, который считает себя выше других [1, с. 35].

«Схавай грашульку на зязюльку» (русскоязычный вариант «Припрячь денежку на ту пору, как явится кукушка и прокричит: куку, т.е. на весну»). Пословица связана с порой, когда славяне были язычниками. Если человек, услышав кукушку первый раз весной, зазвенит в руках или кармане монетами, то год будет удачным [1, с. 37].

«Бабиных груш няруш: свае траси, бабе няси» (русскоязычный вариант «Не трогай бабьих груш; своих натряси, да бабе поднеси»). Здесь говорится об уважении к женщинам, особенно пожилым [1, с. 39].

П. М. Шпилевским был охарактеризован свадебный обряд крестьян Могилевской и Минской губерний. Он включал в себя:

- малые «запойны» (ждали приезда свата);
- большие «запойны» (приезд свата с женихом);
- договор (запойны), когда собирается вся семья и родственники невесты, жених официально просит руки будущей жены;
- выпечка каравая;
- выкуп невесты;
- прием жениха в доме невесты;
- облачение невесты;

– свадьба [1, с. 54].

Рождение и крещение ребенка сопровождалось обрядами и песнями. Пример колыбельной песни:

«Люли, люли, люли! Прилецели куры,
Сели на вороцах у чирвоных боцах.
Стали сакатаці, што дзиззяці даці?...! [1, с. 134].

Когда ребенка крестили пожилые женщины от имени кумов пели:

«А мы прыйшлі ад Божаго дому
Принесли у красную харому
Дзецину
Хрищону...» [1, с. 138].

На Пасху по деревням и селам ходили люди, которых называли Валачобники. Они должны были уметь красиво рассказать про свое село, петь пасхальные песни и гимны. Валачобники заходили в каждый хозяйский двор и поздравляли с праздником. Хозяин их угощал.

Пример валачобной песни: Ишли, прійшли валачобники,
Играючы, сыпеваючы,
Добрага пана шукаючы...» [1, с. 158].

В сельской местности большое внимание уделяли обрядовым праздникам, связанным с сельскохозяйственными работами. Так, крестьяне Витебской и Минской губерний при уборке зерна соблюдали следующие обряды: покрывание поля, зажинки и дожинки.

Покрывание поля заключалось в том, что молодая женщина с несколькими девушками жали небольшой снопок жита и обвивали его платком. При этом пели:

«Пакрыла нівку
На добраю спажівку;
Парадзі, Божа,
Наша збожжа!» [1, с. 73].

Затем идут зажинки, по сути, начинается полноценная уборка урожая. Зажиночный снопок стоял в доме крестьянина под иконами до праздника Преображение Господне.

Дожинки – это конец сбора урожая. Праздновали всегда широко, с обильным застольем и песнями. Например, пели такую песню:

«Добрая нівка была,
Сто коп жыта здрадила,
И еще хвалитца,
Што на копу калосья валитца...
Будзь сяло вясяло,
Ба мы вянок нясема:
З добрага жита
Вельми красавита» [1, с. 77].

Важным праздником на Беларуси всегда был Юрьев день, когда впервые после зимы люди выгоняли на пастбище домашних животных (корову,

коня). Первый выпас сопровождался гуляньем, неизменным атрибутом которого была песня. Например,

«Разыграйся Юра-коник,
Залаценьки коник!

или «Ой, иду я на улачку, а бычки бушуюць:
Юр'я, Юр'я!.. Бычки бушуюць...» [1, с. 88–89].

Работы белорусских писателей, основанных на материале народной педагогики, становились дидактическим и воспитательным средствами. Например, «Первое чтение для деток белорусов» (Тётка) и «Второе чтение для детей белорусов» (Якуб Колас).

В 1920–1930-е годы краеведение стало принципом построения системы социального воспитания в Беларуси. Акцентировалось внимание на целесообразности разработки школьных учебных программ с учетом местной действительности. Использование краеведческого материала в учебно-воспитательном процессе было направлено на формирование социальных умений и навыков детей и молодежи. Разрабатывалась и внедрялась методика проведения краеведческих экскурсий [2]. Создавались окружные товарищества краеведения. Например, в Беларуси распространялся опыт работы Минского окружного товарищества краеведения по изучению быта, культурных потребностей, устного народного творчества крестьян, рабочих и служащих.

Вопросы школьного краеведения обсуждались на конференциях и съездах [3]. С целью освящения и пропаганды краеведческой тематики были созданы журналы «Наш край» и «Советское краеведение». Тематика краеведения находила отражение в журнале «Асвета».

Профессиональная подготовка дошкольных работников и учителей осуществлялась с учетом местной действительности. Предметы по краеведению, методике краеведения были включены в учебные планы педагогических техникумов и институтов [4].

В 1930-е годы тенденция активного развития краеведения сохранилась. В 1931 году был подготовлен проект постановления СНК БССР о мероприятиях по развертыванию краеведческой работы [5]. Возросла роль и значимость краеведческих знаний в системе социального воспитания. Были приняты нормативно-правовые документы, обязывающие работников образования использовать краеведческие материалы в своей педагогической деятельности (Постановлении ЦК ВКП (б) «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» (1932 г.)). В этой связи в учебном плане для педтехникумов появился специальный курс «Методика краеведения». Предмет «Методика школьного краеведения» был включен в программу курсов подготовки учителей I концентрата ФЗС и ШКМ и преподавателей 4-летних школ, которые открылись 01.01.1933 года в Минске [6].

С методикой использования краеведческого материала в практической работе, учителей знакомили отдельные темы кружков по повышению квалификации [7].

На формирование навыков применения в учебно-воспитательном процессе материалов из жизни, труда и быта местного населения были нацелены программы по самообразованию («Педтехникум на дому»).

В последующие десятилетия краеведческая работа развивалась не так интенсивно.

Заключение. Краеведения стало активно развиваться во второй половине XIX века в связи со становлением белорусской нации. В 1920–1930-е годы краеведение было основой построения учебно-воспитательного процесса.

Список использованных источников:

1. Шпілеўскі, П. М. Беларусь у абрадах і казках / П. М. Шпілеўскі. – Мінск: Літаратура і Мастацтва, 2010. – 304 с.
2. Шапялёвіч, К. Арганізацыя і змест працы школьна-краязнаўчых гурткоў / К. Шапялёвіч // Наш край. – 1930. – № 1. – С. 61–67.
3. Каранеўскі, Я. Да зьезду інспэктароў і інструктароў па сацыяльнаму выхаваньню ў БССР / Я. Каранеўскі // Асвета. – 1925. – № 1. – С. 37–42.
4. Учебный план педтехникумов // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 42. – Оп. 1. – Д. 1457. – Л. 30.
5. Работа ЦБК БССР за октябрь-декабрь 1931 г. // Советское краеведение. – 1932. – № 5. – С. 29.
6. О включении методики краеведения в учебные планы педтехникумов // Савецкая краіна. – 1933. – № 1. – С. 81.
7. Аб мэтодах працы настаўніцкіх гурткоў па ўзвышэньні кваліфікацыі // Асвета. – 1925. – № 7. – С. 91–97.

Статья выполнена в рамках исследования по теме «Формирование национального самосознания студентов в условиях регионального вуза: историко-этнопедагогический аспект» проводится при поддержке БРФФИ (договор № Г23ИП-017 от 02.05.2023 г.).

УДК 172.15:316.64-075.875:37.013.8:39

РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ СРЕДСТВАМИ ЭТНОПЕДАГОГИКИ

Е. Л. Михайлова

*Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова
(e-mail: elena-mikhaylova@rambler.ru)*

Аннотация. В статье рассматриваются направления развития национального самосознания будущих специалистов социальной сферы в условиях современного вуза с актуализацией средств этнопедагогики. Также представлен авторский опыт развития национального самосознания студентов специальностей «Социальная работа (социально-

психологическая деятельность)» и «Социальная педагогика» в учебной и внеучебной деятельности.

Ключевые слова: национальное самосознание, этничность, этнопедагогика, этнопедагогические ценности, средства этнопедагогики.

DEVELOPMENT OF NATIONAL SELF-AWARENESS OF FUTURE SOCIAL SPHERE SPECIALISTS BY MEANS OF ETHNOPEDAGOGICS

E. L. Mikhaylova

Vitebsk, VSU named after P. M. Masherov
(e-mail: elena-mikhaylova@rambler.ru)

Abstract. The article considers the directions of development of national consciousness of future specialists of social sphere in the conditions of modern higher education institution with actualisation of means of ethnopedagogy. The author's experience of development of national self-awareness of students of specialities 'Social work (socio-psychological activity)' and 'Social pedagogy' in educational and extracurricular activities is also presented.

Key words: national self-awareness, ethnicity, ethnopedagogy, ethnopedagogical values, means of ethnopedagogy.

Проблема развития национального самосознания студентов в современных условиях развития общества чрезвычайно актуальна, поскольку процессы глобализации и информатизации приводят к потере молодежью чувства принадлежности к определенной нации, необходимости сохранения и ретрансляции национальных традиций, ценностей. В последние десятилетия очевиден разрыв межпоколенной связи между современной молодежью и старшим поколением, посредством которой многие столетия осуществлялась трансляция жизненной мудрости, нравственности, семейных ценностей, организовывалось воспитательное воздействие на подрастающее поколение в семье.

Жизненный опыт и житейская мудрость дедушек и бабушек зачастую обесценивается внуками, признается неактуальной для современной жизни, а непосредственное общение – заменяется «дежурными» телефонными звонками. А ведь это практически единственная возможность развития осознания себя как представителя своего рода, приобщения его к традициям и обычаям, идентификация со своими предками. Зачастую у современных родителей недостает времени на совместное времяпрепровождение со своими детьми, в том числе на ретрансляцию семейных обычаев, традиций, ценностей. Они могут и не являться их носителями в силу ряда причин – от глобальных (стремительная урбанизация молодежи из сельской местности, социально-экономические преобразования 90-х годов XX столетия – времени детства нынешних родителей) до индивидуальных

семейных (например, межпоколенные конфликты, изменение типа родительской семьи вследствие расторжения брака).

Поскольку институтом социализации, воспитания ребенка является семья, то и развитие национального самосознания тоже происходит в ней: ребенок прежде осознает себя частью своей семьи, своего рода, а затем – своего народа; он приобщается вначале к семейным традициям, обычаям, ценностям, а затем – к общенациональным; он учится любить и уважать своих родителей, своих близких, почитать своих предков, а на ее основе развивается любовь к своей земле, к Родине, национальная гордость, желание и необходимость созидательного труда на благо своей страны.

Исходя из вышеизложенного, именно в поколении наших прародителей сконцентрирована та информация рода, этнической группы, актуализация которой позволит восполнить этнокультурологический пробел у современной молодежи, приобщить ее к обычаям, традициям, ценностям, научить сохранять и передавать следующим поколениям белорусов.

Так, цель нашей статьи: охарактеризовать направления развития национального самосознания студентов – будущих специалистов социальной сферы через средства этнопедагогики.

Материал и методы. в качестве материала выступили публикации по проблеме исследования, результаты проведенного исследования, личный опыт по реализации средств этнопедагогики в развитии национального самосознания будущих специалистов социальной сферы. Методы исследования: изучение литературы по проблеме исследования; логические методы исследования; наблюдение; опрос.

Результаты и их обсуждение.

Национальное самосознание выступает достаточно сложным и противоречивым конструктом, поскольку в научном мире не сформирована единая позиция ученых относительно сущности указанного понятия, а также определенного соподчинения, рядоположности с понятием «этническое самосознание».

Исследование проблем развития национального самосознания молодежи и современных подходов к решению данной проблемы позволило нам выявить противоречие – между требованиями, предъявляемыми современной ситуацией к уровню национального самосознания молодежи, и недостаточной разработанностью оптимальных, результативных подходов, а также наличием отдельного несистематизированного, недостаточно изученного практического опыта по решению этой проблемы в условиях учреждений высшего образования.

Как отмечает В. Г. Вольвач, отдельные современные авторы акцентируют внимание на том, что «катализатором развития национального самосознания является национальная идея, которая, в частности, должна давать ответ на вопрос об исторической миссии и смысле существования нации» [1, с. 60]. В последние годы в Беларуси также делались попытки лаконично и ёмко сформулировать национальную идею, суть которой, видимо, заключа-

ется в стремлении белорусского народа к свободе, самостоятельности, в любви к своей Родине, особенно к малой родине («родному куту»), в желании сохранить родной белорусский язык, свою культуру и самобытность.

Учитывая вышеуказанное противоречие, тщательно изучив этот вопрос в литературе, мы под национальным самосознанием личности рассматриваем осознание ею своей национальной принадлежности, основанное на знаниях и представлениях об истории, культуре, религии (верованиях), традициях, территории, языке, устремлениях своего народа, определяющее стремление и потребность в сохранении, укреплении и отстаивании национальных ценностей, развитии национальной культуры, формирующее чувство гордости, уважения, ценностное отношение к своему народу, национальному достоянию, культуру межнациональных отношений с опорой на толерантность, национальные и общечеловеческие ценности, представления об особенностях культуры другого народа [2, с. 63].

В структуре национального самосознания исследователь О. В. Ладыгина выделяет два уровня – национальная психология (комплекс эмоциональных впечатлений, мнений и переживаний общества, отражающих представления о своей идентичности и отличиях от представителей других общностей, о национальных ценностях, об истории нации и перспективах развития) и идеология (сформированное на базисе психологии отношение социума к своему современному состоянию в социально-политической, экономической и культурной сферах по сравнению с предыдущими историческими этапами, а также к положению своей нации в окружающем мировом сообществе) [3]. В развитии национального самосознания отдельной личности (индивидуального национального самосознания), как справедливо отмечает в своем исследовании О. В. Ладыгина, также присутствует уровневость: микроуровень (когнитивный) воплощается в самосознании; макроуровень (эмоционально-ценностный) – в самоотношении; мегауровень (регулятивный) – в саморегуляции [3, с. 17].

Национальное самосознание личности на когнитивном уровне начинает свое развитие в дошкольном возрасте – не только в семье, но и в учреждении дошкольного образования. Данный процесс продолжается в условиях учреждений общего среднего образования, смещая акцент с когнитивного уровня к эмоционально-ценностному. Регулятивный уровень в полной мере актуализируется, начиная с подросткового возраста, и продолжается на протяжении всей жизнедеятельности человека. Университет выстраивает процесс развития национального самосознания будущих специалистов посредством проведения воспитательных мероприятий, акций, дискуссионных площадок, встреч с известными людьми-земляками, развитие гордости за национальные символы своей страны и, одновременно, организует профессиональное обучение, экстраполируя сформированные национально идентичные черты личности на формирование профессиональных компетенций, а также личностных качеств, значимых в будущей профессии.

Студенчество является той социальной группой (принимая во внимание возраст, род занятий, социальный статус, активность студентов), для которой необходимо организовывать процесс развития национального самосознания, поскольку на данном возрастном этапе происходит активное формирование гражданской позиции посредством критического осмысления информации, событий. Именно высшее учебное заведение является тем социальным институтом, который помогает сформировать целостную картину в понимании сущности, роли, значимости, ценностей своей нации, объединяя разрозненные позиции семьи студента, его социального окружения в соответствии с целями и ценностями общества, государства.

Результаты проведенного опроса [2, с. 64–70] показывают необходимость системного подхода в формировании национального самосознания студентов в условиях современного вуза, которое может осуществляться в следующих направлениях в рамках учебной деятельности и мероприятий воспитательной направленности:

- этнокультурное просвещение (с целью обогащения знаниями относительно обычаев и традиций своего народа, их сакрального смысла и содержания, постижения этнопедагогических ценностей, развития интереса молодежи к языку, истории и культуре своей страны, освоения культурно-исторического опыта, накопленного старшими поколениями);

- патриотическое воспитание (с целью развития чувства гордости за известных родственников – ударников и ветеранов труда, ветеранов и участников войны, бабушек и дедушек, воспитавших много детей, родителей, составления своей родословной, а также – Книги памяти об известных земляках);

- этнопедагогическая подготовка (с целью развития взаимопонимания между поколениями, передачи потомкам этнокультурного наследия, этнопедагогических основ самовоспитания и воспитательной практики своего народа).

Так, среди актуальных средств этнопедагогики, способствующих развитию национального самосознания будущих специалистов социальной сферы, следует отметить труд, родной язык, воплощенный в пословицах и поговорках, обычаи и традиции.

Труд в его традиционном значении выступает самым древним средством этнопедагогики, поскольку народ считал, что именно в труде и через трудовую деятельность происходит и нравственное совершенствование, и физическое развитие, и в целом – становление человека: “Працаваць не любіш – чалавекам не будзеш”, “Праца робіць чалавека разумным”, “Добра працуеш – павагу маеш”. Ребенка с малого возраста (с 2–3-х лет) приучали к посильному труду, приносящему пользу семье. С взрослением увеличивалось число трудовых обязанностей, более интенсивной становилась трудовая деятельность, и к 12–13 годам юноши и девушки могли выполнять не только все сельскохозяйственные работы, но и хлопоты по дому, а также – воспитание младших братьев и сестер. Очевидно, что к 18-ти

годам молодежь проходила школу трудовой жизни и, кроме освоения разнообразных трудовых умений, навыков, их практического использования, одновременно развивалась в нравственном и физическом отношении, через труд у них формировались любовь к своей Родине, готовность помогать другим, созидать, быть ответственным за результаты труда, передавать трудовые умения и навыки младшим членам семьи [4]. Задачи развития национального самосознания личности через трудовую деятельность следующие: формирование уважения к труду и почитания трудолюбивых людей (в том числе, ветеранов труда); приучение к коллективной трудовой деятельности («талацэ»), гарантирующей взаимопомощь, взаимную заботу и объединение работающих вместе, а также приучающей отслеживать качество работы, при необходимости – учить других или учиться самому; обучение подрастающего поколения ценить рабочее время (проводить необходимую подготовку к труду, не откладывать срочную работу на потом); привитие трудовых умений и навыков; формирование личности через труд.

Родной язык, воплощенный в пословицах и поговорках, является одним из наиважнейших способов передачи жизненного опыта, мудрости, жизненного опыта от старших поколений к младшим. Белорусы все факты, все случаи жизни человека, как положительные, так и отрицательные, подводят под меру своих пословиц и поговорок [4]. Умудренные опытом люди доводили молодежи мысли об уважительном отношении к старшим, осторожности в словах и мыслях, терпении, аккуратности, трудолюбии, любви к своей семье, своему роду, родной земле. На все случаи жизни человека у народа есть соответствующие пословицы и поговорки: “Прымаўкі і прыказкі – мудрай мовы прывязкі”, “Без прымаўкі і прыказкі гаворка, што ежа без солі”.

Обычай – это стереотипный способ поведения, передающийся по наследству, а также это регулятор отношений между людьми. Обычай достаточно подробно регламентирует способы реализации разных общественных отношений, формируют простые привычки. Их окончательной целью выступает создание оптимальных условий и возможностей добывания жизненных средств, обеспечения существования и сохранения целостности общности.

Традиции рассматриваются как передача норм, поведения, взглядов, вкусов, мнений, убеждений, духовных ценностей, нравов, обычаев, способов деятельности, выступающих в качестве «распредмеченных» компонентов общественного сознания. Традиции распространены во всех сферах общественной жизни и прививают личности общие идеи, дают определенную направленность поведению в зависимости от требований общества, класса, группы.

Обычай и традиции способствуют единению поколений, объединяют усилия народа в воспитании детей и молодежи, заставляют подрастающее поколение следить за своими действиями и поступками, отношениями с другими людьми, брать в активный арсенал положительные черты характера, чтобы в итоге не опозорить себя, своих родителей, свой род.

Заключение. Следовательно, актуализация таких этнопедагогических средств, как труд, родной язык, обычаи и традиции семьи и народа, способствуют развитию национального самосознания будущих специалистов социальной сферы.

Личный опыт внедрения указанных выше средств показал свою значимость:

- студенты рассказывают на занятиях по учебным дисциплинам «Этнопедагогические основы профессиональной деятельности», «Педагогика семьи», «Теория социальной работы» о традициях и обычаях, принятых в их семьях, об общих делах и взаимодействии со своими бабушками и дедушками, вместе с ними они составляют свою родословную;
- выступают с информацией о своем роде, готовят соответствующий коллаж / плакат или презентацию;
- пишут эссе о значимости пословиц и поговорок, народных сказок, легенд и преданий в развитии личности;
- вместе готовятся и инсценируют известные белорусские праздники, например, «Масленицу», включая необходимые атрибуты, в том числе выпечку и угощение участников праздника блинами.

В деятельности студенческой научно-исследовательской лаборатории «Этнопедагогика» будущие специалисты в том числе исследуют значимость этнопедагогических средств формирования личности под руководством опытных преподавателей кафедры социально-педагогической работы – членов научно-педагогической школы «Этнопедагогика».

Список использованных источников:

1. Вольвач, В. Г. Исторический процесс и национальное самосознание : монография / В.Г. Вольвач. – Омск: Изд-во АНО ВПО «ОмЭИ», 2006. – 148 с.
2. Михайлова, Е. Л. Национальное самосознание студентов: сущностно-содержательная характеристика феномена / Е. Л. Михайлова, С. И. Михайлов, Т. В. Савицкая / Профессиональная подготовка специалистов социальной сферы: традиции и инновации : монография / Н. Ю. Андрущенко [и др.] ; под ред. Е. Л. Михайловой ; М-во образования Республики Беларусь, Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова». – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2024. – 154, [1] с. – С.52-71. – Режим доступа: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/43497>. Дата доступа: 28.10.2024.
3. Ладыгина, О. В. Самоорганизация национального самосознания : автореф. дис. ... канд. филос. наук по спец. 09.00.11 – социальная философия. / О. В. Ладыгина. – Душанбе, 2011. – 23 с.
4. Михайлова, А. Л. Этнопедагогічна падрыхтоўка спецыялістаў сацыяльнай сферы ва ўмовах полікультурнага соцыуму: тэарэтыка-метадагічны аспект : манаграфія / А. Л. Міхайлава. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2018. – 157 с. – Режим доступа: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/17417>. Дата доступа: 28.10.2024.

Статья выполнена в рамках исследования по теме «Формирование национального самосознания студентов в условиях регионального вуза: историко-этнопедагогический аспект» проводится при поддержке БРФФИ (договор № Г23ИП-017 от 02.05.2023 г.).

НАЦЫЯНАЛЬНАЯ САМАСВЯДОМАСЦЬ І ІДЭНТЫЧНАСЦЬ СТУДЭНЦКАЙ МОЛАДЗІ

С. І. Міхайлаў

Віцебск, ВДУ імя П.М. Машэрава

(e-mail: mikhaylovsi74@mail.ru)

Анотацыя. У артыкуле аналізуецца стаўленне студэнцкай моладзі да этнапедагагічных каштоўнасцей беларускага народа, а таксама ўзровень сфарміраванасці нацыянальнай самасвядомасці і ідэнтычнасці.

Ключавыя словы: самасвядомасць, ідэнтычнасць, этнапедагагічныя каштоўнасці, нацыя, этнас.

NATIONAL SELF-CONSCIOUSNESS AND IDENTITY OF STUDENT YOUTH

S. I. Mikhailau

Vitebsk, VSU named P. M. Masherov

(e-mail: mikhaylovsi74@mail.ru)

Abstract. The article analyzes the attitude of student youth to the ethnopedagogical values of the Belarusian people, as well as the level of formation of national self-consciousness and identity.

Keywords: self-consciousness, identity, ethnopedagogical values, nation, ethnos.

Глабальныя выклікі сучаснага свету патрабуюць дадатковай актывізацыі патрыятычнага выхавання на падмурку нацыянальна-культурных каштоўнасцей. Па сутнасці, памкненні апошніх дзесяцігоддзяў да глабалізацыі свету і мірнага суіснавання полікультурных асяродкаў церпяць паразу. Праблемы міграцыйнай палітыкі, існаванне нярэдка цалкам аўтаномных па нацыянальнай і рэлігійнай прыкмеце анклагаў (напрыклад, у шэрагу еўрапейскіх краін) не спрыяюць дзяржаўнай і грамадзянскай еднасці, становяцца прычынай міжнацыянальных і сацыяльных канфліктаў. Робіцца зразумелым, што без трывалага апірышча на нацыянальную ідэнтычнасць, усведамленне сябе “сынам свайго краю” немагчыма дасягненне згоды і еднасці ў грамадстве. У аснове патрыятычнага выхавання сучаснай беларускай моладзі такія складнікі, як мова, культура, традыцыйныя сямейныя каштоўнасці, нацыянальныя і рэлігійныя святы, тэрытарыяльная прыналежнасць (у тым ліку канцэпт “малой радзімы”).

Мэта нашага даследавання – вызначыць стаўленне студэнцкай моладзі да этнапедагагічных каштоўнасцей беларускага народа, узровень

сфарміраванасці нацыянальнай самасвядомасці і ідэнтычнасці, а таксама выпрацаваць практычныя рэкамендацыі па актывізацыі патрыятычнага выхавання ў студэнцкім асяродку.

Матэрыял і метады. У межах навукова-даследчага праекта БФФД “Развіццё нацыянальнай самасвядомасці студэнтаў ва ўмовах рэгіянальнай ВНУ: гісторыка-этнапедагагічны аспект”, які выконваецца на кафедры сацыяльна-педагагічнай работы факультэта сацыяльнай педагогікі і псіхалогіі ВДУ імя П. М. Машэрава, намі была праведзена комплексная дыягностыка ўзроўню сфарміраванасці нацыянальнай самасвядомасці студэнтаў факультэта шляхам прымянення шэрагу методаў: анкетавання, накіраванага на вызначэнне ступені нацыянальнай тоеснасці (усведамленне сябе прадстаўніком пэўнай нацыі), апытальніка, што дазваляў ацаніць адносіны сучаснага пакалення студэнтаў да базавых этнапедагагічных каштоўнасцей беларускага народа, закрыта-адкрытай анкеты на веданне гісторыі і культуры Беларусі, экспрэс-апытальніка Г. У. Салдатавай на вызначэнне індэкса талерантнасці.

Вынікі і іх абмеркаванне.

Вывучэнне нацыянальнай самасвядомасці павінна пачынацца з вызначэння самога паняцця “свядомасць”. Зыходзячы з дэфініцыі, прыведзенай у тлумачальным слоўніку беларускай мовы, самасвядомасць пераважна зводзіцца да разумення чалавекам самога сябе, сваёй ролі ў жыцці і ў грамадстве. Пры гэтым, чалавек, безумоўна, выступае не ў якасці пасіўнай адзінкі аб’ектыўнай рэальнасці, а ў якасці дзейнага, актыўнага суб’екта, які шмат у чым змяняе акаляючую рэчаіснасць, імкнецца прыўнесці сваё бачанне грамадскага быцця, свой набор аксіялагічных устаноў, поглядаў на свет і сваё месца ў ім. Даследаванне паняцця “самасвядомасць” бярэ пачатак яшчэ ў антычныя часы ў працах Сакрата і Платона, накіраваных на спасціжэнне прыроды і сутнасці чалавека, унутранага свету асобы. Старажытнагрэчаскія філосафы, па сутнасці, упершыню ў гісторыі еўрапейскага мыслення ўсвядомілі, што дасягненне гармоніі і дасканаласць чалавека заснаваны на ператварэнні яго душы. У Сярэднявеччы спасціжэнне чалавекам самога сябе пераважна зводзілася да спасціжэння Бога (напрыклад, Фама Аквінскі). У традыцыях філасофіі Новага Часу (у асноўным, рацыяналізму і эмпірызму) самасвядомасць трактуецца як асабісты вопыт, асабістае бачанне самога сябе праз псіхалагічны складнік і ўнутранае інтравертнае пагружэнне і саманазіранне (Р. Дэкарт, Дж. Лок, Д. Юм і інш.). Але асабістая ацэнка самога сябе не ўсім філосафам здавалася правільнай і аб’ектыўнай. У прыватнасці, І. Кант паставіў пад сумнеў пазнавальную чалавечую здольнасць у працэсе самапазнання. Філосаф зыходзіў са складанасці ўзгаднення пазнавальнай, маральнай і эстэтычнай сутнасцей духоўнага жыцця чалавека. У шэрагу выпадкаў самасвядомасць падмяняцца самасузіраннем і самаперажываннем (Э. Гусерль). Канец XIX стагоддзя вызначаецца бліскучымі адкрыццямі ў сферы псіхааналізу (З. Фрэйд,

І. Брэер), у выніку чаго паняцце самасвядомасць пачынае сутыкацца з рэшткамі індывідуальных бессвядомых уяўленняў. У сучаснай філасофскай трактоўцы праблема самасвядомасці страчвае сваю адносную аўтаномнасць, г.зн. зніжаецца значнасць асабістага, “аўтарскага” разумення самога сябе, а ўсё большае значэнне набывае “шлях да сябе”, заснаваны на сацыяльна значных узорах знешняга свету, усведамленне сябе ва ўсёй паўнаце і разнастайнасці грамадскіх і сацыяльных роляў. Іншымі словамі, чалавек усведамляе сябе больш у якасці адметнай асобы, чым звычайнага індывіда ў шэрагу аднастайных элементаў. Асабістая самасвядомасць шмат у чым пачынае дыктавацца знешняй свядомасцю, ды і самі паняцці “самасвядомасць” і “свядомасць” пачынаюць сціраць грань паміж сабой.

Нацыянальная свядомасць успрымаецца намі як набор ідэнтыфікацыйных рыс, якія вызначаюць нацыю, робяць яе адрознай ад іншых нацыянальных супольнасцей. У дадзены тэарэтычны канструкт намі ўключаюцца і тыповыя нацыянальныя перакананні, уяўленні, нацыянальна адметныя культурныя каноны, традыцыйныя выхаваўчыя мадэлі, скіраваныя на захаванне этнапедагагічных каштоўнасцей, пераемнасць пакаленняў, трывалае ўспрыманне аўтэнтычнасці і непаўторнасці сваёй нацыі, яе мовы, гісторыі і культуры. Нацыянальная свядомасць шмат у чым грунтуецца на больш вузкім паняцці “этнічнасць”, пад якім разумеюць “ўспрыняцце сябе ў якасці прадстаўніка этнічнай групы і ўсведамленне сваёй адметнасці; наяўнасць пераемнай сувязі паміж пакаленнямі сваякоў, што з’яўляецца асновай для развіцця этнічнасці; уяўленні аб радзіме, духоўных каштоўнасцях, ідэалах; іх рэтрансляцыі праз веданне і выкарыстанне этнапедагагічных сродкаў выхавання” [1, с. 81]. “Нацыянальная свядомасць” і “этнічнасць” – паняцці блізкія, але, на нашу думку, не тое, бо нацыя можа складацца з прадстаўнікоў розных этнасаў. І беларуская нацыя ў гэтым плане не выключэнне.

Даследаванне паказала, што пераважная большасць студэнтаў-рэспандэнтаў (89 %) ведаюць або часткова ведаюць народна-педагагічныя сродкі і метады выхавання, але пры гэтым толькі ў 19% апытаных сродкі і метады народнай педагогікі шырока прымяняліся пры іх асабістым выхаванні і толькі 32 % рэспандэнтаў у будучым адназначна гатовыя да выхавання сваіх дзяцей у адпаведнасці з народна-педагагічнымі традыцыямі і звычаямі беларускага народа, нягледзячы на тое, што амаль усе рэспандэнты (97 %) адзначылі, што цікавяцца традыцыямі і звычаямі беларускага народа. Ёсць падставы меркаваць, што ў гэтым выпадку назіраецца разыходжанне нацыянальнай самасвядомасці і нацыянальнай тоеснасці рэспандэнтаў, іншымі словамі, таго, што яны думаюць пра сваю нацыю ў цэлым і таго, як яны ўспрымаюць асабіста сябе ў якасці прадстаўніка гэтай нацыі, “прымяраючы” тыя або іншыя нацыянальна-культурныя каштоўнасці непасрэдна на сябе. У шырокім разуменні прысутнічае пэўны дысананс паміж свядомасцю і самасвядомасцю,

устаноўкі могуць не заўсёды супадаць з паводзінамі. Разам з тым, пры аналізе адносін студэнтаў да разнастайных этнакаштоўнасцей беларускага народа (праца, любоў да Радзімы, гонар за сваю сям’ю, міжпакаленняя сувязь, родная мова, усведамленне прыроды як часткі малой радзімы, гасціннасць, сумленнасць, спагада і інш.) выяўляецца выразная тэндэнцыя да больш істотнага ўспрымання іх студэнтамі ў якасці асабістых уласцівасцей (“характэрна для мяне”) ці значных у перспектыве (“неабходна будучым пакаленням”). Пры гэтым студэнты, як правіла, лічаць, што згаданыя вышэй каштоўнасці не ў поўнай меры ўласцівы сучаснаму грамадству (“характэрна для сучаснага соцыуму”).

Так, “прадстаўнікі любога этнасу ўсведамляюць сваю адметнасць у параўнанні з прадстаўнікамі іншых этнічных калектываў, і гэта ўсведамленне выяўляюць у непаўторных паводзінах (г.зн. светаўспрыманні і бачанні сябе, сваёй ролі ў гэтым свеце), у традыцыях і звычаях, і нарэшце, у легендах і паданнях, казках, прыказках і прымаўках, г.зн. у мове, якая ўяўляе сабой адну з праяў этнічнай арыгінальнасці” [2, с. 47]. Таму яскравым бачыцца стаўленне студэнтаў да такой нацыянальнай каштоўнасці, як родная мова. Больш за 90 % студэнтаў выказваюцца за значнасць роднай мовы падчас камунікацыі: 81 % з іх падкрэслівае значнасць роднай мовы ў грамадскіх стасунках, 11 % рэспандэнтаў размаўляюць на ёй з блізкім асяроддзем. Дададзім да гэтага і той факт, што ў 62 % выпадкаў студэнты аданілі даволі высокім балам неабходнасць ведання роднай мовы будучымі пакаленнямі. Цікавай таксама выяўляецца суаднесенасць моўнага і культурнага складнікаў у якасці прымет, на падставе якіх адбываецца атаясамліванне чалавека з нацыяй: крыху больш за палову рэспандэнтаў (51 %) лічаць веданне культуры свайго народа і любоў да яе галоўным чыннікам успрымання чалавека як прадстаўніка пэўнай нацыі, 41 % рэспандэнтаў выказаліся за раўназначна важнае значэнне моўных і культурных прымет у нацыянальным вызначэнні чалавека.

Анкета па гісторыі і культуры Беларусі была скіравана на праверку ведання студэнтамі знакавых нацыянальных “маркераў” беларусаў у сферы гісторыі, літаратуры, мастацтва, фальклору, народных свят і абрадаў, страў і г.д. Яе аналіз паказаў, што ўсе рэспандэнты без выключэння падтрымліваюць неабходнасць ведання гісторыі Беларусі, заяўляючы, напрыклад, што “без яе ведання страчваецца значнасць нацыі, паўтараюцца памылкі мінулага, забываюцца подзвігі памерлых”. Сярод найбольш вядомых беларускіх асветнікаў студэнты пераважна адзначаюць Е. Полацкую, К. Тураўскага, Ф. Скарыну, С. Буднага, С. Полацкага, сярод класікаў беларускай літаратуры к. XIX-пач. XX ст. згадваюць Я. Купалу, Я. Коласа, З. Бядулю, М. Багдановіча, В. Дуніна-Марцінкевіча, А. Пашкевіч (Цётка), сярод вядомых мастакоў Віцебскай школы – Ю. Пэна, К. Малевіча, М. Шагала, З. Азгура. Толькі 5 рэспандэнтаў (13 %) аказаліся не ў стане прывесці некалькі беларускіх прыказак (прымавак), народных казак, 3 рэспандэнты (8 %) не здолелі назваць вядомых беларускіх асветнікаў мінулага, 2 студэнты

(5,5 %) не ведалі, што менавіта М. Багдановіч пісаў пра слупкі паясы. Таксама ў 6 рэспандэнтаў (16 %) назіралася змяшэнне часавых межаў пры згадванні беларускіх пісьменнікаў к. XIX – пач. XX ст., калі да іх ліку былі аднесены, напрыклад, У. Караткевіч, Р. Барадулін, Н. Гілевіч, В. Быкаў, А. Куляшоў, І. Мележ і нават С. Будны. Разам з тым, студэнты прывялі досыць шырокі спектр народных святаў і абрадаў (Масленіца, Каляды, Купалле, Дзяды і інш.), нацыянальных беларускіх страў (дранікі, калдуны, бабка, клёцкі, верашчака і інш.).

Заклучэнне. Даследаванне паказала, што студэнтам факультэта ўласцівы даволі высокі ўзровень нацыянальнай самасвядомасці і ідэнтычнасці ў кантэксце ведаў і ўстановак, але далёка не заўсёды яны пераходзяць на ўзровень асабістых паводзін. Лічу, у вучэбных праграмах ВНУ быў бы карысным спецыялізаваны курс, які б уключаў гістарычны, лінгвістычны, літаратуразнаўчы, этнапедагагічны і валеалагічны вучэбныя і этнакультурныя кампаненты.

Спіс выкарыстаных крыніц:

1. Міхайлава, А. Л. Дыягнаставанне ступені этнічнасці будучых спецыялістаў сацыяльнай сферы як перадумовы іх паспяховай прафесійнай дзейнасці (на прыкладзе Віцебскага рэгіёна) / А. Л. Міхайлава // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П. М. Машэрава. – 2018. – № 4. – С. 79–84. – Рэжым доступу: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/17362>. Дата доступу: 16.09.2024.

2. Міхайлава, А. Л. Этнапедагагічная падрыхтоўка спецыялістаў сацыяльнай сферы ва ўмовах полікультурнага соцыуму: тэарэтыка-метадалагічны аспект : манаграфія / А. Л. Міхайлава. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2018. – 157 с. – Рэжым доступу: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/17417>. Дата доступу: 16.09.2024.

Исследование по теме «Формирование национального самосознания студентов в условиях регионального вуза: историко-этнопедагогический аспект» проводится в рамках поддержки БРФФИ (договор № Г23ИП-017 от 02.05.2023 г.).

УДК 316.647.5:323.11:159.923.2:172.15

ЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Т. В. Савицкая

Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова

(e-mail: statv2017@yandex.by)

Аннотация. Этническая толерантность в статье рассматривается как составляющая национального самосознания, как средство, способствующее духовному самосовершенствованию личности. Формирование этнической

толерантности раскрывается как важное направление воспитательной работы учреждения высшего образования. Представлены результаты диагностики толерантности, этнической толерантности студенческой молодёжи.

Ключевые слова: толерантность, этническая толерантность, национальное самосознание, молодёжь, студенческая молодёжь.

ETHNIC TOLERANCE AS A COMPONENT OF NATIONAL SELF-AWARENESS

T. V. Savitskaya

Vitebsk, VSU named after P. M. Masherov

(e-mail: statv2017@yandex.by)

Abstract. Ethnic tolerance is considered in the article as a component of national self-consciousness, as a means that contributes to the spiritual self-improvement of personality. Formation of ethnic tolerance is revealed as an important direction of educational work of higher educational institution. The results of diagnostics of tolerance, ethnic tolerance of student youth are presented.

Key words: tolerance, ethnic tolerance, national consciousness, youth, student youth.

Под национальным самосознанием нами рассматривается осознание своей национальной принадлежности, основанное на знаниях и представлениях об истории, культуре, религии (верованиях), традициях, территории, языке, устремлениях своего народа, определяющее стремление и потребность личности в сохранении, укреплении и отстаивании национальных ценностей, развитии национальной культуры, формирующее чувство гордости, уважения, ценностное отношение к своему народу, национальному достоянию, культуру межнациональных отношений с опорой на толерантность, национальные и общечеловеческие ценности, представления об особенностях культуры другого народа. Таким образом, толерантность является составляющей национального самосознания [1].

В современном мире толерантность рассматривается как необходимое условие сохранения мира, выстраивания конструктивных взаимоотношений, профилактики экстремизма. Сегодня особенности развития общества (например, глобализация, гуманизация) актуализируют исследования различных аспектов толерантности: этнической толерантности, социальной, толерантности к лицам с особенностями психофизического развития и др. Исследователи (В. П. Тарантей, С. А. Сергейко, Л. М. Тарантей, С. В. Донских, И. Н. Кавинкина, В. А. Кривошеев) среди сложившихся в период Великого княжества Литовского ментальных черт белорусов на первое место ставят «религиозную и этническую терпимость – толерантность» [2]. Проблема формирования этнической толерантности приобрета-

ет в условиях построения поликультурного общества особую значимость. Актуальными представляются вопросы формирования толерантности, в том числе этнической толерантности студенческой молодёжи [3]. Такие социально-культурные институты, как учреждения высшего образования, обладают богатым потенциалом в организации деятельности по формированию этнической толерантности молодежи, используя в работе разнообразные ресурсы (учебно-методическое оснащение образовательного процесса, взаимодействие с социальными институтами в процессе создания единого образовательного, культурного пространства и др.) [4].

Материал и методы. Материалом для исследования послужили труды ученых по проблеме формирования национального самосознания, толерантности. С целью изучения этнической толерантности студенческой молодёжи нами было проведено исследование с использованием экспресс-опросника «Индекс толерантности» (Г. У. Солдатов, О. А. Кравцова, О. Е. Хухлаев, Л. А. Шайгерова) (адаптированный вариант) и анкеты «Толерантность» (авторская разработка).

Результаты и их обсуждение.

В исследовании с использованием экспресс-опросника «Индекс толерантности» приняли участие 160 студентов. В экспресс-опроснике было модифицировано одно из утверждений как наиболее соответствующее современной социокультурной ситуации. Поскольку для восприятия современной молодёжи установки, отраженные в одном из утверждений, не характерны, поэтому данное утверждение мы посчитали для них недостаточно понятным и предложили альтернативное утверждение, исключаящее акцент на конкретной национальности.

Исследование показало, что подавляющему большинству студенческой молодёжи (86,25 %) присущ средний уровень толерантности, характеризующийся сочетанием как толерантных, так и интолерантных черт, в зависимости от конкретной социальной ситуации (рис. 1). Для остальных респондентов (13,75 %) характерен высокий уровень толерантности, т.е. данные студенты обладают выраженными чертами толерантной личности.

Рисунок 1 – Уровни толерантности студенческой молодёжи (Экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Г. У. Солдатов, О. А. Кравцова, О. Е. Хухлаев, Л. А. Шайгерова))

Проведем качественный анализ полученных результатов по субшкалам (рис. 2). Так как по субшкалам «этническая толерантность» и «толерантность как черта личности» максимальное количество баллов составляет 42 балла, то мы определили низкий уровень в диапазоне 0–14 баллов, средний – 15–28 баллов, высокий – 29–42 балла. По субшкале «социальная толерантность» максимальное количество баллов составляет 48 баллов, соответственно низкий уровень – 0–16 баллов, средний – 17–32 балла, высокий – 33–48 балла.

Анализ полученных результатов по субшкале «Толерантность как черта личности» (субшкала говорит о чертах личности, ее установках, убеждениях, отношении к окружающему миру) показал высокий уровень у 55,6 % респондентов, средний – у 44,4 % респондентов. Субшкала «социальная толерантность» раскрывает отношение респондента к различным социальным группам, что особенно значимо для студентов – будущих специалистов в области социальной и образовательной сфер, чья профессиональная деятельность во многом связана с умениями выстраивать взаимоотношения с человеком любого социального статуса, материального благосостояния, мировоззрения, жизненной позиции, возраста, состояния здоровья и т.д. Высоким уровнем социальной толерантности обладают 18,75 % студентов, средним – 80 % и низкий уровень выявлен у 1,25 % опрошенных. Этническая толерантность показывает отношение человека к представителям других этнических групп и является важной составляющей национального самосознания. Высокий уровень этнической толерантности наблюдается у 58,75 % респондентов, средний – у 41,25 %.

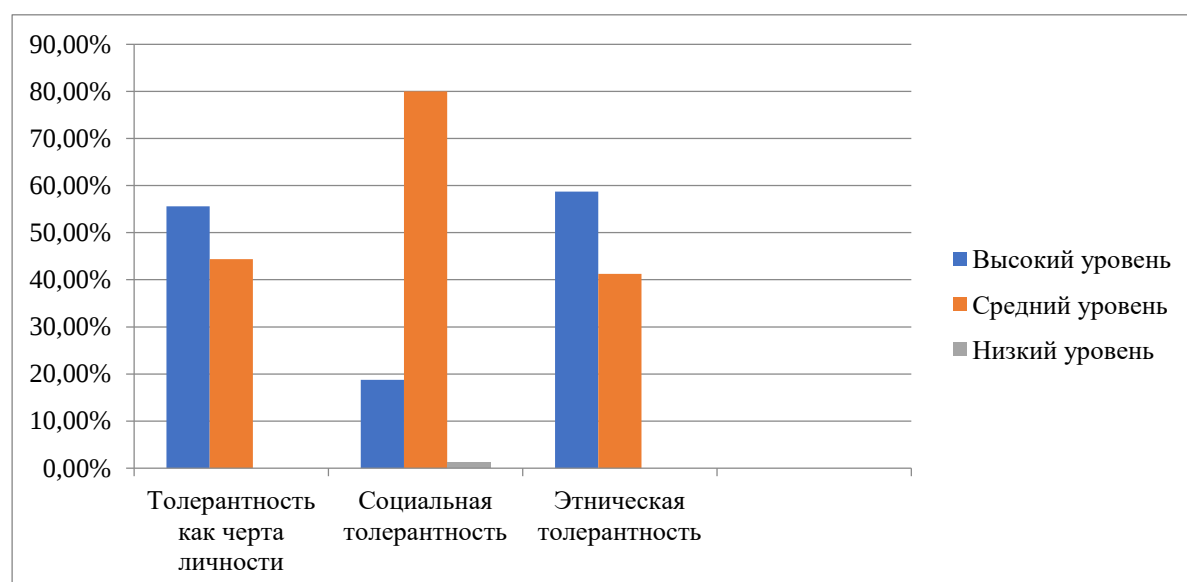

Рисунок 2 – Анализ аспектов толерантности студенческой молодёжи по субшкалам (Экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Г. У. Солдатов, О. А. Кравцова, О. Е. Хухлаев, Л. А. Шайгерова)

Заключение. Таким образом, толерантность нами рассматривается как важная составляющая национального самосознания человека. Толерантность студентов, в особенности будущих специалистов в сфере профессий «человек – человек», мы рассматриваем как личностно, социально и профессионально значимое качество. Толерантность противопоставляется агрессии, насилию и предусматривает, прежде всего, уважение к другой культуре, национальности, вероисповеданию, точке зрения. Для подавляющего большинства опрошенных студентов характерен средний уровень толерантности. Более чем у половины респондентов толерантность как черта личности сформирована на высоком уровне. Большинство студентов демонстрируют социальную толерантность на среднем уровне, только два респондента показали низкий уровень социальной толерантности. Значительная часть студентов проявляет этническую толерантность на высоком уровне. Формирование этнической толерантности молодёжи в условиях развития поликультурного общества, многонационального контингента студентов является важным направлением воспитательной работы высшего учебного заведения.

Исследование по теме «Формирование национального самосознания студентов в условиях регионального вуза: историко-этнопедагогический аспект» проводится в рамках поддержки БРФФИ (договор № Г23ИП-017 от 02.05.2023 г.).

Список использованных источников:

1. Профессиональная подготовка специалистов социальной сферы: традиции и инновации : монография / Н. Ю. Андрущенко [и др.] ; под ред. Е. Л. Михайловой ; М-во образования Республики Беларусь, Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова». – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2024. – С. 64. – URI: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/43497>.
2. Трансляция белорусской культуры между поколениями в Республике Беларусь : монография / В. П. Тарантей [и др.] ; под науч. ред. В. П. Тарантея. – Гродно: ГУО «Гродненский областной институт развития образования», 2018. – 208 с.
3. Михайлова, Е. Л. Формирование толерантности молодёжи: проблемы и перспективы / Е. Л. Михайлова, Т. В. Савицкая, Н. Э. Шабанова // Наука, личность, образование в эпоху перемен : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Петрозаводск, 11 сентября 2023 г. – Петрозаводск : Новая Наука, 2023. – С. 14–18.
4. Савицкая, Т. В. Взаимодействие учреждений высшего образования с социальными институтами в организации работы по формированию национального самосознания молодежи / Т. В. Савицкая // Наука - образованию, производству, экономике [Электронный ресурс] : материалы 76-й Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 1 марта 2024 г. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2024. – С. 346-348. – URI: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/42114>.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В НАУКЕ

О. В. Ховайло

Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова

(e-mail: oksanakhovailo@mail.ru)

Аннотация. В статье рассматривается понятие «профессиональная идентичность» в науке. Материалом послужили работы известных ученых, непосредственно раскрывающие идеи заявленной проблемы. Использованы теоретические методы научного исследования: анализ и синтез. Идентичность есть результат активного процесса личности, отражающий представления о себе, а не навязанном пути развития, сопровождающийся ощущением личностной и профессиональной определенности.

Ключевые слова: наука, идентичность личности, отношение к профессии и труду, студенты.

PROFESSIONAL IDENTITY IN SCIENCE

O. V. Khovailo

Vitebsk, VSU named after P. M. Masherov

(e-mail: oksanakhovailo@mail.ru)

Abstract. The article discusses the concept of "professional identity" to science. The material was the work of famous scientists, directly revealing the ideas of the stated problem. The theoretical methods of scientific research are used: analysis and synthesis. Identity is the result of an active personality process that reflects self-image, rather than an imposed path of development, accompanied by a sense of personal and professional certainty.

Keywords: science, personal identity, attitude to profession and work, students.

Для современного общества характерны интенсивные изменения, а также появление на рынке труда множества новых профессий. Это связано с экономическими, политическими, социальными и информационными переменами, которые происходят в мире. Поэтому так важно в период быстро изменяющихся нужд человека выбрать ту профессию, которая не только будет радовать человека и приносить доход, но и также будет актуальна на протяжении долгого времени. В многообразии выбора многие молодые люди не могут четко определиться со сферой своей будущей профессиональной деятельности. Даже обучаясь определенной специальности, большинство студентов не могут с уверенностью сказать, что после окончания

обучения они будут работать по полученной специальности. Профессиональное развитие невозможно без главного критерия, а именно, профессиональной идентичности.

Материал и методы. Материалом послужили работы известных ученых-психологов, непосредственно раскрывающие идеи заявленной проблемы. Библиографический список, представленный в научной электронной библиотеке диссертаций и рефератов (DisserCat – электронная библиотека диссертаций), обработан и интерпретирован с помощью сравнения и обобщения информации, находящейся в представленных источниках для получения более четкого представления о проблеме. Использованы теоретические методы научного психологического исследования: анализ и синтез, моделирование.

Результаты и их обсуждение.

Основой для раскрытия насущной проблемы послужили материалы известных ученых-психологов, как отечественных, так и зарубежных. Применены теоретические методы научного психологического исследования: анализ и синтез, моделирование. Методы применялись в системе, но выбор каждого из них зависел от качества выполнения конкретных задач. Качество исполнения зависит от многих факторов, но главное в этой системе выявлять те из них, которые впоследствии будут использованы в работе. Таких факторов можно выделить три: во-первых, это соответствие уровня требований и теоретических разработок; во-вторых, это способность эффективного поведения в тех областях, где предлагалось решаемое действие; в-третьих – соответствие практического и научного мастерства различных поколений советских и зарубежных ученых, которые, в свою очередь, тоже внесли значимый вклад в этот процесс. Многие знаменитые психологи XX века за рубежом занимались изучением профессиональной идентичности, среди них зарубежные: У. Джеймс [1], Э. Эриксон [2], – и отечественные: Л. Б. Шнейдер [3; 4], Э. Ф. Зеер [5], Ю. П. Поварёнков [6; 7], Е. А. Климов [8].

Толкование термина «профессиональная идентичность» началось с упоминания Э. Эриксона (в переводе с английского языка «identification» означает «отождествление», «узнавание», «опознание»), который определил идентичность «как внутреннюю непрерывность и тождественность личности, как важнейшую характеристику ее целостности и зрелости, как интеграцию переживаний человеком своей неразрывной связи, отождествления себя с определенными социальными группами» [2]. Также Ч. Кули совместно с Дж. Мидом при рассмотрении «идентичности» используют термин «самость» (self) и рассматривают как результат социальной интеграции [цит. по: 3].

Профессиональная идентичность – это сложная система представлений о мире профессий и о себе как о профессионале в конкретной сфере деятельности. Сформированность профессиональной идентичности, ее гибкость и адекватность являются условием успешной реализации субъек-

та труда в своей профессии, она выступает индикатором и регулятором во взаимоотношениях профессионала с его профессией, обществом и самим собой [9; 10; 11].

Профессиональная идентичность – психологическая категория, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной профессии и определенному профессиональному обществу. Также профессиональная идентичность – совокупность ситуаций свободного выбора самовыражения и ответственного выбора по овладению смыслами профессионального мастерства.

Дж. Мид впервые выделяет проблему влияния культуры на становление личности и утверждает, что социальная структура субъективна и зависит от окружающих личных символов. Получается, что в определении идентичности человека входят не только его личностные характеристики, но и характеристики его окружения. Поведение человека осуществляется в «символической коммуникации». Кроме того, Дж. Мид определяет самосознание как процесс, в основе которого лежит практическое взаимодействие с другими людьми. Средства взаимодействия обеспечиваются символами.

Кроме У. Джемса и Дж. Мида проблему идентичности в своих работах затрагивал и З. Фрейд. Напрямую он не использовал понятие идентичности, а ввел в науку другое – термин «идентификация» и описал ее механизм, связанный с формированием личности. По мнению психолога, структура личности состоит из трех элементов: «Ид», «Эго» и «Суперэго». По З. Фрейду, посредством идентификации формируется «Суперэго», представляющее в человеке социальные нормы, отвечающее за его интеграцию в общество и служащее моральным регулятором его поведения. Идентичность – это частный внутренний мир, эмоциональная сила человека. Согласно З. Фрейду, идентификация является группообразующим фактором, помогающим человеку выйти за пределы своего «Я» и прочувствовать переживания других людей. В результате идентификации формируется идентичность. Важнейшими агентами влияния на ее формирование оказывают родители. Распространение термина «идентичность» и его применение связано с именем Э. Эриксона. Именно он сформировал понятие личностной идентичности как самотождественности личности и внутренней непрерывности, развивающейся на протяжении всех жизненных этапов человека, а также определил идентичность «как внутреннюю непрерывность и тождественность личности, как важнейшую характеристику ее целостности и зрелости, как интеграцию переживаний человеком своей неразрывной связи, отождествления себя с определенными социальными группами» [2].

Также изучением профессиональной идентичности занимается Л.Б. Шнейдер, определяя данный термин как «психологическую категорию, относящуюся к осознанию своей принадлежности к определенной профессии и определенному профессиональному сообществу» [3]. Также ученый считает, что профессиональная идентичность «самореференция уникальности функционального и экзистенциального «Я» в его професси-

ональном служении и неповторимости личностных и профессиональных свойств, при наличии принадлежности социальной и профессиональной реальности» [4]. В структуру профессиональной идентичности включаются смыслы и хронотропы (основа самоопределения и самоорганизации), прототипы (основа персонализации), ценности (основа образа «Я»). Содержательный же аспект структуры про идентичности выражается в тождественности, определённости и целостности личности.

По аналогии с взглядами Дж. Марсия, Л. Б. Шнейдер выделяет статусы (виды) профессиональной идентичности: достигнутая (позитивная), мораторий, преждевременная, диффузная (размытая) идентичность. Она выделяет пятый тип идентичности – псевдоидентичность, под которой подразумевает «стабильное отрицание своей уникальности или, напротив, её амбициозное подчёркивание с переходом в стереотипию, а также нарушение механизмов идентификации и обособления в сторону гипертрофированности, нарушения временной связи жизни, ригидность «Я-концепции», болезненное неприятие критики в свой адрес, низкая рефлексия» [3; 4]. Л. Б. Шнейдер выделяет шесть таких статусов:

1. Достигнутая идентичность. В нашем понимании – это статус идентичности, которым обладает человек, сформировавший определенную совокупность личностно значимых для него целей, ценностей и убеждений, переживающий их как личностно значимые, обеспечивающие ему чувство направленности и осмысленности жизни. Репрезентацией достигнутой идентичности является позитивное самоотношение при положительном оценивании собственных качеств и стабильной связи с социумом, а также полной координации механизмов идентификации и обособления.

2. Позитивная (зрелая) достигнутая идентичность. Ее критериями являются: представление о том, что личность, характер и деятельность способны вызвать в других уважение, симпатию, одобрение и понимание; ощущение ценности собственной личности и, одновременно, предполагаемая ценность своего «Я» для других; высокая самооценка и энергетика, уверенность в себе при высокой внутренней напряженности; желание соответствовать идеальному представлению о себе; повышенная рефлексия, осознание своих трудностей; определенность жизненной ситуации; высокая событийность и общительность, что объясняется загруженностью жизни и озабоченностью повседневными делами; ориентация на других и их значимость.

3. Мораторий, рассматриваемый нами как статус идентичности, при котором человек находится в состоянии кризиса идентичности и активно пытается разрешить его, пробуя различные варианты. Так, «мораторий» обычно предполагает высокий, а «преждевременная идентичность» – низкий уровень тревожности. Для более высоких уровней идентичности характерно более высокое самоуважение. Непосредственных связей между уровнем идентичности и интеллектом не выявлено, но установлены значимые различия в стиле мышления. «Диффузной идентичности» и «прежде-

временной идентичности» соответствует меньшая интеллектуальная самостоятельность, особенно при решении сложных задач в стрессовых ситуациях; представители первого типа в таких случаях чувствуют себя скованными, а второго – пытаются выйти из игры. «Мораторий» и «зрелая идентичность» сочетаются с более сложными и дифференцированными культурными интересами, более развитой рефлексией.

4. Преждевременная идентичность. Она дает самые высокие показатели по авторитарности и самые низкие – по самостоятельности. Преждевременная идентичность возникает в тех случаях, когда человек вообще не делал независимых жизненных выборов, идентичность не осознается, скорее это вариант навязанной идентичности.

5. Диффузная идентичность – это статус идентичности, при котором не имеется прочных целей, ценностей и убеждений, и попыток их активно сформировать. Человек с «диффузной идентичностью» может вступить в стадию «моратория» и затем перейти к «зрелой идентичности». Но он может также навсегда остаться на уровне «преждевременной идентичности», отказавшись от активного выбора и самоопределения, или пойти по пути диффузии.

6. Псевдоидентичность – стабильное отрицание своей уникальности или, напротив, ее амбициозное подчеркивание с переходом в стереотипию, а также нарушение механизмов идентификации и обособления в сторону гипертрофированности, нарушение временной связности жизни, ригидность Я-концепции, болезненное неприятие критики в свой адрес, низкая рефлексия. В некоторых случаях псевдоидентичность можно трактовать как гиперидентичность вследствие тотального поглощения статусом, ролью, работой, другим объектом или субъектом, при высоко положительном оценивании собственных качеств и нарушении доверительных, гибких связей с социумом, стремлении достичь цели любыми средствами.

Рассматривая определения понятия «профессиональная идентичность», данные разными авторами, можно сказать, что их утверждения схожи, так как присутствует схожесть во мнениях, что профессиональная идентичность есть осознанная индивидом его принадлежность к профессиональному сообществу по уровню образования, профессиональным компетенциям и профессиональной культуре, а также включенности в профессиональную группу [9; 10; 11].

Заключение. В ходе анализа отечественных и зарубежных научных подходов к определению профессиональной идентичности можно сделать следующие выводы:

1. Исследование профессиональной идентичности начало развиваться более широко в XX веке. Можно считать, что профессиональная идентичность есть неотъемлемая часть становления профессионала. Сформированная профессиональная идентичность является важной опорой для понимания своего профессионального и личного опыта.

2. Развитие профессиональной идентичности – это ключевой фактор, который оказывает влияние на личность будущего специалиста и, возможно, на все общество. Вместе с тем, личные убеждения и значимые аспекты играют важную роль, формируя отношение человека к его профессии. Но не стоит забывать и о социальной составляющей этого процесса. Понимание ценностей и общепринятых представлений в профессиональном сообществе также определяет, как человек воспринимает себя в профессии, что делает эту тему еще интереснее.

Таким образом, мы считаем, что целесообразно заниматься изучением профессиональной идентичности для наилучшего становления профессионалов и их личностного роста в будущем. Суть профессиональной идентичности заключается в способности самостоятельно выбирать свой профессиональный путь и ответственно подходить к трудностям, которые встречаются на пути профессионального становления.

Список использованных источников:

1. Джеймс, У. Психология / У. Джеймс [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/1268888/>. Дата доступа: 03.02.2021.
2. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис : пер. с англ. / Э. Эриксон ; ред. и авт. предисл. А. В. Толстых. – 2-е изд. – М. : Флинта : МПСИ : Прогресс, 2006. – 352 с.
3. Шнейдер, Л. Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики / Л. Б. Шнейдер. – М. : Моск. психолого-социальный ин-т, 2007. – 128 с.
4. Шнейдер, Л. Б. Профессиональная идентичность: теория, эксперимент, тренинг: учеб. пособие / Л. Б. Шнейдер. – М. : Моск. психолого-социальный ин-т, 2004. – 600 с.
5. Зеер, Э. Ф. Психология профессий : учеб. пособие для студ. вузов / Э. Ф. Зеер. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2003. – 336 с.
6. Поваренков, Ю. П. Психологическая характеристика профессиональной идентичности. Кризис идентичности и проблемы становления гражданского общества / Ю. П. Поваренков // Сборник научных трудов. – Ярославль : ЯГПУ, 2003. – С. 154–163.
7. Поваренков, Ю. П. Психологическое содержание профессиональной идентичности / Ю. П. Поваренков [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-soderzhanie-professionalnoy-identichnosti>. Дата доступа: 09.02.2021.
8. Климов, Е. А. Психология профессионала / Е. А. Климов [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.academia-moscow.ru/ftp_share/_books/fragments/fragment_21192.pdf. Дата доступа: 08.02.2021.
9. Ховайло, О. В. Профессиональная идентичность будущих ветеринарных врачей / О. В. Ховайло [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://repo.vsavm.by/bitstream/123456789/18143/1/k-2021-17-6.pdf>. Дата доступа: 10.03.2022.
10. Косаревская, Т. Е. Профессиональная идентичность будущих специалистов профессий помогающего типа / Т. Е. Косаревская, О. В. Ховайло [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lib.vsu.by/xmlui/handle/123456789/26579>. Дата доступа: 04.04.2021.
11. Ховайло, О. В. Профессиональная идентичность будущих специалистов профессий помогающего типа / О. В. Ховайло, Т. Е. Косаревская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lib.vsu.by/xmlui/handle/123456789/26579>. – Дата доступа: 04.04.2021.

СЕКЦИЯ 3. ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУБЪЕКТОВ СОЦИАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ И ПУТИ ИХ ОПТИМИЗАЦИИ

УДК 373.2

ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАНИЯ ОСНОВ ПАТРИОТИЗМА У ВОСПИТАННИКОВ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В ПРОЦЕССЕ ОЗНАКОМЛЕНИЯ С ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Н. В. Амасович

Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова
(e-mail: amnatval@gmail.com)

Аннотация. Формирование основ патриотизма у детей старшего дошкольного возраста имеет огромное значение, так как в этом возрасте формируются основные ценности и убеждения, которые будут сопровождать ребенка на протяжении всей жизни. В материалах обращено внимание на важность включения исторического материала о Великой Отечественной войне в образовательный процесс учреждений дошкольного образования с целью привить чувство гордости за свою страну и понимание важности сохранения мира.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, патриотизм, Родина, героизм, художественная литература.

PECULIARITIES OF EDUCATION OF THE BASICS OF PATRIOTISM IN PUPILS OF SENIOR PRESCHOOL AGE IN THE PROCESS OF FAMILIARISATION WITH FICTION ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR

N.V. Amasovich

Vitebsk, VSU named after P. M. Masherov
(e-mail: amnatval@gmail.com)

Abstract. Formation of the basics of patriotism in children of the senior preschool age is of great importance, as at this age the basic values and beliefs that will accompany the child throughout his/her life are formed. The materials draw attention to the importance of including historical material about the Great Patriotic War in the educational process of preschool educational institutions in

order to instil a sense of pride for their country and understanding of the importance of preserving peace.

Key words: patriotic education, patriotism, Motherland, heroism, fiction.

Глобальные события, произошедшие в мировом пространстве в последний период, определили новые проблемы, связанные с воспитанием детей, обусловили переосмысление сущности патриотического воспитания, его места и роли в общественной жизни.

Решение вопроса воспитания патриотических качеств у детей требовало новой идеологической составляющей в образовательной деятельности учреждений дошкольной ступени. Идея воспитания патриотизма и гражданственности выходит на государственный уровень, поэтому имеет место во многих документах по дошкольному образованию Республики Беларусь. Так, в пояснительной записке Учебной программы по дошкольному образованию в направлении «Социально-нравственное и личностное развитие» предполагается формирование у ребенка первоначальных представлений о мире и родном крае, отношения к ним, воспитание нравственности, патриотических чувств, трудолюбия, приобщение к общечеловеческим ценностям, национальным культурным традициям, сопричастности к современным событиям [1]. В образовательном стандарте дошкольного образования в разделе «Общие положения», отмечается, что «...основными составляющими процесса воспитания являются: гражданское и патриотическое воспитание (приобретение первоначальных знаний о своей семье, родном крае, стране, государственных символах, известных людях, воспитание уважительного отношения к героическому прошлому своего народа, ценностного отношения к жизни и миру, уважения к защитникам Отечества, к памяти погибших воинов, чувства гордости за достижения своей страны (например, спортивные, культурные)» [2].

Актуальным в связи с этим является тезис о том, что образовательный процесс необходимо начинать в дошкольном возрасте, который наиболее сензитивен для формирования культурно-ценностных ориентаций в духовно-нравственной основе личности ребенка, развития его эмоций, чувств, мышления, механизмов социальной адаптации в обществе. Именно данный возрастной отрезок связан с началом национально-культурной самоидентификации, осознания себя в окружающем мире. Кроме того, в период дошкольного детства образы восприятия действительности, культурного пространства очень яркие и сильны и поэтому они остаются в памяти надолго, а иногда и на всю жизнь, что очень важно в воспитании патриотизма.

В то же время следует отметить, что в Республике Беларусь создано и с успехом апробируется направление формирования гражданина, патриота. А педагоги-практики с успехом внедряют его во взаимодействие с детьми.

Одним из средств формирования патриотических качеств в период дошкольного детства является художественная литература о Великой Отечественной войне.

В основу своей работы мы положили следующие положения: доминирующем в процессе воспитания патриотических качеств является нравственная составляющая; приоритетными выступают принципы обращения к региональному культурно-историческому прошлому, повышение степени вовлеченности в окружающий социум; опора на эмоционально-чувственную сферу ребенка.

Материал и методы. Основными методами исследования стали: контент-анализ эмпирических данных, анализ противоречий в современном образовательном пространстве, изучение и обобщение регионального подхода в патриотическом воспитании старших дошкольников, создание воспитывающих ситуаций, наблюдение, опросные методы. Значительное место занимала опытно-экспериментальная работа.

Результаты и их обсуждение.

В процессе опытно-экспериментальной работы апробировались отдельные элементы модели патриотического воспитания старших дошкольников средствами художественной литературы о Великой Отечественной войне, и создавалось её методическое обеспечение.

Хорошо подобранные повести, рассказы и стихотворения позволяют воспитывать сознание того, что мужество, проявленное в боях при защите Родины, присуще людям только высокого долга, настоящим патриотам своей страны. Во время прослушивания отрывков из литературных произведений воспитанники сопереживают героям, впервые осознают всю жестокость и беспощадность войны по отношению к простому народу.

Основываясь на работах О. И. Соловьевой, В. М. Федяевской, Н. С. Карпинской, Л. М. Гурович, нами были разработаны примерные критерии отбора художественных текстов патриотической направленности для старших дошкольников [3]. В данный ряд вошли произведения:

1. Барто Агния «Звенигород».
2. Благинина Елена «Шинель».
3. Богданов Николай «Солдатская каша».
4. Гайдар Аркадий «Сказка о Военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твёрдом слове».
5. Георгиев Сергей «Музик».
6. Герман Юрий «Вот как это было».
7. Драгунский Виктор «Арбузный переулочек».
8. Збанацкий Юрий «Сластёнка».
9. Кассиль Лев «Обыкновенные ребята».
10. Митяев Анатолий «Письмо с фронта».
11. Осеева Валентина «Андрейка».
12. Соколов Леонид «Батальон четверых».
13. Черкашин Геннадий «Кукла».

14. Шишов Александр «Лесная девочка».

15. Яковлев Юрий «Как Сережа на войну ходил»; «Семеро солдатиков»; «Пусть стоит старый солдат».

Критериями отбора данного литературного ряда стали: а) идейная направленность произведения; б) литературная ценность, художественное мастерство; в) доступность литературного произведения, соответствие возрастным и психологическим особенностям воспитанников; г) сюжетная занимательность, простота и ясность композиции [4].

Эти литературные истории помогают детям понять, что даже в самых сложных условиях можно найти силы и смелость действовать. Кроме того, такие рассказы и повести способствуют наиболее эффективному формированию уважения к истории своей страны и наполняют их моральными уроками о дружбе, мужестве, сострадании и преодолении трудностей.

Большое значение имеет выбор правильного направления работы над произведением. Важным является определение воспитательной цели и тех задач, которые должны быть реализованы. Например, перед чтением произведения о Великой Отечественной войне, педагог ставит перед собой цель вызвать у воспитанников уважение к людям, отстоявшим Беларусь в годы сражений. Представления о героических свершениях возникают у детей на основе ярких конкретных образов, поэтому нужно отметить важность иллюстративной наглядности. Использование иллюстраций при прочтении произведения позволяет дошкольникам ярко представить образ солдата. В результате в сознании ребенка складывается обобщенный образ солдата – истинного патриота, готового в любую минуту прийти на помощь своему народу. Очень важно, чтобы дети осознали, в чем проявляется героизм, поняли, во имя чего совершались героические действия.

Так как воспитанники получают представления о событиях, происходящих в годы Великой Отечественной войны, и, соответственно, далеких от их опыта, педагог может продумывать методы и приемы, которые должно подготовить детей к восприятию художественных произведений, раскрывающих эти события. С этой целью следует использовать беседу перед чтением произведения. Таким же важным моментом является беседа после прочтения произведения, которая помогает детям выразить свои мысли и чувства на основе прочитанного текста. Беседа служит, прежде всего, средством уточнения и систематизации полученной в процессе чтения (слушания) художественного произведения. Ценность использования беседы заключается в том, что, когда воспитанник отвечает на вопросы педагога, он учится логически мыслить и анализировать, переходя от конкретного мышления к более абстрактному уровню. Беседа способствует активизации памяти, помогает освоению метода сравнения, развивает умение анализировать и синтезировать информацию.

Заключение. Исследование проблемы патриотического воспитания старших дошкольников средствами литературы нуждается в дальнейшем изучении и представляется перспективным направлением в части разра-

ботки мониторинга влияния художественной деятельности на процесс патриотического воспитания школьников.

Список использованных источников:

1. Учебная программа дошкольного образования (для учреждений дошкольного образования с русским языком обучения и воспитания) / М-во образования Респ. Беларусь. – Минск: ННО, 2022. – 479 с.
2. Образовательный стандарт дошкольного образования (утв. постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 04.08.2022 № 228) [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://adu.by/images/2022/08/standart-doshkol-obraz.pdf>. – Дата доступа : 29.09.2024.
3. Голубец, О. Патриотическое воспитание дошкольников / О. Голубец, М. Жиличина // Дошкольное воспитание. – 2020. – № 2. – С. 14–23.
4. Григорьева, Ю.С. Роль художественной литературы в патриотическом воспитании детей дошкольного возраста / Ю.С. Григорьева, Е.В. Шаронова // Пермский педагогический журнал. – 2016. – № 8. – С. 64–67.

УДК 364.4.-053.9:613.98

АКТИВНОЕ ДОЛГОЛЕТИЕ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ

Т. Д. Вакушенко

Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова
(e-mail: vakushenka@gmail.com)

Аннотация. В условиях увеличения доли пожилых людей в стране фокус внимания смещается в сторону исследования феномена активного долголетия. Применение анкетирования дает возможность учитывать индивидуальные ценности, установки граждан относительно продолжительности собственной жизни, мотивы долголетия, барьеры, препятствующие долголетию, а также индивидуальные поведенческие практики активного долголетия, что крайне важно для разработки профильных программ.

Цель статьи заключается в изучении представлений населения о долголетье и старении.

Ключевые слова: старение населения, активное долголетие, мотивы, барьеры, здоровьесберегательное поведение

ACTIVE LONGEVITY IN THE PERCEPTIONS OF THE POPULATION

T. D. Vakushenko

Vitebsk, VSU named after P. M. Masherov
(e-mail: vakushenka@gmail.com)

Abstract. In the context of an increasing proportion of elderly people in the country, the focus of attention is shifting towards studying the phenomenon of active longevity. The use of questionnaires makes it possible to take into

account individual values, citizens' attitudes regarding their own life expectancy, motives for longevity, barriers to longevity, as well as individual behavioral practices of active longevity, which is extremely important for the development of specialized programs.

The purpose of the article is to study the population's views on longevity and aging.

Keywords: population aging, active longevity, motives, barriers, health-preserving behavior

Старение населения является одной из ключевых демографических тенденций в Республике Беларусь. В Витебской области проживает 261 тысяча граждан, достигших пенсионного возраста, что составляет 25 % от населения области. Прогнозируется, что к 2025 году каждый пятый житель страны достигнет возраста 65+.

Демографическое старение населения поспособствовало появлению термина «активное долголетие» в научном дискурсе во второй половине XX века. В научной литературе данный термин рассматривается в двух аспектах: как социальное явление и как основание социальной политики в отношении качества жизни пожилых граждан.

В настоящее время наше государство, ставя стратегическую цель улучшения качества жизни в старших возрастах, создает условия для обеспечения основных потребностей граждан старшего поколения и использования их человеческого потенциала, а также для активного долголетия и включенности пожилых граждан во все сферы жизни общества.

Республика Беларусь, являясь участником международного сотрудничества по вопросам формирования и реализации политики в области старения, поддерживает осуществление принципов политики, изложенных в Мадридском международном плане действий по проблемам старения (2002 г.) и Региональной стратегии его осуществления (РСО), а также стремится следовать основным целям Лиссабонской декларации министров (2017 г.). В настоящее время для реализации политики и стратегии здорового старения в стране предусмотрена Национальной стратегией Республики Беларусь «Активное долголетие – 2030», которая предоставляет новые возможности реализации потенциала старших возрастных групп для общества и государства.

В стране значительную комплексную поддержку люди старшего возраста получают в учреждениях социального обслуживания. В Витебской области функционируют 25 территориальных центров социального обслуживания и 15 социальных пансионатов. Самой востребованной формой социального обслуживания является социальное обслуживание на дому. Оно охватывает более 16 тысяч жителей области. В последнее время практикуется новая форма устройства пожилых людей, достигших 70 лет, и инвалидов – замещающая семья. Помощь при такой социальной услуге им оказывается ежедневно.

В каждом территориальном центре социального обслуживания работают отделения дневного пребывания для граждан старшего возраста, где каждый желающий может реализовать свой потенциал – быть волонтером, членом групп взаимопомощи, посещать разнообразные кружки и клубы. Особой популярностью среди пожилых граждан пользуются кружки физической активности [1].

В стране ко Дню пожилого человека проходит республиканская акция «Уважение. Забота. Ответственность», ее цель – привлечь внимание общественности и взрослых детей к проблемам пожилых граждан, развитие межпоколенческих связей. В рамках акции проходят спортивные, досуговые мероприятия, дни открытых дверей в учреждениях социального обслуживания, волонтерские акции.

Цель статьи заключается в изучении представлений населения о долголети и старении.

Материал и методы. Исследование проводилось в г. Витебске с целью изучения представлений населения о долголети и старении. В анкетировании приняли участие 100 граждан г. Витебска. Возраст респондентов находился в диапазоне от 40 до 65 лет. При этом 70 % участников исследования была представлена респондентами женского пола.

В анкете содержались вопросы о значимости компонентов активного долголетия, об установках граждан относительно продолжительности собственной жизни, мотивах долголетия, о барьерах, препятствующих долголетию, и индивидуальных поведенческих практиках активного долголетия.

Использованы методы анкетирования, анализа, синтеза, обобщения.

Результаты и их обсуждение.

В настоящее для описания процессов развития и поддержания функциональных возможностей и способностей в пожилом возрасте в геронтологических концепциях используются термины: «успешное старение» (Дж. Роуи, Р. Кан), «здоровое старение» (ВОЗ), «гармоничное старение» (Ц. Лян, Б. Луо), «активное старение» (ВОЗ, А. Калаче, А. Гатти, А. Уолкер, А. Заиди, К. Хоус), «активное долголетие» (Л. Н. Овчарова, М. А. Морозова, А. В. Сидоренко, О. В. Синявская, А. А. Червякова), – которые затрагивают различные аспекты благополучия пожилых людей.

Следует отметить, что термин «активное долголетие» был впервые сформулирован ВОЗ в 2002 г. в Рамочной стратегии активного долголетия. В рамках этой стратегии активное долголетие охватывает три аспекта жизни пожилых людей: здоровье, участие в общественных делах и защищенность. Сфера здоровья рассматривается с позиций увеличения продолжительности периода физического благополучия; участие предполагает широкое вовлечение в общественную деятельность, включая трудовую, социальную и политическую, внутрисемейную активность; защищенность подразумевает обеспечение прав и потребностей пожилых людей [3].

Всемирная организация здравоохранения, выделяя детерминанты активного долголетия, разделяет их на шесть групп: факторы, связанные с оказанием медицинских услуг и социальной помощи; поведенческие факторы; личностные; социальные; экономические факторы и факторы физической среды. Кроме того, эксперты ВОЗ отдельно обозначают межсекторальные (сквозные) детерминанты активного долголетия – культуру и гендер.

О. Н. Калачикова, А. В. Короленко, Л. Н. Нацун, рассматривая теоретические и методологические вопросы исследования активного долголетия, выделили компоненты активного долголетия, к которым отнесли здоровье; занятость (трудовая деятельность); социальные связи; досуг и увлечения; непрерывное образование и саморазвитие. А также определили внутренние и внешние факторы активного долголетия. Внутренние факторы связали с поведением человека, его установками, мотивами и действиями, а внешние – с доступностью инфраструктуры, общественном одобрении, уровнем жизни [4].

Опираясь на приведенные выше теоретические подходы, мы провели эмпирическое исследование с целью изучения представлений населения о долголети и старении.

Анализ результатов анкетирования позволил определить субъективные установки респондентов на желаемую и ожидаемую продолжительность жизни. Проведенное анкетирование показало, что среднее значение желаемой продолжительности жизни составило 95 лет. Однако при ответе на вопрос о том, до какого примерно возраста удастся дожить при учете состояния здоровья, условий и образа жизни, респонденты в среднем значении указывают на возраст 88,5 лет.

Определяя уровень субъективной значимости различных аспектов жизни, к наиболее значимым из них респонденты отнесли сохранение хорошего здоровья на протяжении всей (32 %), поддержание общения с привычным кругом людей (25 %) и занятия любимыми увлечениями, хобби (19 %). Менее важными для респондентов являются трудиться как можно дольше (15 %) и заниматься саморазвитием, образованием (9 %).

Анализ данных, полученных в результате анкетирования, позволил выявить личностные мотивы долголетия. Так, наиболее значимыми были такие мотивы долголетия, как желание наслаждаться жизнью как можно дольше (67 %) и интерес к тому, как изменится мир в будущем (59 %), увидеть, каких успехов добьются дети (48 %). Вторыми по значимости оказались мотивы – общаться с внуками, правнуками (47 %) и оказывать помощь детям и внукам (46 %). Низкое значение получили мотивы такие как страх смерти (34 %), продолжать трудиться на любимой работе (33 %), нежелание расставаться со своими родными и близкими (29 %), желание воспользоваться положенными с возрастом правами и преимуществами (7 %).

Анализ результатов факторов активного долголетия, препятствующих продолжительной жизни, из предложенных в анкете вариантов не выявил

единое мнения респондентов. Так, к наиболее значимым факторам, препятствующих продолжительной жизни большинство участников опроса относит: состояние здоровья (98 %), образ жизни (95 %) и неблагоприятные экологические условия (87 %), большую занятость, отсутствие времени для заботы о здоровье (81 %). На втором месте по степени значимости барьеров активного долголетия у респондентов находится группа факторов, включающая потери источника дохода в старости (54 %), одинокое проживание в старости (26 %), переживания от потери родных и близких (18 %). В качестве наименее значимых барьеров респонденты рассматривают плохую наследственность (12 %), несчастный случай, ДТП (8 %), потерю интереса к жизни (3 %).

Отдельный вопрос в анкете был направлен на одобрение респондентами суждений о пожилых и долголетию. Наиболее высокую поддержку получили тезисы: «Активное долголетие – достижение самого человека» (93 %), «Долголетие граждан – залог развития государства и общества» (89 %), «Пожилый возраст – много свободного времени, мудрость, стабильность» (87 %), «Пожилые люди – незаменимые помощники в воспитании младшего поколения» (83 %), «Пожилые сотрудники в организации – опора в самых сложных рабочих ситуациях» (67 %).

Респонденты соглашались с пессимистичные суждения о старшем поколении и долголетию: «Пожилые часто становятся жертвами мошенников» (95 %), «Высокая продолжительность жизни создает нагрузку на государство и общество» (79 %), «Пожилый возраст ограничивает возможности досуга» (77 %), «Знания старшего поколения не актуальны для будущих поколений» (69 %).

В ходе анализа результатов анкетирования было выявлено, что незначительное количество респондентов (7 %) указали на негативные утверждения на пожилой возраст как период бедности, болезней и одиночества.

Большинство респондентов (94 %) согласились с утверждением, что высокая продолжительность жизни создает нагрузку на государство и общество.

Таким образом, согласно представленным выше результатам, можно сделать вывод, что у респондентов есть представление о комплексности термина «активное долголетие», включающего как внешние характеристики – уровень дохода, возможности использования ряда услуг, включенность в трудовые и социальные отношения, так и внутренние – установки, мотивы, побуждающие к ведению соответствующего образа жизни. Это демонстрирует готовность населения к достижению активного долголетия.

Немаловажным для изучения перспектив развития стратегии активного долголетия выступает исследование поведенческих практик, ориентированных на поддержание активности и здоровья в течение всей жизни. Результаты анкетирования показали, что 72 % опрошенных уделяет внимание оптимальной физической активности, правильному питанию (69 %), посещению врачей с профилактической целью (76 %).

Значительная часть опрошенных (81 %) указали, что им не удастся избежать стрессов.

93 % опрошенных поддерживают хорошие отношения с семьей, общаются с друзьями и знакомыми (67 %), занимаются любимым делом и хобби (39 %), поддерживают интеллектуальную активность (45 %).

Незначительное количество респондентов (18 %) указали в анкете, что отказываются от вредных привычек, посещают учреждения культуры (34 %).

Меньше всего внимание респондентов привлекают получение дополнительное образование (19 %), участие в общественных мероприятиях (15 %), повышение профессиональной квалификации (4 %).

Однако стоит отметить, что есть и те, кто признает свою пассивность в поддержании активной жизни (23 %), что может требовать дополнительной поддержки и мотивации для внесения позитивных изменений в их образ жизни.

Направления государственной политики активного долголетия затрагивают вопросы доступности услуг учреждений здравоохранения, социального обслуживания, культуры и спорта и других, услуг, а также информационную доступность. Наиболее высоко респонденты оценивают доступность услуг в сфере социального обслуживания (99 %), культуры (97 %). Несколько меньше для опрошенных доступны услуги здравоохранения (79 %), общественного транспорта (63 %). Самыми малодоступными, по мнению респондентов, являются услуги службы занятости (83 %) и ЖКХ (89 %). Полученные положительные результаты свидетельствуют о доступности инфраструктуры для поддержания активного долголетия.

Заключение. Полученные результаты дают представление об отношении населения к активному долголетию и здоровьесберегательному поведению – установки, мотивы, практики, что может послужить основой для разработки профильных программ профилактики. В представлениях населения наблюдается переход от восприятия пожилого возраста как периода угасания физической и социальной активности, к рассмотрению его как индивидуального этапа здоровой жизни и активного долголетия.

Список использованных источников

1. Вакушенко, Т. Д. Отделение дневного пребывания для граждан пожилого возраста – инструмент активного долголетия / Т. Д. Вакушенко // Наука – образованию, производству, экономике : материалы 74-й Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 18 февраля 2022 г. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2022. – С. 274-275. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/31551.pdf>. – Дата доступа: 02.09.2024.
2. Васильева, Е. В. Концепция активного долголетия: возможности и ограничения реализации в России / Е. В. Васильева, под ред. Ю. Г. Лавриковой. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2022. – 190 с.
3. Калачикова, О. Н. Теоретико-методологические основы исследования активного долголетия / О. Н. Калачикова, А. В. Короленко, Л. Н. Нацун // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2023. – № 1. – С. 20-45. – URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2209>. – Дата доступа: 02.09.2024.

ПОНЯТИЕ ПРИТЯЗАНИЯ В ПСИХОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ ПРАВА

А. Б. Демидов

Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова

(e-mail: ab-demidov@yandex.ru)

Аннотация. Анализируются и сравниваются значения слова «притязание» в обыденном словоупотреблении и в контекстах социальной психологии (уровень притязаний) и философии права. Выделяется инвариантное смысловое ядро понятия притязания. Показана возможность различия смыслового содержания терминов «притязание» и «претензия». Дан краткий критический обзор применения термина «притязание» в философии права и намечена перспектива развития.

Ключевые слова: притязание, претензия, уровень притязаний, субъективное право, социальная психология, философия права.

THE CONCEPT OF ASPIRATION IN PSYCHOLOGY AND PHILOSOPHY OF LAW

A.B. Demidov

Vitebsk, VSU named after P. M. Masherov

(e-mail: ab-demidov@yandex.ru)

Summary. The meanings of the word «aspiration» in everyday usage and in the contexts of social psychology (Aspirationsniveau) and philosophy of law are analyzed and compared. The invariant semantic core of the concept of claim is highlighted. The possibility of distinguishing the semantic content of the terms «aspiration» and «claim» is shown. A brief critical review of the use of the term «aspiration» in the philosophy of law is given and a development perspective is outlined.

Keywords: aspiration, claim, Aspirationsniveau, social psychology, philosophy of law.

Понятие притязания чаще всего встречается в психологии, правоведении, социологии, педагогике, этологии. Ему может придаваться неодинаковое значение в разных науках и у разных авторов, представляющих эти науки. Наше рассмотрение ограничится рамками двух научных дисциплин — психологии и философии права. Если в социальной психологии достаточно общеупотребительного интуитивного понимания слова «притязание» в часто используемом термине «уровень притязаний», то в некоторых теорети-

ческих построениях философии права имеют место попытки придать слову «притязание» роль системообразующего термина, от точного определения которого зависит целостность теоретической системы. Тем не менее, в философии права, как и в прочих дисциплинах, понятие притязания не получило достаточной отчётливости и однозначности, и потому наша цель – конкретизация этого понятия.

Материал и методы. Понятие притязания в социально-психологических и философско-правовых контекстах является материалом данного исследования, имеющего философский характер и использующего общелогические методы обработки понятий.

Результаты и их обсуждение.

Прежде чем приступить к обзору и анализу использования понятия притязания в психологии и философии права, целесообразно вникнуть в значения и смысловые оттенки обыденного словоупотребления. Слово «притязание» имеет древнее славянское происхождение и является обычным и нередким в современной русской речи. Оно образовано с помощью приставки *при-* от *тязати*, (из *тягати* – «тянуть»); т.е. изначально «притязать» значит «притягивать» [1, с. 366]. В словаре русского языка акцентируются два основных значения слова «притязание»: это – стремление добиться чего-либо и предъявление своих прав на что-либо [2, с. 452].

Наряду со словом «притязание» обычно в качестве его синонима используется также слово «претензия». В русских письменных источниках оно появилось лишь в начале XVIII в. в результате заимствования из немецкого языка (*Prätension*). Первоосновой послужило латинское *praetendo*, означающее: протягивать, держать перед собой (что-либо), приводить в качестве основания, оправдания [3, с. 803]. Словарь русского языка соотносит слово «претензия» с латинским *praetensio* и указывает следующие значения: 1) предъявление своих прав на кого-то или что-то., требование чего-либо; 2) домогательство признания другими неких свойств, качеств, достоинств, приписываемых себе; выражение «быть в претензии» истолковывается как неудовольствие по отношению к чему-то или кому-то [2, с. 386].

Таким образом, слова «притязание» и «претензия» при наличии некоторого сходства в их звучании и значении образовались в разных языковых системах и, хотя принято считать их синонимами, имеют свои «прирождённые» специфические смысловые оттенки. В слове «притязание» выделяется стремление субъекта овладеть чем-то, *притянуть*, *стяжать*, а в слове «претензия» – *выдвижение* субъектом перед кем-то или против кого-то некоего факта для обоснования своего требования. Коротко говоря, притязание – это *привдвижение* некоторого предмета *к себе*, а претензия – *выдвижение*, *выставление* предмета *от себя*. Действия, обозначаемые словами «притязание» и «претензия», направлены в противоположные друг другу стороны. Это различие можно использовать для более тонких дистинкций терминов, играющих системную роль в построении научных теорий.

Понятие притязания в социальной психологии. Слово «притязание» чаще всего, по-видимому, употребляется в социально-психологических публикациях. Правда, понятие притязания здесь фигурирует как часть другого понятия, обозначаемого словосочетанием «уровень притязаний», в котором исследовательский акцент делается не на притязании самом по себе, а на количественной динамике его уровня, на повышении или понижении этого уровня как функции, зависимой от аргумента (успеха или неуспеха).

Понятие и термин «уровень притязаний» (Anspruchsniveau) возникли и развивались в школе Курта Левина в начале 1930-х годов. Термин предложила Тамара Дембо, а Фердинанд Хоппе провёл первые экспериментальные исследования, показавшие, что уровень притязаний человека повышается после успешных его действий и понижается после неудач. Подобные исследования вызвали значительный интерес и в различных вариациях широко распространены и поныне [4].

Само понятие уровня притязаний К. Левин определил как «степень трудности цели, к которой стремится данный человек» [5, с. 268], или «степень сложности задания, выбираемого в качестве цели следующего действия» [5, с. 414]. Приводить несколько варьирующиеся определения множества других авторов здесь нет нужды. Можно заметить, что понятие притязания (а не его уровня) в этом направлении социально-психологических исследований чаще всего не определяется или характеризуется походя. Например, В. С. Магун, конкретизируя термин «притязание», ограничивается пояснением, что «речь идет о целях, самостоятельно устанавливаемых человеком, в отличие от тех целей, которые он вынужден принимать и преследовать под давлением обстоятельств» [6, с. 8]. Как видно, для данного направления исследований обыденное, интуитивное понимание слова «притязание» представляется достаточным.

Инвариантное значение слова «притязание». Вновь обратим внимание на словарные значения слова «притязание» с целью выделить основное его значение, очевидное или подразумеваемое в прочих толкованиях. Оно выражено толкованием «стремление добиться чего-либо». В самом деле, второе толкование «притязания» – «предъявление своих прав» – тоже включает в себя «стремление добиться чего-либо». Что касается слова «претензия», часто используемого в качестве синонима «притязания», то нетрудно видеть, что и в его трёх вариантах толкования – 1) предъявление прав, 2) заявление неудовольствия, 3) стремление добиться признания – тоже содержится это значение «стремление добиться чего-либо». Таким образом, мы обоснованно принимаем для дальнейшего осмысления это инвариантное значение слова «притязание», сохраняющееся как в повседневной речи, так и в разных науках, использующих его в качестве термина.

Анализ смыслового содержания и структуры понятия притязания. Далее мы проанализируем структуру и смысловое содержание понятия притязания. В формулировке, принятой за основу, отчётливо заметны три составные части в структуре понятия: 1) «стремление», 2) «добиться»,

3) «чего-либо». Какое смысловое содержание явно мыслится или неявно подразумевается за этими словами?

1) Стремление, согласно словарю, – «настойчивое влечение, тяготение» [7, с. 287]. Разумеется, стремление существует не само по себе, а как стремление чего-то к чему-то. По представлениям современного образованного человека то, что способно стремиться к чему-либо, должно быть живым существом, обладающим психикой. Такого понимания мы и будем придерживаться, хотя во времена господства анимизма способность стремиться приписывалась всем вещам, да и впоследствии в философии и естествознании возникали подобные воззрения, например, у Аристотеля, Лейбница. Таким образом, понятие стремления отсылает нас к другим компонентам структуры понятия притязания – субъекту стремления и его объекту, цели, а также и к понятию средства для достижения цели.

2) Следующий компонент понятия притязания выражен глаголом «добиться». Он указывает на активный, деятельный характер притязания, которое не является всего лишь потребностью, желанием, мечтанием (хотя всё это может сопутствовать притязанию), но есть целенаправленная деятельность, могущая потребовать значительных и даже чрезмерных усилий. Добиваться чего-либо приходится тогда, когда нужное не даётся само собой, не происходит самотёком, непринуждённо, когда имеются некоторые препятствия.

3) То, к чему стремится притязающий, обозначают словом «цель», и ею может быть всё что угодно.

Далее нужно ответить на вопрос: всякое ли стремление к цели мы называем притязанием? Когда ничто не может препятствовать субъекту в достижении цели, его стремление не представляется как притязание, поскольку нет надобности «добиваться» чего-либо, и действие, достигающее цели, совершается обыденным порядком без особенных усилий и риска неудачи. Наличная или предполагаемая возможность препятствий и риска неудачи – необходимый критерий притязания. Всевозможные и неисчислимы вариации притязаний становятся объектами психологических исследований на предмет динамики уровня притязаний.

Понятие притязания в теории и философии права. Что касается философско-правовых исследований, то в них интерес сосредотачивается на отношениях между притязающим субъектом и другими субъектами, которым его притязание безразлично с точки зрения приемлемости или неприемлемости, позволительности или непозволительности целей притязания и применяемых для его достижения средств.

Встречается мнение, что в правоведение понятие притязания первым ввёл немецкий юрист Бернхард Виндшейд (Виндшайд, Windscheid). В его наиболее известном труде «Учебник пандектного права», впервые вышедшем в 1862 году, притязание определено так: «Под притязанием (Anspruch) разумеется собственно такое основание, когда одно лицо требует что-либо у другого. Но принято под притязанием разуметь не только факт требования,

но и самое право (Befugnis) требовать, следовательно, признанная законом власть что-либо требовать от другого». И далее: «Притязание есть право, направленное к подчинению человеческой воли» [8, с. 91]. Сам автор отчётливо отождествил притязание с правом, и это вызывает сомнение в том, что его термин Anspruch обозначает то же понятие, о котором идёт речь у нас, поскольку «стремление добиться чего-либо» может существовать безотносительно к праву, хотя в правовых отношениях оно тоже, несомненно, имеет место. Возможно, переводчику сочинения на русский язык следовало бы использовать в качестве аналога для немецкого «Anspruch» русское слово «претензия», а не «притязание», и тогда не возникло бы мнение о первенстве Виндшайда в применении понятия притязания в правоведении.

Некоторые современные русскоязычные авторы тоже отождествляют притязание с правом и используют слово в том же значении, что и у термина «претензия». К ним относятся Д. В. Лоренц [9], Л. В. Замятин и Н. Ю. Кирюшина [10], И. И. Мазуров [11], В. П. Малахов [12], Ю. М. Мальцев [13], С. В. Третьяков [14]. Особое внимание привлекают обстоятельные работы В. П. Малахова и М. Г. Смирновой, проводившиеся в течение многих лет, в которых просматривается тенденция к приданию понятию притязания фундаментальной роли в философии и теории права.

Трактовки понятия притязания, данные В. П. Малаховым, не свободны от сбивчивости и противоречивости. Он полагает, что феномен притязания следует принять в качестве базового правового акта, т.е. многообещающе постулирует его фундаментальность в области права. Но тут же утверждает, что «притязание и есть право» [12, с. 87-88], а это опрометчивое отождествление. У В. П. Малахова «притязание понимается как способность правового существа проявить свою волю, преодолевая напряжение» [12, с. 92], т.е. притязание не мыслится без права как социальной системы и «правового существа», обладающего «правосознанием» [12, с. 107]. И вместе с тем «притязательный акт» – это «первичная, элементарная “частица”, из которой затем, как из первоатома, разворачивается все содержание действительного и идеального права» [12, с. 97]. Если бы В. П. Малахов принял во внимание обстоятельство, что притязания способны существовать безотносительно к «праву» (в субъективном или объективном смысле), могут существовать до какого бы то ни было «права», то читателям не пришлось бы гадать, что на чём основывается – притязание на праве или право на притязании.

В публикациях М. Г. Смирновой на протяжении полутора десятков лет можно проследить, как вызревает и конкретизируется убеждение, что «социальные притязания – не только ближайшая социальная основа права как юридического явления, но и фактор, способный через механизм правосознания оказывать прямое влияние на правовое регулирование общественных отношений, внедряться в правотворчество и применение права» [15, с. 19]. Важным представляется суждение о том, что всякое юридическое притязание является притязанием социальным, но среди огромного множества социальных притязаний юридические притязания составляют лишь

ограниченную их часть [15, с. 16–17], т.е. автор указывает на то, что объём понятия социального притязания шире объёма понятия юридического притязания. М. Г. Смирнова справедливо полагает, что у правоведов до сих пор нет удовлетворительного понятия и концепции социальных притязаний, осмысления их «роли в правообразовательном процессе» [16, с. 309].

Заключение. В ходе смыслового анализа понятия притязания определено его инвариантное значение: стремление живого существа, обладающего психикой, добиваться, преодолевая возникающие препятствия, намеченной цели. В таком значении понятие притязания пригодно для включения в состав термина «уровень притязания», используемого в социальной психологии. В философии и теории права феномен и понятие притязания приобретают значимость тогда, когда вышеуказанное стремление конкретизируется и детерминируется дополнительным обстоятельством: стремление субъекта осложняется реакциями других субъектов, которые могут отвергать или поддерживать данное стремление и используемые средства достижения цели; т.е. у субъекта появляется необходимость отстаивать перед другими своё «право» на притязание. Без такой конкретизации феномен и понятие притязания были бы неинтересны правоведам и философам права.

Разъясняемое здесь понятие притязания по своему содержанию отличается от уже принятого правоведами понятия «претензия» и не является его синонимом. Претензия – требование к должнику исполнить некую обязанность или обязательство, подразумевающее, что имеется некоторая властная инстанция, к которой можно апеллировать при неисполнении нормативных обязанностей. Претензия предполагает наличие каких-либо нормативно-правовых отношений и опирается на них, тогда как притязание может возникать до нормативно-правовых отношений, независимо от них или вопреки им. Так трактуемое понятие притязания открывает перспективу исследования перехода от неправового состояния отношений между субъектами к правовому, переосмысления генезиса и истории права, разрешения теоретических проблем в разработке логически корректного и приемлемого общего понятия права.

Список использованных источников:

- 1 Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. – М. : Просвещение, 1971. – 542 с.
- 2 Словарь русского языка : В 4 т. / Рос. акад. наук. Ин-т лингвист. исслед. – 4. изд., стер. – М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. – Т. 3: П-Р. – 1999. – 750 с.
- 3 Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. – М. : Рус. яз., 1976. – 1098 с.
- 4 Трубицына, Л. В. Хоппе Фердинанд [Электронный ресурс] / Л. В. Трубицына // Большая российская энциклопедия : научно-образовательный портал – Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/khoppe-ferdinand-3f67fb/?v=4708543>. – Дата доступа: 20.09.2024
- 5 Левин, К. Динамическая психология : Избр. тр. / Курт Левин. – М. : Смысл, 2001. – 572 с.
- 6 Магун, В. С. Революция притязаний и изменения жизненных стратегий молодежи : 1985-1995 годы / В. С. Магун // Революция притязаний и изменение жизненных

стратегий молодежи, 1985-1995 годы / Рос. акад. наук, Ин-т социологии ; Под ред. В. С. Магуна. – М. : Изд-во Ин-та социологии, 1998. – С. 7-39.

7 Словарь русского языка : В 4 т. / Рос. акад. наук. Ин-т лингвист. исслед. – 4. изд., стер. – М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. – Т. 4: С-Я. – 1999. – 796 с.

8 Виндшейд, Б. Учебник пандектного права. Т. 1. Общая часть / Б. Виндшейд. – СПб. : Гиероглифов и Никифоров, 1874. – XIV, 358 с.

9 Лоренц, Д. В. Гражданско-правовое притязание: юридическая природа, сущность и разновидности / Д. В. Лоренц // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2008. – № 18 (118). – С. 80-82.

10 Замятин, Л. В. К вопросу о понимании прав человека / Л. В. Замятин, Н. Ю. Кирюшина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2011. – № 3 (1). – С. 252-257.

11 Мазуров, И. И. Правопритязание и притязание как категории общеправовой теории / И. И. Мазуров // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 3. – С. 86-88.

12 Малахов, В. П. Концепция философии права: научное издание / В. П. Малахов. – М. : ЮНИТИ, 2012. – 751 с.

13 Мальцев, Ю. М. Социальное притязание как ценностная ориентация личности к получению образования / Ю. М. Мальцев // Система ценностей современного общества. – 2009. – № 5-2. – С. 122-128.

14 Третьяков, С. В. Притязание, дозволение и распорядительная власть в теории субъективного частного права / С. В. Третьяков // Вестник Московского университета. Серия 11 : Право. – 2021. – № 6. – С. 56-69.

15 Смирнова, М. Г. Социальные притязания как основа права / М. Г. Смирнова // Ленинградский юридический журнал. – 2017. – № 4 (50). – С. 9-23.

16 Смирнова, М. Г. Источники права как формы закрепления социальных притязаний / М. Г. Смирнова // Nomothetika: Философия. Социология. Право. – 2023. – Т. 48. – № 2. – С. 308-316.

УДК 379.8

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЫХ ИНВАЛИДОВ

Т. В. Иванова, И. В. Шабашёва

Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова

(e-mail: inna30-05@mail.ru; ivanovatanay7rambler.ru@mail.ru)

Аннотация. В статье рассмотрены особенности организации досуговой деятельности молодых инвалидов, проанализированы и обобщены эмпирические данные об удовлетворенности молодых инвалидов организацией досуговой деятельности, а также выявлены востребованные формы работы территориального центра социального обслуживания населения в организации работы с лицами вышеуказанной категории.

Ключевые слова: досуг, культурно-досуговая деятельность, молодой инвалид, социокультурное пространство, отделение социальной реабилитации, абилитации инвалидов.

FEATURES OF THE ORGANIZATION OF LEISURE ACTIVITIES FOR YOUNG PEOPLE WITH DISABILITIES

T. V. Ivanova, I. V. Shabasheva

Vitebsk, VSU named after P. M. Masherov

(e-mail: inna30-05@mail.ru; ivanovatanay7rambler.ru@mail.ru)

Abstract. The article considers the peculiarities of the organization of leisure activities of young people with disabilities, analyzes and summarizes empirical data on the satisfaction of young people with disabilities with the organization of leisure activities, and also identifies the popular forms of work of the territorial center for social services in the organization of work with persons of the above category.

Keywords: leisure, cultural and leisure activities, a young disabled person, socio-cultural space, department of social rehabilitation, habilitation of disabled people.

Во многих странах мира, в том числе и в Республике Беларусь, люди с инвалидностью испытывают значительные сложности при поиске круга общения по интересам, организации собственного досуга.

Причины этого, с одной стороны, – это стереотипы и предубеждения со стороны общества, с другой – личные комплексы инвалидов, неумение осуществления само презентации, знакомиться с новыми людьми. Данные сложности характерны как для взрослых, так и для молодых людей, которые ограничены в своем социальном опыте. Именно поэтому для данных лиц требуются программы, разработанные с учетом особенностей каждого отдельно взятого индивида, а также возможность организации времяпровождения в обществе лиц по интересам [1, с. 88].

В целях реализации творческих и производственных способностей инвалидов и с учетом индивидуальных программ реабилитации инвалидов им обеспечивается право посещать всевозможные досуговые объединения, кружки, которые чаще всего организовываются при Территориальных центрах социального обслуживания населения.

Участие в различных видах досуговой деятельности является необходимой областью социализации, самоутверждения и самореализации молодого инвалида, но ограничено, в связи с недостаточным уровнем развитости и доступности [2, с. 170].

Недостаточная развитость инфраструктуры досуговой деятельности молодых инвалидов может проявлять себя в таких характеристиках, как низкий уровень доступности, а, нередко, и просто недоступность многих учреждений культуры в силу их непригодности для посещения людьми с ограниченными физическими возможностями (слабовидящими, слабослышащими, колясочниками и др.); отсутствие или

весьма ограниченное число специализированных спортивных сооружений, оснащенных соответствующим оборудованием для различных групп инвалидов; отсутствие систематической подготовки профессиональных организаторов досуга, спортивных тренеров для соответствующих групп инвалидов; слабое методическое и техническое обеспечение данной области деятельности [2, с. 170].

Материал и методы. В исследовании приняли участие 35 граждан в возрасте 17-31 года, из них 15 женщин, 20 мужчин. Исследование проводилось на базе ГУ «Территориальный центр социального обслуживания населения Октябрьского района г. Витебска». С целью изучения потребностей граждан вышеуказанной категории в организации досуговой деятельности использован метод анкетирования.

Результаты и их обсуждение.

Для организации досуга и общения, развития творческого потенциала инвалидов в отделении социальной реабилитации, абилитации инвалидов ГУ «Территориальный центр социального обслуживания населения Октябрьского района г. Витебска» организована работа кружков, клубов по интересам. Люди с инвалидностью, в том числе молодые люди, не ограничены в количестве посещаемых кружков, однако, кто-то пользуется данной возможностью более активно, а кто-то менее активно.

В отделении работают клубы по интересам: по межличностному и межгрупповому общению «Мы вместе»; по духовно-нравственному воспитанию «Школа духовного возрождения»; по здоровому образу жизни «Жить здорово»; «Наследие» (сотрудничество с родителями, родственниками, опекунами); «Преемственность поколений. Забота» (сотрудничество со старшим поколением, взаимодействие с отделением дневного пребывания для пожилых людей). А также кружки по интересам: по личной и имущественной безопасности «Безопасность в каждый дом»; по экологическому направлению «Экологический калейдоскоп»; естественных наук, познавательной направленности «Мир вокруг нас», «Я и мой мир», Экскурсия на диване; декоративно-прикладного искусства «Фантазия», «Мягкая игрушка»; «Гобелен», «Песочные фантазии»; художественно-эстетического направления «АРТ-стиль», «Техника аппликации», «Пластилинография»; компьютерной грамотности «Онлайн»; по цифровой (информационной) грамотности «Академия интернет профессий», по актерскому мастерству и театральному искусству «Забава», «Таланто»; с оздоровительной направленностью, развитие мелкой моторики: «Логоритмика», «Ритмопластика», «Эрготерапия», «Настольные игры»; двигательной активности «СТАРТ-Тайм», «Relax»; по адаптации для жизни в социуме «Росток»; творческого самовыражения «Дари красиво», «Мода из комода», «Музыка вокруг нас».

В ходе проведения опроса мы выявили, что большинство молодых людей с инвалидностью, которые проводят свой досуг в отделении социальной реабилитации, абилитации инвалидов, довольны организацией до-

суга. К данной категории относится 30 человек. Однако в исследовании выявлена доля тех, кто не удовлетворен или же удовлетворен в неполной мере (5 человек, среди них – все женщины).

В целях совершенствования процесса организации досуговой деятельности молодых инвалидов на примере ГУ «Территориальный центр социального обслуживания населения Октябрьского района г. Витебска» самым молодым людям в опросном листе (анкете) была предоставлена возможность внести предложения по улучшению качества процесса организации досуга. Именно в предложенных респондентами направлениях и предстоит работать дальше специалистам Центра для улучшения качества жизни молодых людей с инвалидностью.

Распределение ответов респондентов относительно предложений по улучшению качества процесса организации досуга представлено на рисунке 1. Следует отметить, что каждому участнику опроса была дана возможность выбрать более одного варианта предложений по улучшению качества процесса организации досуговой деятельности.

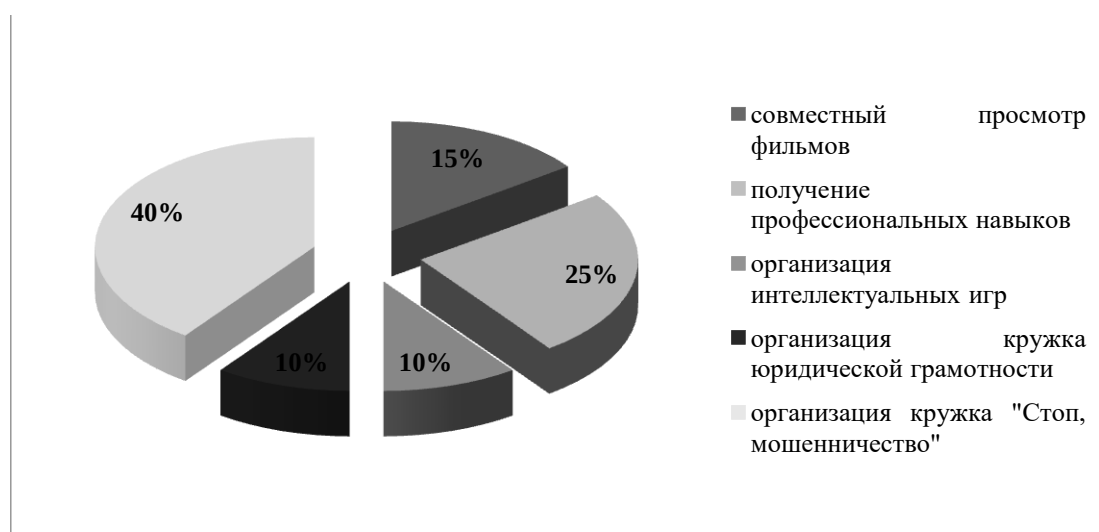

Рисунок 1 – Распределение мнения респондентов относительно предложений по улучшению качества процесса организации их досуга

Данные рисунка 1 свидетельствуют о том, что все предлагаемые варианты организации досуга в отделении социальной реабилитации, абилитации инвалидов ГУ «Территориальный центр социального обслуживания населения Октябрьского района г. Витебска» являются оригинальными и новыми, в данный момент данные направления досуга не организованы в Центре.

Основным направлением, которое избрали респонденты является организация досуга с целью получения профессиональных навыков. Данное направление имеет 36,84 % во всей совокупности ответов. Так, в настоящее время очень много профессий, которые позволяют рабо-

тать дистанционно (SMM-менеджер, менеджеры маркетплейсов, консультанты), не выходя из дома, что достаточно актуально для людей с инвалидностью.

Также высока доля такого направления совершенствования досуга инвалидов, как организация интеллектуальных игр (21,05%). Интересным направлением в организации досуга может стать организация кружка «Стоп, мошенничество». Данное направление избрали не так много респондентов, однако, оно очень актуально в современных реалиях, когда новые виды мошенничества появляются день за днем, а на уловки мошенников попадают самые уязвимые слои населения, люди лишаются всех своих финансовых накоплений и «влезают» в многолетние долги, в том числе перед кредитными структурами.

На основании вышеизложенного относительно мошенничества, актуальным станет также организация кружка юридической грамотности, поскольку понимание основ права и юриспруденции сейчас важно не только специалистам данной сферы, но и простым людям.

Заключение. Таким образом, основные направления совершенствования процесса организации досуговой деятельности молодых инвалидов на примере ГУ «Территориальный центр социального обслуживания населения Октябрьского района г. Витебска» представлены, а специалистам Центра необходимо взять их во внимание. В отделении социальной реабилитации, абилитации инвалидов Центра общая численность молодых инвалидов в 2024 году составляет 45 человек, что на 2 человека выше численности, зафиксированной в 2023 году. Более 87% молодых инвалидов – это лица в возрасте 18-25 лет. Преобладающее большинство молодых людей с инвалидностью, посещающих центр – это лица женского пола. Так, доля женщин в общей структуре посетителей в 2024 году превысила 85%.

Не все молодые люди посещают кружки в Центре. Однако можно говорить о положительной тенденции, поскольку в 2024 году зафиксирован факт роста людей, проводящих свой досуг в кружках при Центра (на 14,29%) и сокращение людей, которые не пользуются данной возможностью (на 33,33%).

Центр предлагает для инвалидов молодого возраста достаточно широкий перечень вариантов досуга. При этом, не все предлагаемые к посещению кружки пользуются одинаковой популярностью, а по отдельным из них в 2024 году сократилась посещаемость.

В целях выявления удовлетворенности молодых инвалидов организацией досуговой деятельности и дальнейшего совершенствования процесса организации их досуга была разработана анкета и произведено анкетирование данных лиц.

Все предлагаемые варианты организации досуга в отделении дневного пребывания для инвалидов ТЦСОН Октябрьского района города

Витебска являются оригинальными и новыми, в данный момент данные направления досуга не организованы в Центре. Основным направлением, которое избрали респонденты является организация досуга с целью получения профессиональных навыков. Также высока доля такого направления совершенствования досуга инвалидов, как организация интеллектуальных игр. Интересным направлением в организации досуга может стать организация кружка «Стоп, мошенничество». С целью профилактики мошенничества актуальным станет и организация кружка юридической грамотности, поскольку понимание основ права и юриспруденции сейчас важно не только специалистам данной сферы, но и простым людям.

Список использованных источников:

1. Пантюк, И. В. Теоретические основы социальной работы / И. В. Пантюк. – Минск: Амалфея, 2016. – 388 с.
2. Грушецкая, И. Н. Содержание досуговой деятельности молодых инвалидов / И. Н. Грушецкая // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2010. – №3. – С. 170-172. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-dosugovoy-deyatelnosti-molodyh-invalidov> (дата обращения: 19.09.2024).

УДК: 316.346.32-053.6/.9

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ О ЖИЗНЕННОМ СТИЛЕ ЛЮДЕЙ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА

С. Д. Матюшкова, А. М. Фролова
Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова
(e-mail: matyushkovasd@mail.ru)

Аннотация. В данной статье рассмотрено отношение молодежи к жизненному стилю пожилых людей через призму отношения к будущей собственной старости. Показано, что в настоящее время как в зарубежной, так и в отечественной литературе наблюдается дихотомичное отношение к этому естественному процессу. С одной стороны, старость считается заключительным этапом жизни человека. С другой стороны, несмотря на увеличивающиеся угасание физических сил, снижение здоровья и психических процессов, старость также является сенситивным временем для аккумуляции знаний, опыта и интеллекта, что позволяет адаптироваться к возрастным особенностям. Изучение жизненного стиля пожилого человека в современном мире, население которого продолжает стремительно стареть, приобрели особую актуальность.

Ключевые слова: жизненный стиль, пожилой возраст, молодежь.

YOUNG PEOPLE'S PERCEPTIONS OF THE LIFESTYLE OF OLDER PEOPLE

S. D. Matyushkova, A. M. Frolova

Vitebsk, VSU named after P. M. Masherov

(e-mail: matyushkovasd@mail.ru)

Abstract. This article examines the attitude of young people to the lifestyle of older people through the prism of their attitude to their own future old age. It is shown that at present, both in foreign and domestic literature, there is a dichotomous attitude to this natural process. On the one hand, old age is considered the final stage of a person's life. On the other hand, despite the increasing decline in physical strength, health and mental processes, old age is also a sensitive time for the accumulation of knowledge, experience and intelligence, which allows one to adapt to age-related characteristics. The study of the lifestyle of an elderly person in the modern world, whose population continues to age rapidly, has acquired particular relevance.

Keywords: lifestyle, old age, youth.

Вторая половина XX в. характеризовалась непрерывным увеличением числа людей пожилого возраста в экономически развитых странах, в том числе и в нашей стране, где уже с 60-х годов население по международным стандартам стало считаться «старым». В обществе появилось осознание проблемы старения населения и ее последствий. Эта проблема тесно связана с социальной работой, социальной защитой, медициной. К началу нового века во многих странах произошли значительные изменения в социальной политике, которые наметились еще в 80-х годах прошлого века. Поэтому исследования жизненного стиля пожилого человека в нашей стране, население которой продолжает стремительно стареть, приобрели особую актуальность [1].

Современный человек постоянно сталкивается с разнообразными стрессами, которые предъявляют повышенные требования к его адаптивным способностям. Уникальный для каждого человека способ взаимодействия с жизнью и адаптации к ней А. Адлер назвал жизненным стилем. Он подробно разрабатывал идею жизненного стиля в своей концепции психотерапии и индивидуальной психологии.

Жизненный стиль – это особый, присущий данному индивиду способ восприятия условий жизни, особая манера поведения, действий, отличающаяся индивидуально неповторимыми чертами и вариативностью. Стиль жизни присутствует всегда, но проявляется лишь при столкновении человека с жизненными проблемами [2].

В русскоязычной психологии исследовательское направление стиля было задано методологией и задачами науки, был выбран вектор изучения

деятельностного аспекта стиля (Е. А. Климов, В. С. Мерлин, Б. Вяткин, Л. Дорфман и т.д.).

Впервые термин «стиль жизни» появился в 1926 году в индивидуальной психологии А. Адлера. Его первоначальный вариант звучал как «жизненный план», «путеводный образ». Автор определял стиль жизни как систему характеристик, уникальное соединение черт, способов поведения и привычек, которые, взятые в совокупности, определяют неповторимую картину существования индивидуума. Стиль жизни – это значение, которое человек придает миру и самому себе, его цели, направленность устремлений и те подходы, которые он использует в решении жизненных проблем. Истинный стиль жизни человека отчетливо проявляется в трудных обстоятельствах, считал А. Адлер [3].

Основоположник концепции о стиле жизни (А. Адлер), выделил его составляющие: жизненные цели, социальная активность, личностные ценности [4].

В рамках поиска типов жизненных ориентаций, жизненных позиций, жизненных стратегий Ж.Т. Пламмер в качестве переменных стиля жизни обозначил:

- 1) активность (работа, хобби, социальная жизнь и т.д.);
- 2) значимые сферы, интересы (семья, дом, работа, развлечения, общество и т.д.);
- 3) мысли (о себе, социально-культурные проблемы, экономическая, деловая сфера, образование и т. д.);
- 4) социально-демографический профиль (возраст, доход, образование, профессия, место проживания и т. д.) [4].

Цель нашей статьи: выявить отношение молодежи к жизненному стилю людей пожилого возраста.

Материал и методы. В исследовании приняли участие студенты дневной и заочной форм обучения по специальности «Социальная работа (социально-психологическая деятельность)» ВГУ имени П. М. Машерова. Общее количество респондентов составило – 43 человека в возрасте от 20 до 44 лет (4,7 % – мужчин, женщин – 95,3 %). Для изучения отношения молодежи к старшему поколению и их стилю жизни мы использовали анкету «Представление молодежи о жизненном стиле людей пожилого возраста», которая состояла из 16 вопросов.

Результаты и их обсуждение.

В ходе проведенного анкетирования было выявлено, что большинство респондентов имеют сформированные представления о жизненных стилях людей пожилого возраста. Закономерно, что в своем окружении молодые люди встречали все типы пожилых людей: семейный, социальный, религиозный, одинокий, больной, угасающий, творческий и политический. Однако, большинство (79 %) опрошенных замечали семейный тип

пожилых людей, который нацелен на семью и ее благополучие, меньше всего (16,3 %) – политический тип (рисунок 1).

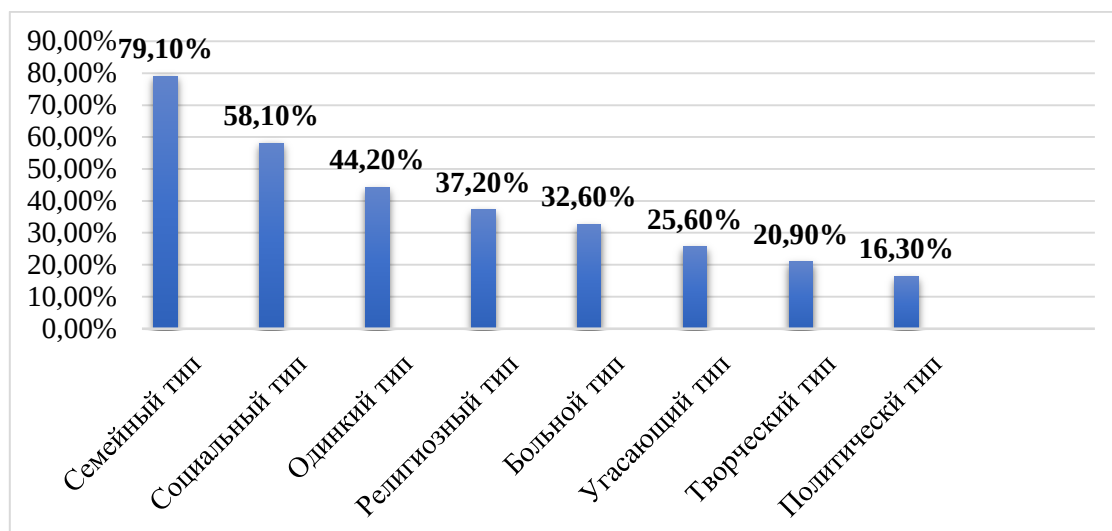

Рисунок 1 – Типы пожилых, которых замечали в своем окружении респонденты

Примечание: составлено автором

Интересно представление молодежи о реакции пожилых людей на процесс старения. По их мнению, такие показатели как страх перед старостью, адекватно-рациональное восприятие старости и рефлексия по поводу пройденных жизненных этапов получили одинаковое количество выборов, по 27,9 %. А эмоциональная, социальная изоляция и бунт против старения всего лишь 14 % и 2,3 % (рисунок 2). Возможно, такие цифры свидетельствуют о том, что нынешнее поколение представляет реакцию пожилых людей к процессу старения достаточно в одинаковом ключе, то есть и положительно, и отрицательно.

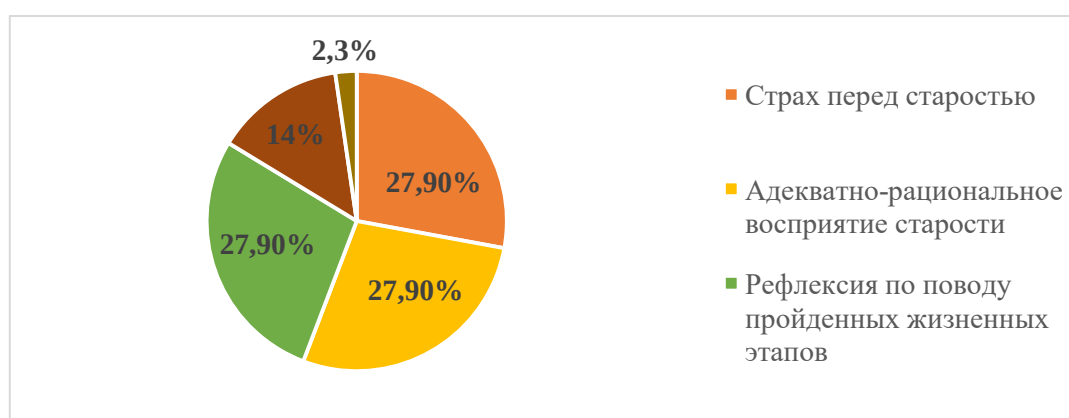

Рисунок 2 – Представление молодежи о реакции пожилых на процесс старения

Примечание: составлено автором

По мнению большинства респондентов (76,7 %) в большей степени влияют на скорость и способ старения это условия и образ жизни. Профессиональная и физическая активность набрали одинаковое количество выборов – 37,2 %. И в меньшей степени, влияют интересы за пределами трудовой деятельности: искусство и прикладное творчество – 11,6 % (рисунок 3).

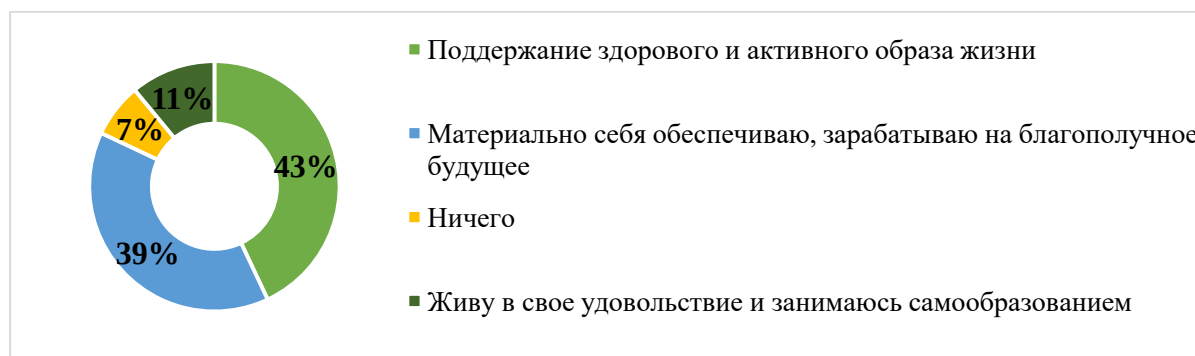

Рисунок 3 – Факторы, которые в большей степени влияют на скорость и способ процесса старения

Примечание: составлено автором

Что предпринимает молодое поколение для благополучного старения? На данный момент занимается поддержанием активного и здорового образа жизни 43 % респондентов, материально себя обеспечивает и занимается вопросами достойного заработка для благополучного будущего – 39 %, живет в свое удовольствие и занимается самообразованием – 11 %, не предпринимает никаких действий для благополучной старости – 7 % (рисунок 4).

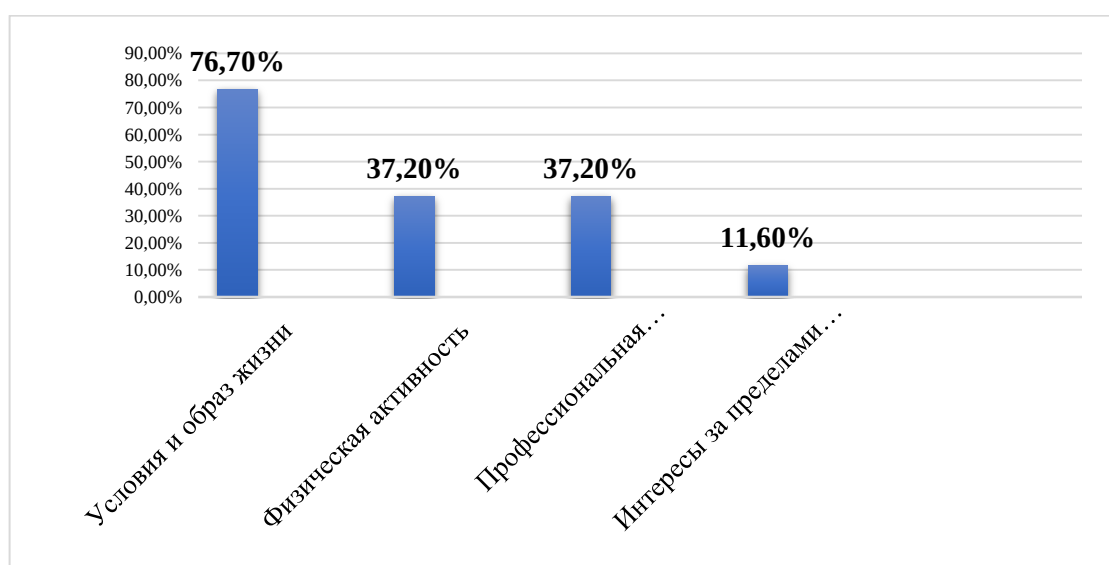

Рисунок 4 – Что предпринимает молодое поколение для благополучного старения? *Примечание:* составлено автором

Следовательно, обозначенное вначале двойное отношение к старости в полной мере проявляется и в представлениях молодежи о пожилых людях.

Заключение. Таким образом, рассмотрев результаты анкетирования по теме «Представление молодежи о жизненном стиле людей пожилого возраста», можно сделать вывод, что нынешнее поколение замечает в своем окружении в основном семейный, социальный, одинокий и религиозный тип пожилых. Также важно отметить, что, по мнению респондентов, в наибольшей степени на способ и скорость старения влияют условия и образ жизни пожилых, а интересы за пределами трудовой деятельности играют меньшую роль. Для благополучного старения современное поколение занимается активно здоровым образом жизни, материальным обеспечением и самообразованием, лишь некоторый процент респондентов заявил о том, что ничего не предпринимает для высокого качества жизни в пожилом возрасте. Поэтому изучение жизненного стиля пожилого человека весьма актуально.

Список использованных источников:

1. Краснова, О. В. Психология личности пожилых людей и лиц с ограничениями здоровья: Учебное пособие для слушателей профессиональной переподготовки по специальности «Психологическая работа в учреждениях социальной сферы» / О. В. Краснова, И. Н. Галасюк. – Москва: ДСЗН, 2010. – 200 с.
2. Екимчик, О. А. Жизненный стиль современника: референты и их взаимосвязь / О. А. Екимчик, О. Б. Подобина // Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2015. – №3. – С. 83-88.
3. Козман, Т. Стиль жизни: понятия, структура, виды / Т. Козман // Знание. Понимание. Умение. – 2017. – №4. – С. 227-239.
4. Гришина, Н. В. Поведение в повседневности: жизненный стиль, повседневная креативность и «жизнетворчество» / Н. В. Гришина // Психологические исследования. – 2017. – №10. – С. 1-9.
5. Матюшкова, С. Д. Представления о понятии «качество жизни» / С. Д. Матюшкова // Наука - образованию, производству, экономике [Электронный ресурс] : материалы 76-й Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 1 марта 2024 г. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2024. – С. 340-343. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/42111> (дата обращения: 01.04.2024).

УДК 37.082

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ МАРШРУТ В КОММУНИКАТИВНОЙ СРЕДЕ ОРГАНИЗАЦИИ: ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ВЕКТОРЫ ВОСПРИЯТИЯ

А. А. Островская

Минск, БГПУ имени М. Танка
(e-mail: ostrovskayaa@mail.run)

Аннотация. В представленном материале предлагается описание этапов-установок формирования профессионального маршрута специалистов в коммуникативной среде организации и результаты опроса молодых специалистов и работающих студентов в сфере образования, раскрывающе-

го векторы восприятия условий каждого этапа с позиции важности и удовлетворенности на практике. Обращается внимание на пути решения выявленных проблем по вопросу исследования.

Ключевые слова: профессиональный маршрут; персонал; коммуникативная среда; карьерный рост; профессиональная идентификация; пиринговые платформы.

PROFESSIONAL ROUTE IN THE COMMUNICATION ENVIRONMENT OF AN ORGANIZATION: STAGES OF FORMATION AND VECTORS OF PERCEPTION

A. A. Ostrovskaya

Minsk, BSPU named after Maxim Tank

(e-mail: ostrovskayaa@mail.run)

Abstract. The presented material offers a description of the stages-settings of the formation of the professional route of specialists in the communicative environment of the organization and the results of a survey of young specialists and working students in the field of education, revealing the vectors of perception of the conditions of each stage from the standpoint of importance and satisfaction in practice. Attention is drawn to the ways of solving the identified problems on the research issue.

Keywords: professional route; personnel; communicative environment; career growth; professional identification; peer-to-peer platforms.

Современную среду организации сложно представить без многообразных коммуникативных связей как оснований жизнестойкости всего производственного (или образовательного) процесса бизнес-структуры. *Коммуникативная среда*, являясь областью контактов и обмена информацией, способствует формированию единого представления персонала (далее – сотрудников и работников; специалистов) об организации или регионе, а так же «обеспечивает скорость решения задач и высокий уровень взаимодействия между сотрудниками» [1, с. 2].

Проблемный фон коммуникативной среды организации исследователи преимущественно связывают с вопросами адаптации персонала, выстраивания информационных потоков, развития партисипативного менеджмента и даже вербально-знаковой символизации культурного опыта человечества. В качестве примеров сошлемся на работы как зарубежных, так и белорусских ученых Ш. Зигрифида, А. Я. Кибанова, Е. С. Покровской, Е. И. Лебедевой, И. Л. Ильичевой и др.

Вместе с тем в системе многовекторных отношений в коммуникативной среде формирование *профессиональных маршрутов* специалистов в виде актуального применения и развития совокупности личностных

и профессиональных способностей в соответствии с выбранной профессией просматривается довольно скромно. Соответственно, недостаточно акцентируется вопрос и карьерного роста сотрудников и работников: как горизонтального (в частности, развитие квалификации), так и вертикального (повышение в должности). И хотя исследователи обращают внимание на высокую степень значимости ясной и прозрачной профессиональной навигации персонала (В. В. Сидоров, М. Н. Пономарева, Е. С. Худолей и др.), акцент преимущественно видится в профориентационной стороне вопроса или в сфере профессионального самоопределения. В сфере карьерного роста проблема формирования профессионального маршрута остается открытой научному поиску. Особенно это актуально с учетом быстро меняющихся в наше время ситуаций экономического и социального развития.

При очевидном в наши дни паритете организационных форм и психологических инструментариев движения по карьерной и профессиональной лестнице важно акцентировать внимание на сохранность приверженности и лояльности персонала к организации, желании сотрудников продвигать свои идеи и отдавать силы на ее благо. Эффективной в этом плане признается ориентация менеджмента на корреляцию целей руководства и персонала как фактора устойчивого развития организации. Таким образом, актуальна разработка моделей-предписаний профессионального маршрута, позволяющих фиксировать его ключевые моменты с учетом карьерного роста вертикальной и горизонтальной направленности как важной его составляющей.

В этой связи нами продумана в виде этапов-установок возможная основа профессионального маршрута в среде коммуникаций организации. Теоретическую базу разработки составила модификация ранее разработанной нами модели-предписания формирования психологической культуры акторов организации в условиях партиспативного менеджмента в контексте методики «Профплана» М. В. Прохоровой и А. В. Савичевой. Данная методика ориентирована на интеграцию проективного подхода и биографического метода с учетом психологических основ взаимодействия личностных факторов и ситуаций для построения планов поведения, стимулирующих значимое проявление персонала [2; 3]. Представим этапы-установки.

Первый этап: ориентировочно-поисковый, предполагающий профессиональную и должностную идентификацию как чувства единства с профессией и должностью.

Этот этап призван разрешить противоречие между «эйфорическими фантазиями» сотрудников о себе и опасениями взгляда на реальную ситуацию выстраивания профессионального (карьерного) маршрута, которая возможно выявит собственную «действительную несостоятельность» (по Т. Н. Селезневой) [2, с. 5]. Архитектура коммуникационной среды пока еще не ясна. В данной ситуации в поисках точек роста специалист ориентируется более на непосредственного руководителя.

На основе работ Л. В. Мардахаева, Ю. П. Степкина, А. В. Шакуровой и др. выделим условия эффективности данного этапа:

1.1. Профессионально подготовленная авторитетная личность в близком контакте (например, непосредственный начальник) как образец требуемого профессионального поведения.

1.2. Материальные ресурсы организации, имеющиеся в свободном доступе для персонала, для создания комфортного пространства качественного решения профессиональных задач.

1.3. Возможность накопления опыта деятельностного проявления, характерного для данного профессионального сообщества: сведение к минимальному обязанностей, не соответствующих выбранной профессии и занимаемой должности.

Индикатором успеха первого этапа может выступать публичное вознаграждение сотрудника (материальное поощрение или моральная поддержка в виде кредита доверия). В результате идентифицируется «личность специалиста» в системе связей коммуникативной среды.

Второй этап: мобильно-конструктивный, выявляющий осознание собственного успеха и его доли в общем деле. Диапазон восприятия взаимодействий в коммуникационной среде расширяется.

Эффективные условия реализации данного этапа (по работам Т. Ю. Базарова, А. И. Савенкова, Д. В. Фурсовой и др.):

2.1. Возможность для рядового персонала временного или разделенного лидерства разной степени длительности для закрепления собственной значимости.

2.2. Повышение квалификации или переподготовка в идее расширения профессиональных или карьерных горизонтов.

2.3. Низкая ориентация руководства на утвердившийся в окружении «стереотип» успеха в организации при признании уникальности вклада каждого сотрудника.

Успешность данного этапа во многом определяет увеличение доходов персонала.

Третий уровень: креативно-инновационный, с творческим видом активности в профессиональной деятельности. В коммуникативной среде личное мнение специалиста имеет вес.

Продуктивные условия (по работам Р. В. Козьякова В. Л. Редина, А. И. Савенкова и др.):

3.1. Возможность роли наставника или креативного лидера как ответственного за авторские проекты.

3.2. Административная поддержка лоббирования и популяризации идей персонала.

3.3. Занятие более высокой должности.

План этапа связан с творческой модификацией профессиональных идей, а индикатор успеха – карьерный рост и уникальный (возможно, инновационный) профессиональный авторский продукт.

В продолжение нашего теоретического исследования мы попросили молодых специалистов-выпускников и работающих студентов Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка (возраст 19–23 года) оценить выделенные условия по 10-бальной шкале с точки зрения важности для успешного профессионального маршрута и удовлетворенностью их реализации на практике с учетом собственного опыта и мнения коллег по работе (по методике Л. Ю. Помыткиной, С. Г. Сапегинной, А. П. Татарина [4]). Обращение к молодежи определилось тем, что именно молодое поколение наиболее чувствительно ко всем организационным движениям и максимально ориентированно на свое профессиональное будущее.

Полученные результаты не могут претендовать на однозначность толкования в силу небольшой выборки, но в целом ориентируют на проблемы и перспективы в сфере образования. Данные опроса респондентов (n=72; сентябрь 2024) представлены в карте восприятия (таблица 1).

Таблица 1 – Карта-восприятия оценки условий реализации этапов в профессионального маршрута респондентами

Зона восприятия	Нумерация условия (согласно перечня в публикации)	Оценка по критерию “важность”	Оценка по критерию “удовлетворенность”
А	1.3	8	6,7
	2.2	7,8	7
	3.3	8,8	6,8
Б	1.1	7,6	6
	2.3	6,5	5,7
	3.1	7,6	6
	2.1	7	5,7
С	1.2	7,7	5,6
	3.2	8,3	5,6
Средний балл		7,7	6,1

Согласно карте восприятия, представленной в таблице 1, условия зоны А молодежь воспринимает как важные и удачно реализуемые в практике образования. Это ситуации в коммуникативной среде организации, связанные с возможностью деятельностного проявления, с актуальным повышением квалификации, с перспективой занятия высокой должности.

В зоне Б оказались условия, не совсем важные с точки зрения респондентов, и не вполне «просматриваемые» в реализации на практике. Это присутствие в окружении авторитетного и увлеченного работой профессионала, отсутствие стереотипов в коммуникативной среде, возможность наставничества и реализации авторских проектов. Также здесь

оказалось условие разделенного лидерства, на которое респонденты недостаточно обратили внимания с позиции важности, и посчитали это условие «неуспешным» на практике. В связи с этим отметим, что на сегодняшний момент методика разделенного лидерства является достаточно спорной для эффективного воплощения на практике, и, прежде всего, на наш взгляд, в связи с высокой персональной ответственностью формального лидера (руководителя). Временной прессинг в организации также порой не дает возможность разделенного лидерства. Тем не менее, обращаем внимание на перспективность данной методики при хорошем понимании основ ее внедрения [5].

Наиболее пристального внимания заслуживают условия зоны С как важные с точки зрения респондентов, но плохо реализуемые на практике. Это наличие современных и доступных материальных ресурсов и административная поддержка идей. При очевидности высоких запросов к первому из этих условий, отметим, что второе во многом связано с условием разделенного лидерства и в целом предполагает хорошо продуманный менеджмент двух встречных направлений в организации: механизм донесения идей «снизу» до руководства и механизм оперативного реагирования. Согласно исследованиям С. Исмаила, Ю. ван Гееста, М. Мелоуна, Р. Семлера, пути решения данной проблемы заключаются в формировании организационных моделей коммуникативной среды, предполагающих оперативные пиринговые платформы взаимодействия сотрудников. Такие платформы (от англ. *peer-to-peer* – равный к равному) могут включать, например, открытые новостные ленты для всего персонала (а не только для руководителей), удачно сформированные интерфейсы для удобной навигации информационных потоков, привлечение широкого сообщества (в т.ч. внештатных специалистов) для разгрузки основного персонала, игрофикацию для раскрепощения инициативы сотрудников [6].

Заключение. Таким образом, ценность консолидации мнений и идей при постоянном стремлении к экономии времени и ресурсов в современной динамике жизни ориентирует менеджмент на пристальное внимание к продумыванию профессионального маршрута персонала. Важным ключом в решении данной проблемы предлагаем считать ориентир на предлагаемые нами этапы-установки при постоянном внимании к перспективе молодых кадров в профессиональном (и карьерном) росте в организации.

Список использованных источников:

1. Гербер, В. Х. Построение коммуникативной среды организации, способствующей адаптации сотрудников [Электронный ресурс] // В. Х. Гербер, Д. И. Кременко, Ю. А. Чукина. – Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. – 2015. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/postroenie-kommunikativnoy-sredy-organizatsii-sposobstvuyuschey-adaptatsii-sotrudnikov/viewer>. – Дата доступа : 10.09.2024.

2. Островская, А. А. Развитие отношений акторов в партисипативном менеджменте идей (модель-предписание) / А. А. Островская // Нар. асвета. – 2021. – №4. – С.3–7.

3. Прохорова, М. В. Опросная методика «Планирование профессионального пути» как инструмент научных и прикладных исследований [Электронный ресурс] // М. В. Прохорова, А. В. Савичева. – Вестник Высшей школы. – 2022. – № 12. – С.38-45.

4. Помыткина, Л. Ю. Сравнение разных подходов в оценке удовлетворенности клиентов [Электронный ресурс] / Л. Ю. Помыткина, С. Г. Сапегина, А. П. Татаринцов // Вопросы экономики и управления. – 2017. – №2. – С. 54–59.

5. Островская, А. А. Проектный менеджмент в учреждениях общего среднего образования: распределенное лидерство / А. А. Островская // Нар. асвета. – 2020. – № 8. – С.3-7.

6. Взрывной рост: почему экспоненциальные организации в десятки раз продуктивнее вашей (и что с этим делать) : [перевод с английского] / Салим Исмаил, Майкл Мэлоун, Юри ван Геест. – М. : Альпина Паблишер, 2017. – 391 с.

УДК 379.82:316.663-053.9

ОРГАНИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЖИЛЫХ ГРАЖДАН

Е. Н. Ставрова, И. В. Шабашёва

Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова

(e-mail: stavrova.lizochka@mail.ru; inna30-05@mail.ru)

Аннотация. В данной статье рассмотрены основные формы организации досуга пожилых граждан на базе ГУ «Территориальный центр социального обслуживания населения Первомайского района г. Витебска». Выявлена степень участия пожилых граждан в активной и общественной деятельности.

Ключевые слова: культурно-досуговая деятельность, пожилые граждане, жизненная активность пожилых граждан, клубная и кружковая деятельность.

ORGANIZATION OF CULTURAL AND RECREATIONAL ACTIVITIES FOR ELDERLY CITIZENS

E. N. Stavrova, I. V. Shabasheva

Vitebsk, VSU named after P. M. Masherov

Abstract. This article discusses the main forms of organizing leisure time for older citizens on the basis of the State Institution «Territorial Center for Social Services for the Population of the Pervomaisky District of Vitebsk». The degree of participation of older citizens in active and social activities has been revealed.

Key words: cultural and leisure activities, senior citizens, vital activity of senior citizens, club and circle activities

В настоящее время организация культурно-досуговой деятельности пожилых людей является неотъемлемым аспектом социальной работы по улучшению качества жизни граждан, перешагнувших за черту пожилого возраста [1]. Приобретает актуальность проблема стимулирования и поддержания оптимального уровня жизненной активности граждан пожилого возраста. В первую очередь, эта проблема обусловлена тем, что в старости происходят изменения социального статуса и образа жизни пожилого человека, сужается круг социальных связей, появляется избыток свободного времени и неорганизованного досуга, что, как правило, приводит к возникновению разнообразных социально-психологических проблем [2, с. 57].

Решению проблемы пожилых людей способствует клубная и кружковая деятельность. Важность в социальной работе с пожилыми людьми следует обращать особое внимание на организацию их творческого и содержательного досуга. Культурно-досуговая деятельность помогает в решении многих социальных проблем пожилых людей: способствует включению данной категории граждан в общественную жизнь, стирает границы между их способностями, а также транслирует и прививает культурные ценности, нормы и традиции [3].

Материал и методы. Исследование было проведено на базе ГУ «Территориальный центр социального обслуживания населения Первомайского района г. Витебска» в форме анкетирования. Анкета включала вопросы закрытого характера. Выборка: 57 граждан в возрасте 65–76 лет; из них: 37 женщин, 20 мужчин.

Результаты и их обсуждение.

Деятельность всех культурно-досуговых и общественных объединений, функционирующих на базе ГУ «Территориальный центр социального обслуживания населения Первомайского района г. Витебска» (далее Центр) по работе с пожилыми гражданами, имеет направления на активизацию внутреннего потенциала каждого пожилого человека, создание положительного образа пожилого гражданина, расширение круга общения пожилых людей, организацию разностороннего досуга пожилых людей с учетом их индивидуальных потребностей и интересов, создание благоприятных условий для саморазвития творческих способностей пожилых людей, удовлетворение их познавательных интересов, восстановление психоэмоционального и физического состояния.

В Центре функционируют различные виды кружков, осуществляющие деятельность с лицами пожилого возраста по повышению их социальной активности:

1. Кружок декоративно-прикладного искусства «Фантазия». Деятельность кружка направлена на ознакомление граждан пожилого возраста с историей и современными направлениями развития декоративно-прикладного творчества, с технологиями различных видов рукоделия.

2. Музыкально-театральная студия «Забава». Деятельность объединения направлена на развитие творческих способностей лиц пожилого возраста.

3. Кружок компьютерной грамоты. Его деятельность направлена на формирование компьютерной грамоты лиц пожилого возраста.

4. Кружок двигательной активности «Азбука здоровья». Деятельность объединения направлена на развитие двигательных качеств лиц пожилого возраста, на формирование физического развития, совершенствования ритмичных движений с элементами танца и гимнастики.

5. Кружок шитья и мягкой игрушки «Уютный мир». Деятельность кружка направлена на развитие творческих способностей лиц пожилого возраста, на развитие моторики рук.

6. Кружок «Кулинария и вкус». Деятельность объединения направлена на развитие коммуникационной культуры в процессе приготовления блюд, обмена рецептами, приготовленными кондитерскими изделиями.

7. Кружок «Вокалотерапия» (использование музыки в релаксационных воздействиях на граждан пожилого возраста, обучение простым элементам музыкальной грамотности) [4].

Кроме того, в Центре действует 3 клуба: «Мы вместе», «Забота», «Школа духовного возрождения». Реализация идеи данных клубов направлена на развитие духовной культуры граждан пожилого возраста, повышение их эмпатичных способностей, на развитие коммуникативных навыков [4].

Пожилые граждане, находящиеся на обслуживании в ГУ «Территориальный центр социального обслуживания населения Первомайского района г. Витебска», участвуют в различных формах добровольческой деятельности. Наиболее распространенной формой добровольческой деятельности граждан пожилого возраста является помощь родителям детей-инвалидов. Лица пожилого возраста помогают родителям ребенка с ограниченными возможностями гулять с ребёнком, сходить за элементарными покупками в магазин, просто побеседовать с матерью (отцом) ребенка. При беседе со специалистом по социальной работе Отделения социальной помощи на дому выяснилось, что все родители, в чьи семьи приходили добровольцы, довольны сотрудничеством, родители испытывали только положительные эмоции.

Еще одной формой добровольческой деятельности пожилых граждан является оказание помощи одиноким нетрудоспособным гражданам (помощь в уборке жилого помещения, помощь в доставке продуктов питания, вещей первой необходимости, помощь в самообслуживании). В условиях Центра сформирована база волонтеров (добровольцев). Формирование базы волонтеров является необходимым элементом для выстраивания системной работы добровольческого объединения. В базе содержатся данные обо всех волонтерах, которые участвуют в той или иной добровольческой деятельности.

Для того, чтобы выявить степень участия пожилых граждан в активной и общественной деятельности, нами было проведено анкетирование.

В ходе анализа деятельности специалистов Центра и проведения анкетирования, мы пришли к следующим результатам.

Большинство респондентов (56 %) поддерживают позицию, что в пенсионном возрасте быть активным – это участвовать в общественной жизни, поддерживать социальные связи и принимать участие в различных мероприятиях и активностях.

На вопрос «Как часто Вы посещаете мероприятия вне дома», большинство опрошенных ответили: один-два раза в неделю – 46 %, один-два раза в месяц – 37 %, один-два раза в полгода – 13 %, один-два раза в год – 4 %. Соответственно, большинство респондентов активно посещают мероприятия вне дома. Те респонденты, которые один-два раза в неделю посещают мероприятия вне дома, могут оставаться частью общества и продолжать вносить свой вклад в него. Это может помочь сохранить чувство участия и значимости, а также помочь им оставаться активными гражданами.

Большая часть опрошенных (88 %) пользуются мобильными телефонами, участвуют в общении в социальных сетях, активно занимаются поиском информации в сети Интернет, тогда как 12 % респондентов не пользуются мобильными телефонами и не пользуются услугами сети Интернет.

Среди наиболее востребованных форм проведения свободного времени респонденты определили следующие: проводят время с семьей, родственниками – 35 %, читают книги, газеты, журналы – 20 %, смотрят телевизор – 21 %, общаются с друзьями – 13 %, посещают кружки в учреждении социального обслуживания – 11 %. Таким образом, большинство респондентов предпочитают проводить свое свободное время с семьей, обуславливая это тем, что испытывают сильную эмоциональную связь родными и высоко ценят время, проведенное с ними.

При ответе на вопрос «Какие изменения произошли в Вашей жизни с началом посещения отделения дневного пребывания для пожилых граждан (далее ОДПП)?», варианты ответов распределились следующим образом: улучшилось настроение и общее самочувствие – 21 %, расширился круг знакомств – 70 %, появилась возможность заниматься любимым делом – 9 %. Соответственно, большинство опрошенных довольны тем, что у них появилась возможность приобретать новые знакомства, расширять общественные связи.

В отделение дневного пребывания для пожилых граждан 25 % опрошенных привела потребность в общении и возможность познакомиться с людьми, тогда как 25 % опрошенных пригласили знакомые и соседи, а 30 % опрошенных пришли в Центр, чтобы поделиться своими знаниями и умениями, 10 % – желание быть в центре событий, 10 % – возможность отвлечься от домашних дел. Соответственно, большинство опрошенных начали посещать ТЦСОН в целях реализации потребности в общении и по совету знакомых, соседей.

Среди наиболее важных аспектов деятельности Центра респонденты выбрали: близость к дому – 33 %, удобное расписание работы – 28 %, хорошие преподаватели, качественно ведущие занятия – 15 %, техническое оснащение и качественный ремонт – 8 %, интересные занятия, дружный коллектив – 12 %, положительные отзывы знакомых – 4 %. Соответственно, большинство опрошенных отмечают интересные занятия, удобное расписание работы, качественный ремонт и хорошее материальное оснащение.

Так, 69% опрошенных готовы принимать участие в добровольческой деятельности, но не имеют опыта в ней и не имеют достаточной информации о ее назначении и организации. Среди видов волонтерства, в которых респонденты хотели бы принимать участие, названы: социальное волонтерство – помощь детям-инвалидам (участие в помощи родителям, воспитывающих детей-инвалидов, оказание безвозмездной помощи в виде сиделки) – 40 %; экологическое волонтерство (помощь заповедным территориям, животным, озеленение, раздельный сбор отходов, экологическое просвещение и т.д.) – 35 %; спорт и туризм (добровольческая) деятельность, связанная с участием в организации и(или) проведении физкультурных и спортивных мероприятий, популяризации спорта и пропаганда здорового образа жизни – 15 %; просвещение граждан (проведение бесед, лекций в Центре) – 10 %).

Среди причин неучастия граждан в добровольческих объединениях респонденты выбрали: негативные установки в отношении старости и возможности активного участия пожилых в жизни общества – 45 %; неготовность помогать другим, страх – 10 %; несовершенство механизмов вовлечения в данную деятельность – 10 %; отсутствие системной подготовки и поддержки волонтеров и отсутствие информации о возможности участвовать в волонтерской деятельности (20 %); негативный опыт участия и последующее разочарование – 15 %. Соответственно, большинство опрошенных выделили среди причин неучастия граждан в добровольческой деятельности неготовность помогать другим.

Далее представим ответы на вопросы о мнении респондентов относительно работы Центра. Так, 75 % опрошенных оценивают работу ОДПП центра как хорошую и отличную (20 % и 55 % соответственно), тогда как удовлетворительно оценивают работу учреждения 35 % респондентов. Соответственно, большинство опрошенных удовлетворены работой ОДПП. В качестве действия или меры, которые могли бы побудить пожилых людей к более активному посещению ОДПП Центра, респонденты отметили: разработать поощрительные меры для участников мероприятий – 35 %, разработать средства наглядной агитации – 25 %, организовывать экскурсионные туры по интересным местам Беларуси – 15 %, обеспечить занятия качественным раздаточным материалом – 25 %.

Таким образом, проанализировав данные, полученные при анкетировании, мы выявили, что большинство опрошенных участвуют в активной жизни, включая клубную и кружковую деятельность. Определенное число опрошенных считает себя социально активными гражданами. Среди представите-

лей пожилого возраста есть и те, выход на пенсию у которых связан с появлением свободного времени, возможности уделять больше времени себе и семье. Большинство опрошенных лиц пожилого возраста, посещающих отделение дневного пребывания пожилых граждан, отметили высокий профессионализм сотрудников учреждения, хорошее материальное оснащение и качественный ремонт. Все респонденты (но с различной периодичностью) посещают культурные места города (библиотеки, музеи, парки отдыха). Большая часть респондентов готовы к осуществлению общественной деятельности в виде добровольческой. Однако, среди них есть и такие представители пожилого возраста, которые не проявляют активной жизненной позиции, не готовы активно участвовать в общественной деятельности.

Заключение. В условиях ГУ «Территориальный центр социального обслуживания населения Первомайского района г. Витебска» (далее Центр) вся работа, которая проводится с пожилыми гражданами с целью вовлечения их в культурно-досуговую и общественную деятельность основывается на принципах достоинства, участия, реализации, ухода, независимости. Кружковые и клубные формы досуговой деятельности, реализуемые в Центре, помогают пожилым людям отвлечься от насущных проблем, снять напряжение, найти единомышленников, найти способы творческого самовыражения, почувствовать физическое и психологическое удовлетворение, сформировать эмпатию. Все мероприятия, проводимые в учреждении социального обслуживания граждан пожилого возраста, направлены на приобщение пожилых людей к творческой деятельности. Люди этого возраста с удовольствием участвуют в художественных кружках и коллективах: вокальных и музыкальных, в театрах и студиях, в клубах гармонистов. Они занимаются живописью, флористикой, декоративно-прикладным творчеством, учатся шитью, вязанию, изготовлению мягкой иглы. Если говорить о формах реализации данного вида, то, несомненно, первое место принадлежит любительским объединениям, организации культурно-просветительских мероприятий.

Список использованных источников:

1. Караева, А. К. Досуговая деятельность пожилых людей / А. К. Караева [Электронный ресурс]. – URL: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018006853/> (дата обращения: 18.07.2024).
2. Куликова, Н. А. Организация клубов общения для граждан пожилого возраста в контексте реализации модели активной старости / Н. А. Куликова, М. Н. Самарина // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 385. – С. 57-61.
3. Воробьева, И. В. Роль культурно-досуговой деятельности в процессе социализации лиц с ограниченными возможностями (на примере общества глухих) / И. В. Воробьева // Профессиональная подготовка специалистов социальной и образовательной сфер в условиях трансформации современного общества : проблемы и перспективы : материалы международной научно-практической конференции. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2005. – URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/16697>.
4. Официальный сайт Территориального центра социального обслуживания населения Первомайского района г. Витебска. – URL: <https://tcon-help.by/> (дата обращения: 23.09.2024).

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ В УСЛОВИЯХ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

С. В. Ясечко

Мозырь, МГПУ имени И. П. Шамякина
(e-mail: snejana1003@gmail.com)

Аннотация. В статье затрагивается проблематика формирования гражданской компетенции будущих педагогов в условиях высшей школы. Подчеркнуто значение новой компетентностной парадигмы образования в формировании гражданской компетенции будущих педагогов. Представлены различные позиции авторов, раскрывающие проблемный аспект исследуемого феномена. Выделены основные компетенции на которых базируется гражданская компетенция; обозначены факторы и условия способствующие эффективному формированию гражданской компетенции будущих педагогов в условиях высшей школы. Проблема формирования гражданской компетенции будущих педагогов выступает как важная задача современной образовательной системы вообще и высшего образования в частности, предполагающая определенные сложности.

Ключевые слова: гражданская компетенция, компетенция гражданственности, факторы, педагогические условия, будущие педагоги, высшая школа

THE PROBLEM OF THE FORMATION OF CIVIC COMPETENCE OF FUTURE TEACHERS IN THE CONDITIONS OF HIGHER EDUCATION WHERE

U. V. Yasechko

Mozyr, MSPU named after I.P. Shamyakin
(e-mail: snejana1003@gmail.com)

Abstract. The article touches upon the problems of the formation of civic competence of future teachers in the conditions of higher education. The importance of the new competence paradigm of education in the formation of the civic competence of future teachers is emphasized. Various positions of the authors are presented, revealing the problematic aspect of the phenomenon under study. The main competencies on which civil competence is based are highlighted; the factors and conditions contributing to the effective formation of civil competence of future teachers in higher education are identified. The problem of forming the civic competence of future teachers acts as an important

task of the modern educational system in general and higher education in particular, which involves certain difficulties.

Keywords: civil competence, competence of citizenship, factors, pedagogical conditions, future teachers, higher education.

Современная система гражданского образования, отвечающая всем потребностям белорусского общества, находится в состоянии своего формирования. В связи с этим, системе образования необходимо определить наиболее эффективные пути формирования не только профессиональной зрелости студентов – будущих педагогов, но и воспитания у них гражданской культуры и социальной активности, готовности к гражданскому воспитанию в своей будущей деятельности.

Сегодня, чтобы соответствовать современным требованиям жизни общества, будущему выпускнику педагогического вуза необходимо не только постоянно совершенствовать себя и свою жизнедеятельность, но и быть ориентированным на совершенствование профессиональной деятельности. Важным условием и средством такого развития и саморазвития личности будущего педагога является образование. Современная система образования все больше становится интегрированной, многоуровневой и многоступенчатой, подразумевающей новые, дополнительные возможности по обучению, личностному и профессиональному развитию.

Материал и методы. В проведенном исследовании рассмотрен феномен гражданской компетенции будущих педагогов в условиях высшей школы, представлены различные компетенции, факторы и педагогические условия, направленные непосредственно на формирование гражданской компетенции будущих педагогов. Методологической основой исследования являются публикации российских и белорусских авторов, посвященные феномену гражданской компетенции. При проведении исследования использовались общенаучный, диалектический, сравнительный, аналитический методы.

Результаты и их обсуждение. В настоящее время в высшей школе наиболее востребованной является новая компетентностная парадигма образования. Результатом подготовки специалиста в высшем учебном заведении, ориентируясь на нормативные документы в области образования, должны стать сформированные образовательные компетенции у выпускников вузов. Значительная часть исследователей рассматривающая проблемы высшего образования именно с компетентностным подходом связывает перспективы развития высшей школы и возможности разрешения имеющихся противоречий (Н. В. Дроздова, А. И. Жук, О. Л. Жук, А. П. Лобанов, Н. Н. Кошель, Н. В. Кухарев, А. В. Макаров и др). С этим нельзя не согласиться, поскольку именно компетенции объединяют воедино общественный и личностный смысл образования, позволяют готовить в высшей школе социально адаптированных специалистов. Важным услови-

ем такой социальной адаптации выступает наличие сформированной гражданской компетенции как важной составляющей профессиональной подготовки будущего педагога.

Существуют различные точки зрения на смысловое наполнение понятия «гражданская компетенция», представленные в некоторых официальных документах и трудах Л. Н. Боголюбова, Е. Е. Вяземского, С. Н. Захаровой, Г. А. Овчинникова, Л. В. Оринина, З. С. Мазыр, В. Ш. Масленниковой, Н. С. Попова, И. Д. Фрумина.

Так, в письме Минобразования России «О гражданском образовании общеобразовательных учреждений Российской Федерации» отмечается, что гражданская компетенция – это совокупность готовности и способностей, позволяющих личности активно и эффективно реализовывать весь комплекс гражданских прав и обязанностей в демократическом обществе, применять свои знания и умения на практике [6, с. 19].

Л. Н. Боголюбов, Н. С. Попов рассматривают гражданскую компетенцию через реализацию социальных ролей (гражданина, избирателя) [1; 9]. Исходя из данного понимания гражданской компетенции, реализация социальной роли гражданина предполагает развитие способности осуществлять свободный выбор содержания своей жизнедеятельности, в соответствии с данной ролью.

Заслуживает внимания представленная И. А. Зимней классификация компетенций, в которой упоминаются компетенции гражданственности. Автор включает в их содержание знания и соблюдение прав и обязанностей гражданина; свободу и ответственность, уверенность в себе, собственное достоинство, гражданский долг; знание и гордость за символы государства (герб, флаг, гимн) [4, с. 18]. Такая трактовка позволяет считать, что любой гражданин цивилизованного государства должен уважать, уметь защищать и отстаивать свои права, а также не нарушать права других людей.

Более широкое понимание гражданской компетенции представлено Г. А. Овчинниковым. Исследователь называет ее компетенцией, обеспечивающей гражданскую зрелость, и включает в ее содержание следующие компоненты: гражданскую грамотность, правовую культуру, готовность и способности к общению и межличностному взаимодействию [7, с. 4].

Современные исследователи проблем гражданского воспитания Е. Е. Вяземский и И. Д. Фрумин определяют гражданскую компетенцию как умение слушать, интерпретировать, ставить себя на место другого человека; как способность включать гражданско-правовые нормы в свой мир, умение принимать данные нормы [2]. Основная идея этих авторов состоит, в том, что гражданину для продуктивной жизни в обществе не достаточно только коммуникативных умений, важно наличие внутренней готовности выстраивать отношения с государством и другими людьми, основываясь на гражданско-правовых нормах. Подобная точка зрения значима

в контексте проблемы формирования гражданина и гражданской компетенции в современном обществе.

Белорусский автор С. Н. Захарова рассматривает «гражданские компетенции как потенциал личности, который основан на гражданских ценностях, личностной направленности, знаниях в сфере прав и свобод человека и гражданина и опыте гражданского поведения, приобретенных учащимися в процессе обучения, и выражается в мобилизации гражданином полученных знаний и опыта в конкретной ситуации» [3, с. 91].

Представленные позиции в отношении содержания понятия «гражданская компетенция» позволяют выделить общее в понимании данной категории применительно к будущим педагогам: гражданские знания и умения, позволяющие действовать в различных сферах общества; готовность участвовать в демократических процедурах и реализовывать свои права и обязанности; это совокупность знаний, умений и навыков, которые необходимы для выполнения конкретной работы в профессиональной деятельности.

Гражданская компетенция основывается на различных компетенциях и навыках, которые должны помогать будущим педагогам успешно функционировать в обществе, проявлять себя в профессиональной сфере и решать задачи различной направленности и сложности. Среди основных компетенций, на которых базируется гражданская компетенция, можно выделить следующие:

- *социальная компетенция* – умение эффективно взаимодействовать с окружающими людьми, налаживать контакты, решать конфликты;

- *коммуникативная компетенция* – способность ясно и эффективно выражать мысли, слушать и понимать других, умение аргументировать свою точку зрения;

- *культурная компетенция* – знание и понимание культурных особенностей и ценностей, умение уважать различия и находить общий язык с представителями других культур;

- *профессиональная компетенция* – способность выполнять задачи в рамках своей профессии, иметь необходимые знания и навыки для успешной деятельности;

- *адаптивная компетенция* – умение эффективно адаптироваться к изменяющимся условиям, решать проблемы, быстро учиться новому;

- *эмоциональная компетенция* – умение понимать и управлять своими эмоциями, а также эмпатия к эмоциональным состояниям других людей. Это помогает строить здоровые отношения, решать конфликты и общаться эффективно;

- *этическая компетенция* – умение различать правильное и неправильное, проводить моральные оценки своих действий и действий других людей, соблюдать нормы этики и законы общества;

– *креативная компетенция* – способность генерировать новые идеи, находить нестандартные решения проблем, развивать инновационные подходы к профессиональным задачам.

В целом гражданская компетенция предполагает комплексный набор умений, который помогает будущим педагогам быть не только активным участником гражданского общества, но и что особенно значимо продуктивно взаимодействовать в дальнейшем с учащимися, транслируя сформированные умения и навыки гражданской направленности. Также все эти компетенции совместно образуют основу гражданской компетентности будущих педагогов, позволяя им успешно интегрироваться в профессиональную среду, развиваться личностно и достигать поставленных целей.

Формированию гражданских компетенций будущих педагогов способствует совокупность определенных факторов, направленных на закрепление активного включения личности в процесс познания. К факторам, способствующим формированию гражданской компетенции учащихся, и соответственно будущих педагогов, ученые Л.Н. Боголюбов, И.А. Зимняя относят образование (в частности, гражданское образование), культуру, политику, воспитание в семье, средства массовой информации, сообщество [1; 5]. Формирование гражданской компетенции зависит от влияния совокупности вышеуказанных факторов, и данный процесс будет эффективным при создании определенных педагогических условий.

Под педагогическими условиями в научной литературе понимают систему воспитания и обучения учащихся, цели педагогического процесса, управление учебно-познавательной деятельностью учащихся [8]. В педагогической науке и практике различные условия формирования гражданской компетенции учащихся рассмотрены в работах Г. Я. Гревцевой, Н. М. Воскресенской, А. Н. Иоффе, В. П. Пахомова, Я. В. Соколова, М. А. Шкробовой, С. Шехтер.

Отметим следующие педагогические условия, способствующие эффективному формированию гражданской компетенции у будущих педагогов в условиях высшей школы:

- повышение и реализация воспитательного потенциала социально-гуманитарных дисциплин, реализующих подходы гражданского воспитания;
- развитие значимой гражданской деятельности будущих педагогов, педагогическая поддержка молодежных общественных объединений, акцентирование внимания обучающихся на самостоятельной работе как инструменте в формировании собственных гражданских представлений и позиций;
- реализация возможностей образовательного пространства вуза в развитии гражданских качеств будущих педагогов, выступающих компонентами гражданской компетентности.

Итак, совершенствование процесса формирования гражданской компетенции у будущих педагогов базируется на различных компетенциях,

факторах и педагогических условиях, направленных непосредственно на формирование гражданской компетенции будущих педагогов.

Заключение. Формирование гражданской компетенции – важная задача современной образовательной системы вообще и высшего образования в частности. Проблема состоит в том, что формирование гражданской компетенции среди будущих педагогов имеет свои сложности по нескольким причинам: во-первых, современное общество сталкивается с недостаточно высоким уровнем гражданской активности и осведомленности, что создает трудности в процессе формирования гражданской компетенции у будущих педагогов. Студенты не всегда обладают достаточным пониманием своих прав и обязанностей как граждан, а также не способны к анализу социальных проблем и участию в общественной жизни; во-вторых, формирование гражданской компетенции требует комплексного подхода, который включает в себя не только усвоение учебных программ, но и практическое обучение, стимулирование общественной активности и развитие навыков межличностного взаимодействия.

Гражданская компетенция является одной из ключевых социальных и профессиональных компетенций будущих педагогов, поэтому вопросы ее формирования требуют особого внимания современного образования вообще и вузовского в частности. Результатом образовательного процесса в современной высшей школе должен стать выпускник-педагог, у которого сформированы все необходимые компетенции.

Список использованных источников:

1. Боголюбов, Л. И. Базовые социальные компетенции в курсе обществоведения // Преподавание истории и обществознания в shk. – 2002. – № 9. – С. 22-33.
2. Вяземский, Е. Е. Гражданское образование школьников: поиски перспективных подходов // Дидактика. – 1996. – № 6. – С. 9.
3. Захарова, С. Н. ...Но гражданином быть обязан (основы гражданского образования). Методические рекомендации / Под научн. ред. О. Л. Жук. – Минск, 2003. – 93 с.
4. Зимняя, И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата современного образования / И. А. Зимняя // Компетенции в образовании: опыт проектирования: сб. науч. тр. / Под ред. А. В. Хуторского. – М. : ИНЭК, 2007. – С. 33-45.
5. Зимняя, И. А. Социальная работа как профессиональная деятельность // Социальная работа / отв. ред. И. А. Зимняя. Вып. № 2. – М., 1992. – С. 34-42.
6. О гражданском образовании общеобразовательных учреждений Российской Федерации: (инструктив. Письмо МО РФ от 15.01.2003 г. № 13-51-08/13) // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2003. – № 6. – С. 16-24.
7. Овчинников, Г. А. Компетенции гражданина / Г. А. Овчинникова // Граждановедение. – 2003. – № 15. – С. 4.
8. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад ; редкол.: М.М. Безруких и др. – М.: Большая рос. энцикл., 2002. – 527 с.
9. Попов, Н. С. Гражданское воспитание в системе внеклассной работы: дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Н. С. Попов. – Москва, 2004. – 196 с.

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ
ВОЗРОЖДЕНИЯ СЕЛЬСКИХ РАЙОНОВ В КНР**

Чжоу Хунвей

Университет Худжоу (КНР)

(e-mail: 491840301@qq.com)

Аннотация. В статье проанализировано состояние профессионально-технического образования в отдалённых сельских районах КНР. Подчёркивается, что возрождение села, особенно в сравнительно слабо развитых регионах Китая, является важной стратегической задачей социально-экономического развития на современном этапе. Оптимизация сельской промышленной структуры и повышение качества жизни сельских жителей невозможно без наполнения сельских районов высококвалифицированными кадрами. Делается вывод, что возрождение и развитие сельских районов зависит от развития профессионального образования, его диверсификации, обеспечения равных возможностей в получении образования для всех граждан.

Ключевые слова: образование взрослых, профессиональное образование, развитие села, КНР.

**THE MAIN DIRECTIONS OF PROFESSIONAL
EDUCATION DEVELOPMENT IN THE CONTEXT
OF RURAL REVIVAL IN CHINA**

Zhou Hongwei,

Huzhou University

(e-mail: 491840301@qq.com)

Abstract. The article analyzes the state of vocational education in remote rural areas of China. It is emphasized that rural regeneration, especially in relatively underdeveloped regions of China, is an important strategic task of socio-economic development at the present stage. Optimization of the rural industrial structure and improvement of the quality of life of rural residents is impossible without filling rural areas with highly qualified personnel. It is concluded that the revival and development of rural areas depends on the development of vocational education, its diversification, and ensuring equal educational opportunities for all citizens.

Keywords: adult education, vocational education, rural development, China.

С ускорением урбанизации многие сельские жители предпочитают уходить на заработки или мигрировать в города, что приводит к дисбалансу в структуре сельского населения. Большинство мигрировавших – молодые жители сёл с хорошим образованием, которые могут получить больше возможностей для развития и лучшие условия для жизни в городах. Это приводит к опустошению сельской промышленной структуры и сдерживает экономическое и культурное развитие сёл. Сельская местность является важной опорой экономики Китая, и с оттоком квалифицированных кадров промышленная структура в сельской местности постепенно становится несбалансированной, некоторые традиционные сельскохозяйственные отрасли постепенно приходят в упадок, а развитие новых отраслей затрудняется. Кроме того, «утечка мозгов» в сельских районах создает серьезные проблемы для развития сельского общества, которое нуждается в квалифицированных работниках, особенно в сферах образования, медицинского обслуживания, культуры.

В настоящее время всё ещё существует много сельских районов, где экономическое развитие относительно отстает. Для таких районов характерно традиционное сельское хозяйство с недостаточным темпом экономического роста, низким доходом на душу населения и увеличивающимся разрыве между богатыми и бедными. Наблюдается дисбаланс в уровне инфраструктуры и коммунальных услуг между городскими и сельскими территориями. В городах развита транспортная, телекоммуникационная, водная и другая инфраструктура, обеспечивающая комфортные условия для жизни и работы, в то время как в сельской местности строительство инфраструктуры отстает, общественный транспорт отсутствует, что ограничивает развитие сельской местности.

Существуют также значительные различия между городскими и сельскими социальными и культурными традициями и средой. Городские районы имеют богатые культурные ресурсы и виды деятельности, богатую и яркую культурную жизнь, а также относительно открытую и разнообразную социальную среду, в то время как в сельских районах относительно консервативные культурные традиции, более закрытая социальная среда, отсутствуют условия для культурных мероприятий и обменов, что усугубляет различия в психологии и ценностях между городскими и сельскими жителями.

Возрождение сельских районов в настоящее время является важной задачей в нашей стране. В центре внимания реализации стратегии возрождения сельских районов находятся кадры. Колледжи и университеты, связанные с сельским хозяйством, играют важную роль в содействии возрождению сельских районов. В «Мнениях об ускорении возрождения сельских талантов», опубликованных Канцелярией ЦК КПК и Генеральной канцелярией Государственного совета, предлагается, чтобы

к 2025 году институциональные рамки и система политики по возрождению сельских талантов были в основном сформированы. Согласно «Плану действий по научно-техническим инновациям для возрождения сельских высших учебных заведений (2018–2022)», выпущенному Министерством образования, университеты постепенно улучшили структуру системы научно-технических инноваций в течение пяти лет, укрепили научно-техническую систему поддержки талантов и значительно повысили инновационную способность и качество обслуживания сельских учреждений возрождения.

Ключевые задачи включают действия по поддержке научных исследований, действия по исследованию технологических инноваций, действия по обучению талантов и повышению их качества, действия по продвижению достижений и преобразований. Все эти действия направлены на воспитание команды профессионалов сельского хозяйства, любящих сельскую местность.

Важная роль по подготовке специалистов для села отведена профессиональным школам. Целью профессионального образования является развитие практических способностей и технических навыков обучающихся, что в значительной степени соответствует потребностям сельской экономики. В связи с корректировкой экономической структуры сельских районов и растущей модернизацией промышленности, потребность в квалифицированных кадрах для развития новых отраслей сельского хозяйства возрастает с каждым днём. Удовлетворить эти потребности может только профессиональное образование, которое по сравнению с традиционным образованием, уделяет больше внимания развитию практических способностей и делает акцент на применении того, что было изучено. Профессиональное образование с его узконаправленной и гибкой моделью обучения готовит специалистов с конкретными навыками и знаниями в соответствии с потребностями различных отраслей хозяйства.

Однако в условиях нынешнего развития дуальной структуры городских и сельских территорий существует очевидный разрыв в образовательных ресурсах между городскими и сельскими районами. Высококачественные учреждения профессионального образования в большей степени сосредоточены в городских районах, в то время как сельские районы сталкиваются с проблемой нехватки не только оборудования, но и квалифицированных преподавателей. Одним из ключевых мер по решению этой проблемы является создание механизма комплексного развития города и села и содействие симбиозу и совместному росту профессионального образования, что будет способствовать возрождению села.

В процессе энергичного продвижения концепции «интеграции промышленности и образования» профессиональные колледжи углубляют интеграцию промышленности и образования с учетом местной сельской

промышленной структуры и её особенностей. Это укрепление коммуникации и координации между промышленностью и образовательными учреждениями. Например, создание отраслевых образовательных комитетов или связанных с ними учреждений с участием отраслевых экспертов и представителей учебных заведений для совместной разработки соответствующих стандартов учебных программ, учебных планов и практических проектов, обеспечения того, чтобы содержание профессионального образования, связанного с сельским хозяйством, соответствовало реальным потребностям отрасли.

Правительство регионов поощряет промышленные предприятия к активному участию в процессе профессионального образования. Предприятия предоставляют рабочие места и техническую поддержку студентам для прохождения практики. В последние годы укрепляется сотрудничество между промышленными предприятиями, образовательными учреждениями и научными коллективами. Образовательные учреждения активно внедряют в качестве преподавателей профессионалов с богатым практическим опытом работы в отрасли для обеспечения качества преподавания и тесной интеграции с производственной практикой.

Учебные заведения всячески поощряют своих преподавателей к реализации проектов сотрудничества с промышленными предприятиями, к применению результатов научных исследований в сельской промышленности, продвижению технологических инноваций в отрасли. В процессе подготовки талантливых специалистов университеты и колледжи, связанные с сельским хозяйством, уделяют внимание увязыванию продвижения сельскохозяйственных технологий и обслуживания «сельских жителей» с оценкой должностей и служебной аттестацией, а также совершенствуют механизм стимулирования научно-технического персонала к участию в возрождении сельских районов. Этот механизм поощряет научно-технический персонал сельского хозяйства работать на передовой в сельской местности, превращать достижения научных исследований в реальную производительность и в то же время добиваться больших успехов в деле возрождения сельских районов. Стимулирование не только повышает энтузиазм и креативность научно-технического персонала в университетах, связанных с сельским хозяйством, но и обеспечивает интеллектуальную поддержку для возрождения сельских районов.

В ответ на потребности промышленного развития сельских районов, профессиональное образование, связанное с сельским хозяйством, должно скорректировать и оптимизировать учебные программы, а также добавить специальности и курсы, отвечающие потребностям современного сельского хозяйства и нового сельского строительства. Онлайн- обучение так-же является эффективным способом повышения качества и уровня квалификации сельских жителей. Для фермеров, сельской молодежи и предпри-

нимателей, возвращающихся в свои родные города, обеспечивается систематическое профессиональное обучение через центры профессиональной подготовки. В соответствии с реальными потребностями промышленного развития села целевые учебные курсы по технологии сельскохозяйственного производства, современной технологии посадки, технологии животноводства, технологии переработки сельскохозяйственной продукции проводятся адресно, а фактические результаты ориентированы на быстрое повышение уровня квалификации слушателей, чтобы они могли быстро посвятить себя развитию сельских отраслей и удовлетворить потребности в обучении возвращающихся предпринимателей, трудовых мигрантов и сельской молодежи.

Однако, как отмечают исследователи, этого недостаточно. Правительство должно увеличить поддержку сельского образования, обеспечить рациональное распределение сельских образовательных ресурсов, увеличить инвестиции в сельское профессиональное образование, улучшить уровень строительства и условия сельских профессиональных колледжей, а также обеспечить лучшую учебную среду и образовательные ресурсы для сельских учащихся. Также нужно создавать платформы для взаимосвязи городских и сельских образовательных ресурсов, осуществлять техническое обучение сельских жителей с помощью городских учебных баз, содействовать развитию сельской промышленности и повышению технологического уровня, содействовать передаче городских образовательных ресурсов в сельские районы, поощрять совместное использование и оптимальное распределение ресурсов. Важным также является совершенствование механизма поощрения и оценки сельских кадров, который бы стимулировал преподавателей и технические кадры городских профессионально-технических училищ возвращаться в сельскую местность.

Список использованных источников:

1. Ян Юн, Вэй Вэй. Уделите основное внимание профессионально-техническому образованию, способствующему возрождению сельских талантов [Электронный ресурс] : Режим доступа : <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1800975382770808944&wfr=spider&for=pc>. – Дата доступа : 22.09.2024.
2. Чэнь Ибинь. Всесторонне возродить сельские таланты [Электронный ресурс] : Режим доступа: http://www.chisa.edu.cn/opinion/202407/t20240730_2111228451.html. – Дата доступа : 22.09.2024.
3. Чжан Аньцян. В полной мере использовать преимущества профессионального образования и точно способствовать возрождению сельских талантов [Электронный ресурс] : Режим доступа : <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1805339043555215074&wfr=spider&for=pc>. – Дата доступа : 22.09.2024.

STUDY ON THE INTERACTIVE RELATIONSHIP BETWEEN SOCIAL EDUCATION AND INDIVIDUAL PSYCHOLOGICAL DEVELOPMENT

Liu Huaying

Changji University, China

(e-mail: 1667719608@qq.com)

With the rapid development of society and the continuous innovation of educational models, the interactive relationship between individual psychological development and social education has been increasingly paid wide attention in academia and practice. As a comprehensive education process involving knowledge transmission, value shaping and behavior habit formation, social education is of great significance to promote the all-round development of individuals. In this context, exploring the interaction mechanism between social education and individual psychological development can not only provide scientific guidance for educational practice, but also deepen our understanding of the law of human psychological development. At present, although scholars at home and foreign countries have carried out a series of relevant studies, there are still few systematic and in-depth studies on the interactive relationship between social education and individual psychological development. Especially in China, due to the influence of historical and cultural traditions and the reform of educational system, the interactive relationship between social education and individual psychological development is still in its infancy. Therefore, this study aims to fill this gap and provide theoretical basis and practical guidance for optimizing educational strategies and promoting the healthy individual growth through in-depth analysis of the interactive mechanism of social education and individual psychological development.

Considering the complexity and diversity of individual psychological development, as well as the differences in social education methods, this study will collect and analyze individual data from different ages, from different backgrounds, including scale questionnaire and interview outline. By comparing and analyzing the differences of different groups in social education level, psychological development state and social support feeling, it aims to reveal the internal connection and influence mechanism between social education and individual psychological development, so as to provide reference for the construction of a more scientific and effective education system.

This study aims to explore the interaction between social education and individual psychological development, and further reveal the regulatory role of social support by analyzing the differences in the level of social education and how these differences affect their psychological development. This study has

important theoretical and practical value for promoting the healthy growth of teenagers and improving the quality of education [2].

From the theoretical point of view, this study will enrich and expand the social education theory, psychological development theory and social support theory. Through the comparative analysis of the social education level of students of different ages, it can provide empirical data support for relevant theories, and help the theories to more accurately explain the relationship between social education and individual psychological development.

From a practical perspective, the results of this study are able to provide guidance for both educators and parents. By understanding the impact of social education on the psychological development of students at different ages, educators can design educational programs that are more in line with the needs of students and promote their all-round development. At the same time, the results can also help parents realize the importance of social support in childrens psychological development, and guide parents to take a more scientific approach in family education. In short, by exploring the interactive relationship between social education and individual psychological development, and analyzing the regulatory role of social support, this study aims to provide theoretical basis and practical guidance for promoting the healthy growth of teenagers and improving the quality of education, which has important theoretical significance and practical application value.

The theory of mental development explores how individual psychology and behavior change over time from birth to adulthood and even old age. This theory has an important position in the field of psychology, because it not only explains the changes in human behavior and thinking patterns, but also provides a theoretical basis for the fields such as education and psychological counseling. Among them, Piagets theory of cognitive development, Freuds theory of psychoanalysis, Ericksons theory of psychosocial development and Vygotskys socio-cultural theory are the most famous and widely cited theories.

Piaget believes that children experience four stages of cognitive development through their interaction with the environment: sensorimotor period, pre-operational period, specific operational period and formal operational period. Each stage marks a significant leap forward in childrens cognitive abilities.

Freud emphasized the role of unconscious and sexual desire in individual psychological development, proposing five stages of psychological development: oral period, anal period, sexual period, latent period and reproductive period. He suggested that these stages have profound effects on an individuals personality and subsequent mental health.

Ericksons theory divides mental development into eight stages, each centered around a core crisis or challenge. He believes that individuals need a specific support and guidance at each stage to promote the development of their mental health [3].

Vygotsky's sociocultural theory emphasizes the role of the social environment and cultural tools (such as language and symbols) in the psychological development of the individual. He proposed the concept of "proximal development zone", arguing that individuals can be promoted to reach their potential level of development through more experienced guidance and appropriate challenges.

Although these theories have different priorities, they jointly focus on the process of individual psychological change from birth to growth, providing a multi-dimensional perspective for understanding individual psychological development. Researchers can design experiments, observations or interviews based on these theories to explore the effects of social education on individual psychological development [4].

Social support theory is a theory that studies how individuals can obtain emotional, information, material and other help through social networks. It emphasizes the important role of social support in coping with life stress, promoting mental health, and improving individual behavior patterns. This theory mainly consists of three core points: first, support can be divided into emotional support, information support and substantial support; second, the sources of support are diverse, including family, friends, colleagues, community, and third, the effect of support is affected by the close relationship between supporters, the type of support and individual needs [5].

In the study of the interactive relationship between social education and individual psychological development, social support theory provides a framework for understanding the influence of social environment on individual development. According to the social support theory, effective social support can provide necessary resources for individuals to help them better adapt to the process of social education and promote individual psychological development. For example, emotional support can enhance the individuals self-esteem and self-efficacy, information support helps the individual to acquire successful experience and strategies, while substantive support directly meets the individuals material or skill needs.

Moreover, social support is also considered as a buffer mechanism to mitigate the negative effects that may be encountered in social education. When individuals encounter challenges or difficulties in the process of social education, support from friends and relatives can help them reduce stress and enhance their ability to cope with problems, thus protecting their mental health from damage.

In conclusion, the social support theory provides an important theoretical basis for exploring the interactive relationship between social education and individual psychological development. Through in-depth study of the nature and sources of social support and its specific impact on individual psychological development, a more comprehensive understanding of the promoting role of

social education on individual growth and provides practical guidance for promoting individual mental health.

Social education covers school, family, occupation and community education, and aims to promote the all-round development of individuals, adapt to social needs, and enhance social participation and responsibility. It emphasizes the whole-person education, cultivates social skills, emotional attitudes and values, attaches importance to social interaction and experience learning, and enhances the social sense of belonging and self-efficacy through practical activities. Social education believes that a good environment is crucial to growth and advocates the establishment of a supportive social environment. With social changes, the contents and methods of social education are also being updated. Information technology is used to provide rich learning resources, pay attention to individual differences, meet different needs, and promote the personalization and diversification of education. In general, social education improves individual social adaptation, innovation ability and comprehensive quality through diversified ways, and lays a foundation for all-round development.

Individual psychological development refers to the gradual maturity process of individual psychological characteristics and abilities occurring through the interaction with the social environment and the change of internal psychological activities on the basis of their physiological growth. This process involves the development of cognition, emotion, character and other aspects, and is an important way for human beings to adapt to society and realize self-value.

1. Cognitive development: According to Piagets theory, individual psychological development has experienced the process from the sensorimotor stage to the preoperational stage, the specific operational stage and the formal operational stage. Each stage has its own specific thinking mode and problem-solving ability, and the improvement of these cognitive abilities is the basis for individuals to adapt to society, learn and create.

2. Emotional development: Individual emotional development includes emotional cognition, emotional expression, and emotional regulation. With the growth of age, individuals have a deeper understanding of emotions, which can better manage and regulate their emotions, and form a healthy emotional attitude and interpersonal relationships.

3. Personality development: Personality is a stable feature of individual behavior, emotion and way of thinking. The formation of personality is influenced by many factors such as genetics, environment and education. Individuals constantly learn and adapt in the social communication, forming a unique personality characteristics.

4. Social adaptation: An important aspect of individual psychological development is how to find their own position in the society and establish effective social relations. This requires individuals to have good social skills, such as communication skills, teamwork skills, etc. The cultivation and development of these abilities is the key to achieve social adaptation.

5. Self-realization: Maslow regards self-realization as the highest stage of individual psychological development. After meeting the basic physiological and safety needs, individuals pursue respect, love and belonging, and finally achieve the state of self-realization. This process emphasizes the development of individual potential and the realization of self-worth.

Individual psychological development is a complex and long process, which is not only affected by the internal and individual factors, but also closely related to the external environment. As important external conditions, social education and social support play a positive role in promoting individual psychological development.

Social support is crucial to individual psychological development and social education, including emotional, information, material or practical help, and can come from a variety of social relationships. Social support is divided into four categories: emotional, ritual, information and practical support, providing emotional comfort, enhancing social connections, providing advice and meeting specific needs. High levels of social support can help to improve mental health, reduce anxiety and depression, and enhance coping. It also promotes learning and cognitive development, especially in the development of teamwork, responsibility, and critical thinking. Studying the role of social support in individual psychological and social education is important for optimizing educational strategies and improving individual well-being.

This study uses a mixed methods approach combined with quantitative and qualitative research to explore the interaction between social education and individual psychological development. Through questionnaires and in-depth interviews with students of different ages, we analyzed the differences in social education level, and studied how social support regulates the relationship. The study is divided into three parts: the quantitative research using scale questionnaire, which identifies the difference in social education level; the qualitative research obtains in-depth information to explore the influence of social education and social support on individual psychological development; the comprehensive analysis integrates quantitative and qualitative results to enhance the reliability of research and explore the practical application value. The study aims to provide a multi-dimensional perspective for deeply understanding the interaction between social education and individual psychological development and provide reference for theory and practice.

A questionnaire using the Likert scale included 40 questions and aimed to capture respondents views of the relationship between social education and individual psychological development. The questionnaire design included both open and closed questions to ensure the reliability and validity of the findings. All the data were processed anonymously and were used for academic research only. The study also collected in-depth insights through interviews, which covered the basic information of the respondents, the understanding of social education, personal experience, the evaluation of social education impact, the

role of social support, the analysis of age differences, and suggestions for improvement. Data collection combines quantitative and qualitative methods to ensure comprehensiveness and depth. The questionnaire and interview outline were the main tools, and data collection followed the steps of random sampling, introducing the study purpose, issuing the questionnaire and interview outline, and collecting data. In order to ensure the reliability of data, measures such as pre-test, professional training and data audit are taken. Data processing and analysis combine quantitative and qualitative methods, statistical analysis using SPSS software, and content analysis to comprehensively explore the interactive relationship between social education and individual psychological development.

Primary school is a critical period of psychological development, and social education has a significant impact on childrens growth. The difference in social education level of primary school students are influenced by family environment, school education and personal characteristics. Different family backgrounds, children are exposed to different social resources and opportunities. Differences in resource allocation, teachers and education methods also affect students social education level. Personal traits such as personality and social skills are equally important. Understanding these differences can help you take steps to promote overall development. The social education level of junior high school students varies greatly obviously, which is manifested in social skills, social responsibility and moral concepts. These differences were related to family background, personal traits, and school environment. In order to improve the social education level of junior high school students, the family, school and society need to work together.

Social education has a significant impact on the psychological development of primary school students and promoting self-cognition, emotional regulation and social skills. It helps students recognize their own strengths and weaknesses, enhance self-confidence and self-esteem, learn to manage emotions, develop empathy, and build a positive self-image through team activities and discussions. Social education also promotes students ability to build friendship, communicate effectively and resolve conflict, which has long-term implications for social adaptation and the development of interpersonal relationships. Families, schools and society should jointly provide social educational opportunities to support the improvement of students mental health and social adaptability. In junior high school, social education helps students understand social norms and cultural values, enhance their ability to solve problems and conflicts, and convey social values and shape a sense of responsibility through the interaction between school and family. Social education also contributes to the formation of positive interpersonal relationships and social support networks, but its effects are influenced by factors such as personal traits, family environment and school resources, requiring creating a supportive and inclusive educational environment.

When exploring the regulating effect of social support on the social education and psychological development of primary school students, the

research shows that the family environment, school culture and peer relationship jointly affect the social education effect and mental health state of primary school students. Social support not only provides the necessary emotional comfort and cognitive resources, but also further promotes the psychological development of primary school students by enhancing the individual self-efficacy and social adaptability [14].

The research points out that primary school students with a high level of social support are more able to maintain a positive attitude and effectively use social education resources in the face of learning pressure and interpersonal communication challenges, so as to achieve better results in psychological development. This support may come from positive feedback, encouragement, and reasonable expectations, which create a safe, supportive environment for pupils to grow up.

In addition, social support also reduces the occurrence and occurrence of negative behaviors by alleviating their anxiety and stress emotions, thus helping to maintain and promote their mental health. For example, when pupils experience learning difficulties or interpersonal problems, support from family, school or peers can help them establish problem-solving strategies and enhance self-regulation, thus showing more positive and adaptive traits during psychological development.

In conclusion, social support plays an important role in the social education and psychological development of primary school students. By providing stable emotional support, cognitive resources and positive feedback, social support not only helps to improve the level of social education, but also significantly promotes their mental health development. Therefore, it is of great significance to build a good social support system to promote the comprehensive and healthy growth of primary school students.

Social support plays an important role in the social education and psychological development of junior high school students. Research shows that junior high school students with higher levels of social support are more active in social education and individual psychological development. Social support mainly helps students to better adapt to the changes in adolescence and promote the development of their social skills by providing emotional support, resource access, and encouraging participation in social activities [15].

Emotional support, especially support from family and friends, can reduce the stress and anxiety faced by junior high school students, and enhance their self-confidence and social skills. When junior high school students feel the understanding and care from the people around them, they are more willing to share their ideas and problems, and this open communication is conducive to the improvement of their mental health and social adaptability.

In addition, social support can provide junior high students with necessary resources, including learning materials, channels for information exchange and opportunities to participate in social practice. These resources not only enrich

the students knowledge reserve, but also broaden their horizons, enabling them to understand the society more comprehensively, so as to better participate in social educational activities.

Social support can also encourage junior high school students to participate in social activities, such as volunteer service, community activities, etc. Through these activities, students can practice what they learn and enhance their sense of social responsibility and citizenship. At the same time, these activities also provide opportunities for students to communicate with people from different backgrounds, and promote the development of their social integration ability and teamwork ability.

To sum up, social support plays a positive role in regulating the social education and psychological development of junior high school students. It not only helps students to relieve pressure and enhance their self-identity, but also promotes the comprehensive development of their social skills and psychological quality. Therefore, strengthening the social support for junior high school students and creating a supportive growth environment is of great significance for promoting their social education and psychological development.

References:

1. Zhao Ting, Luo Xinrui. Research on social support for college students postgraduate entrance examination – Take the graduate students of X University as an example [J]. Society and Public Welfare, 2020, (09): 23-26.
2. Lu Jingjing. Relationship between social support and the mental health and personality characteristics of college students [J]. Psychology Monthly, 2019, (18): 57-58.
3. Kirill Valiyevich Zlokazov. Impact of the social environment on legal awareness [J]. Journal of Shanghai Public Security University, 2021, (06): 88-96.
4. Huang Mengyu. Study on the influence of interpersonal relationships on the moral judgment of high school students [J]. International Public Relations, 2020, (11): 63-64.
5. Jia Yanzhong. Analysis of the impact of social comparison on consumer behavior decision-making [J]. Business Economics Research, 2019, (20): 79-81.
6. Yang Caiyun. Research on the mechanism of discrimination perception on social alienation of community correction objects – intermediary effects based on identity integration and social support [J]. Journal of Zhejiang Gongshang University, 2022, (03): 127-139.
7. Lu Juan, Zhang Fangyi, Gong Huoliang. A new perspective of social support research: optimal matching theory [J]. Journal of Baoding University, 2021, (01): 115-120.
8. Shen Yanli. Exploring the influence of personality and social psychology on mental health [J]. Journal of Culture, 2020, (4): 131-133.
9. Cui Youbo, Yang Peng. The effect of social exclusion on community belonging – the mediation of social distancing [J]. Modern Management Science, 2019, (05): 112-114.
10. Li Weiqiang, Tang Ming, Song Cairong, Wu Xuqiu, Yuan Bo. The effect of group identification and social evaluation on negative group emotions [J]. Journal of Ningbo University (Education Science Edition), 2020, (01): 113-118.
11. Xiao Xinru, Li Yu. The influence of socioeconomic status on youth social participation – the intermediary effect based on social evaluation [J]. Journal of Wuxi Vocational and Technical College, 2022, (3): 57-63.

12. Wang Lei, Hu Chunmei. The relationship between social support and quality of life of residents in Tibet-related areas: the mediating role of crisis coping and positive emotions [J]. Research on Ethnic Education, 2023, (04): 90-98.
13. Huang Sijie. A Study on the Relationship between Social Support and Mental Health of College Students [J]. International Public Relations, 2023, (08): 127-129.
14. Hu Yu, Emperor Zhang, and Xu Shuhui. Analysis of the influencing factors of adolescent public welfare and their social functions – an empirical study based on a psychological perspective [J]. Journal of Southwest University for Nationalities (Humanities and Social Sciences Edition), 2019, (08): 218-225.
15. Xie Yongxiang. – based on CEPS data [J]. Sociological Review, 2023, (03): 217-238.

UDC 37.013.42+159.923

EXPLORATION OF THE ASSOCIATION BETWEEN SOCIAL SUPPORT SYSTEM AND ADOLESCENT MENTAL HEALTH EDUCATION

Chen Kangkang

Yantai Nanshan University, China
(e-mail: 1667719608 @qq.com)

In today's society, adolescent groups are faced with increasingly complex mental health challenges. With the rapid development of science and technology and the constant change of social environment, teenagers face more and more pressure. These pressures may come from multiple aspects, such as school, family, relationships, and future career planning. Therefore, how to effectively support adolescent mental health education has become a problem of discussion.

As an important social resource, the social support system plays a crucial role in the adolescent mental health education. Social support systems include multiple levels of family, school, friends and community. They provide emotional support, information support and help teenagers cope with various challenges in life by providing emotional support, information support and substantive help.

In recent years, the research on the association of social support system and adolescent mental health education has increased. These studies reveal the positive role of the social support system in adolescent mental health education, but also point out the existing problems and deficiencies. For example, some studies show that although the social support system has a positive impact on adolescent mental health, in practice, this effect is not fully played out due to the uneven distribution of resources and the single support mode [1].

In view of this, this study aims to deeply explore the association mechanism between social support system and adolescent mental health education, aiming to provide a scientific basis for optimizing adolescent mental

health education strategies. Through a review of the relevant literature, combining quantitative and qualitative research methods, this study will analyze the impact of social support system on adolescent mental health education, explore the promotion mechanisms, and analyze the correlation of social support system and adolescent mental health education. Through this study, we hope to provide reference and enlightenment for improving the mental health level of teenagers and building a more perfect social support system.

The purpose and significance of the study: adolescence is a key stage in the psychological development of life, and the mental health status of individuals during this period will have a profound impact on their future life. However, there are many factors in the current society that lead to the increasingly prominent mental health problems of teenagers, such as changes in family environment, increased academic pressure, and the impact of online social networking, which all bring great challenges to the mental health of teenagers. As an important social resource, the social support system is believed to effectively help adolescents cope with psychological stress and promote the development of their mental health. Therefore, this study aimed to explore the association between the social support system and adolescent mental health education, with specific research objectives including:

Clarify the influence mechanism of social support system on adolescent mental health education, and analyze how the various dimensions of social support system affect adolescent mental health education through different channels.

To evaluate the role of social support systems in adolescent mental health education, especially how social support systems can promote the implementation and effectiveness of adolescent mental health education.

To identify the key factors affecting the correlation between the social support system and adolescent mental health education and provide a scientific basis for optimizing the social support system.

From a broader perspective, the significance of this study is that:

Emphasize the important role of social support system in adolescent mental health education, and improve the awareness of the importance of adolescent mental health education.

To provide theoretical basis and practical guidance for policy makers and educators, and help them build a more effective mental health education system for teenagers.

Promote the optimization and improvement of the social support system, and jointly promote the development of adolescent mental health education by enhancing the support force of the community, school, family and other aspects.

In conclusion, this study is not only important for understanding the relationship between social support system and adolescent mental health education, but also provides theoretical support and empirical basis for practice in related fields, helping to promote the mental health development of young people and the harmony and stability of society as a whole.

Method and contents. This study aims to explore the association between social support system and adolescent mental health education, and analyze the promoting effect of social support on adolescent mental health education. To achieve this goal, this study adopts a combination of quantitative and qualitative research methods to obtain more comprehensive and in-depth research results .

The research contents include: (1) detailed analysis of the concept and characteristics of social support system and their role in adolescent mental health education; (2) investigating the current status of adolescent mental health education, identifying the existing problems and challenges; (3) exploring how social support system affects adolescent mental health education through different mechanisms, and analyzing the effectiveness and operability of these mechanisms; (4) evaluating the correlation between social support system and adolescent mental health education by statistical analysis based on the survey data, and further exploring its influence and effects 3.

The research methods mainly include: (1) literature review, constructing the theoretical framework by reviewing relevant research results at home and abroad; (2) questionnaire survey, designing questionnaire for adolescent mental health education and social support system, collecting extensive original data; (3) interview, select some interviewees for in-depth interviews to obtain more dimensional information; (4) data analysis, using descriptive statistics, factor analysis, regression analysis, etc. to reveal the correlation and influence mechanism between social support system and adolescent mental health education.

Through the above research contents and methods, this study hopes that it can provide a scientific basis for improving the quality of adolescent mental health education, and put forward specific suggestions for the construction of an effective social support system, so as to promote the development of adolescent mental health.

Current situation and problems: adolescence is the key stage of individual psychological development, and the mental health education in this period is of great significance for the growth of teenagers and the future social adaptation. However, the current adolescent mental health education faces various challenges and problems 5.

First, the prevalence of mental health education among adolescents is not high. In many schools, mental health education is often neglected, and the lack of systematic curriculum and professional instructors. In addition, families and society also pay insufficient attention to adolescent mental health, leading to the lack of timely and effective support and intervention when teenagers encounter psychological distress.

Secondly, the update of adolescent mental health education content lags behind. With the rapid development of society, the psychological pressure and challenges faced by teenagers are also changing constantly, but the content

update of mental health education often cannot keep up with these changes and cannot meet the actual needs of teenagers.

Moreover, the distribution of mental health education resources is uneven. There are large differences in mental health education resources between urban and rural areas and between different regions. Some areas are difficult to provide adequate mental health education services due to limited economic conditions or talent shortage.

In order to show the current situation of adolescent mental health education more intuitively, the following table lists the proportion data of adolescents participating in mental health education in various regions in recent years (tab. 1).

Table 1 – Research results

area	Participation rate (%)
Beijing	75
Shanghai	80
Guangdong	65
Sichuan	55
Jiangsu	70
Hunan	60

It can be seen from the table that the proportion of adolescents participating in mental health education varies significantly in different regions, which reflects the unbalanced allocation of mental health education resources.

In addition, the methods and means of adolescent mental health education also need to be further innovated and optimized. At present, traditional teaching is still the mainstream, but this way is often difficult to stimulate student's interest and sense of participation. Therefore, exploring more interactive and experiential teaching methods, such as role playing, group discussion, is crucial to improve the effectiveness of adolescent mental health education.

In short, the challenges and problems faced by adolescent mental health education need to be solved urgently. By strengthening the popularization and reform of mental health education and improving the quality and effect of education, the mental health development of teenagers can be better promoted.

When exploring the influence of social support system on adolescent mental health education, we found that social support significantly promotes adolescent mental health at multiple levels. Social support systems include many forms of support networks for family, school, peers, and community, which maintain and promote their mental health by providing emotional support, information support, and practical help to help teenagers cope with stress and challenges in life 10.

Table 2 – Research results

Support type	Teen feedback to the (%)	Mental health indicators improve the (%)
Emotional support	85	72
Information support	78	68
Practical help	70	63

From the table, the positive effect of emotional support on adolescent mental health was most pronounced, suggesting that enhanced emotional communication and understanding is crucial in adolescent mental health education. In addition, information support and practical help also promote adolescent mental health to some extent 11.

Through comparative analysis, we also found differences in the effects of different components of the social support system on adolescent mental health. For example, emotional support directly affects adolescent's emotional states and self-esteem, while information support and practical help focus more on providing problem-solving strategies and resources.

Moreover, the quality and availability of social support systems are also key factors affecting their effectiveness. High-quality social support can more effectively meet the needs of adolescents, and thus better promote their mental health. Therefore, these characteristics of the social support system should be fully taken into account in the design and implementation of adolescent mental health education programs to ensure the effectiveness and sustainability of educational activities.

In conclusion, the social support system plays an important role in adolescent mental health education. By strengthening the construction and optimization of the social support system, the mental health level of teenagers can be effectively improved to provide a solid foundation for their healthy growth.

Social support systems play a crucial role in adolescent mental health education. Through a multifaceted analysis, we can see how social support promotes adolescent mental health through different mechanisms. These mechanisms include providing emotional support, enhancing self-efficacy, improving coping strategies, and increasing social skills, among others (tab. 3).

Table 3 – Research results

Support type	influencing mechanism	embody
Emotional support	Improve emotional stability	Listening and empathy
Resource support	Improve the ability to solve problems	Information and material help
Cognitive support	Enhance the sense of self-efficacy	Suggestions and guidance
social support	Improve interpersonal relationships	Group activities and communication

Through the above table, we can clearly see the positive impact of the social support system on adolescent mental health in different dimensions. Emotional support helps teenagers build a sense of security, resource support provides practical help, and cognitive support enhances their self-confidence, while social support helps them build good interpersonal relationships.

Next, we demonstrate the proportion of various components of social support in adolescent mental health education through a pie chart.

In addition, social support systems provide a platform for teenagers to learn and practice social skills, which is extremely important for their long-term development. For example, by participating in group activities, adolescents can not only learn how to communicate effectively with others, but also learn how to cooperate and resolve conflicts in a team.

When exploring the correlation of social support system and adolescent mental health education, this study used a quantitative analysis method by collecting different types of social support data and data on adolescent mental health status, and using statistical software for correlation analysis. The analysis showed a significant positive relationship between social support system and mental health education in adolescents (tab. 4).

Table 4 – Research results

variable	description	average value	standard deviation
Social support satisfaction	High, medium and low	1.8	0.5
Mental health level	Excellent, good, medium, and poor	2.6	0.7

From the table, there is a strong positive correlation between social support satisfaction and mental health level. This finding suggests that a sound and effective social support system has an important role in promoting the mental health of adolescents.

Further statistical analysis revealed that multiple dimensions of social support, such as emotional support, information support and practical help, were closely related to the effectiveness of mental health education among adolescents. The level and level of emotional support directly affects teenagers self-esteem and sense of self-worth, while information support helps teenagers to acquire more knowledge and resources about mental health 12.

Moreover, through regression analysis, we found that factors such as family environment, school environment and community environment were also important variables affecting the correlation of social support system with adolescent mental health education. These environmental factors provide the necessary conditions and basis for the formation of social support.

In conclusion, the correlation analysis between social support system and adolescent mental health education shows that strengthening the construction of social support system, especially at the family, school and community levels, plays an important role in promoting the mental health level of adolescents. Future studies could further explore the specific mechanisms of the impact of different types of social support on adolescent mental health education and how social support systems can be effectively constructed and refined through policy and practice measures.

In exploring the relevance of the social support system to adolescent mental health education, we first need to clarify the definition of the two concepts and their performance in practice. Social support systems often refer to help and support networks from family, friends, schools, and the community in times of difficulties and stress. Adolescent mental health education refers to helping teenagers understand and manage their emotions, improve their psychological adaptability and problem-solving ability through educational activities 14.

Studies have shown that the social support system has a significant positive impact on adolescent mental health education. This influence is mainly reflected in the following aspects:

1. Enhance the psychological resilience of adolescents. The emotional support and resources provided by social support systems can help adolescent's better cope with challenges and stresses in life, thereby enhancing their psychological resilience.

2. Improve your mental health status. The acquisition of social support helps to reduce adolescent psychological stress and anxiety and promote the development of their mental health.

3. Promoting positive behavior patterns. A good social support environment can encourage adolescents to participate in active social activities and develop healthy interpersonal relationships and social skills.

Conclusion. The thorough exploration of the association between the social support system and the adolescent mental health education revealed a significant positive correlation between the two. It is found that a strong social support system can effectively promote the implementation of adolescent mental health education, specifically in the following aspects:

1. The social support system provides adolescents with necessary emotional support and resources, enhancing their coping with mental health problems and reducing psychological stress and anxiety. This support includes help from family members, school teachers, peers, and community workers.

2. By providing professional mental health education resources and information, social support systems help adolescents better understand their psychological state and learn effective coping strategies, thus improving their psychological resilience.

3. Social support systems can also encourage teenagers to participate in mental health education activities through building positive social environments,

so that they can gain positive influence and motivation in interaction and communication.

4. This study also indicates that the promoting effect of the social support system on the mental health education of adolescents is influenced by many factors, including the quality and scope of social support and the personal characteristics of the adolescents.

The social support system plays a crucial role in adolescent mental health education. It not only provides the necessary support and resources for adolescents, but also promotes the effective implementation of mental health education through multiple mechanisms. Therefore, it is of great significance to strengthen the construction of the social support system and optimize its functions to improve the mental health level of adolescents. Future studies should further explore the best practice models of social support systems and consider how these models can be effectively applied in adolescent mental health education in order to achieve better educational effects and social benefits.

This study revealed the strong link between the social support system and adolescent mental health education, and explored its promoting role and relevance. Based on these findings, the following suggestions and implications are presented:

1. Strengthen the communication and communication within the family. Family is an important part of the social support system, and parents should be encouraged to actively participate in the mental health education of teenagers, and create an environment for them to grow up full of love and support.

2. Schools should provide more mental health education resources. Schools are not only a place for knowledge transmission, but also an important platform for teenagers to form social support networks. Therefore, schools should be equipped with professional psychological counselors to regularly carry out mental health education courses and activities to help students understand and manage their emotions and enhance their psychological resilience.

3. Communities should play an active role. The community can organize various activities, such as parent-child sports meeting and adolescent mental health lectures, to enhance the mutual assistance and cooperation among community members, form an effective social support network, and play a positive role in promoting the development of adolescent mental health.

4. Raise public awareness of adolescent mental health problems. All sectors of society should make joint efforts to raise the public's attention to adolescent mental health, reduce misunderstanding and prejudice on psychological problems, and create an inclusive and supportive social atmosphere through media publicity and public welfare activities.

5. At the policy level, the support for adolescent mental health education should be strengthened. Government departments should formulate relevant policies, provide necessary financial support and policy guidance, encourage

and guide all sectors of society to invest more resources, and jointly promote the development of adolescent mental health education.

In conclusion, the social support system plays a crucial role in adolescent mental health education. Through the joint efforts of family, school, community and policy level, the mental health level of adolescents can be effectively improved and promote their all-round development. It is hoped that this study can provide reference for practical work in related fields and contribute to the healthy growth of adolescents.

References:

1. Guo Qiujuan. Sociological exploration of the causes of juvenile delinquency – from the perspective of family socialization function [J]. Office business, 2019, (21): 45-46.
2. Li Chengbo, Chen Jingying. Review of the research on the harm and influencing factors of mobile phone dependence among adolescents abroad [J]. Journal of The Three Gorges University (Humanities and Social Sciences edition), 2020, (01): 41-44 + 54.
3. Deng Shengli, Wang Ziyue. Summary of research on privacy behavior of minors on social networks abroad [J]. Journal of Information Resource Management, 2021, (04): 112-120.
4. Tao Liang. Internet access to juvenile crime prevention – from Hirschs theory of social control [J]. Journal of Youth Studies, 2020, (1): 38-43.
5. Wang Shunmei. The influence of family factors on juvenile delinquency and the path of social work intervention [J]. Society and Public Welfare, 2020, (06): 17-19.
6. Peng Zhen. Strengthen the construction of school social work system to improve the mental health status of students [J]. Social Work in China, 2023, (16): 22-24.
7. Yang Lixuan, Liu Hongguang, and Zhang Chi. Research on juvenile delinquency in China from the perspective of cultural psychology [J]. Journal of Henan Police College, 2022, (06): 61-66.
8. Chen Youxin. A study on the internal causes and influence of the problematic use of media by adolescents [J]. News Research Guide, 2022, (16): 22-24.
9. Deng Yufeng, Kang Jie. Study of the relationship between adolescent egocentrism and aggressive behavior based on canonical correlation analysis [J]. Research on juvenile delinquency prevention, 2023, (06): 30-36.
10. Yue Nan. Research on the current situation and training countermeasures of adolescent emotional management ability [J]. Beijing Youth Research, 2023, (03): 108-112.
11. Zhou Wei, Liu Jie. Effect, difference and pathway analysis of physical exercise on adolescent noncognitive performance – an empirical study based on CEPS data [J]. China Youth Research, 2022, (10): 21-28 + 20.
12. Zhu Chunlan, Jiang Dai. The value and space of social work intervention in network civilization governance – is based on the survey of youth workers [J]. Social Work and Management, 2020, (1): 66-71 + 81.
13. Ji Xiaowei. A social work intervention strategy for Internet addiction in teenagers from the perspective of advantage [J]. Grade & # 183; Classic, 2021, (8): 125-128.
14. Liu Yitong, Han Mingyou. Research on project operation in youth social work [J]. Intelligence, 2019, (19): 233.
15. Meng Fanqi, Meng Ding. Review of "future research" among adolescents abroad [J]. Journal of Qiqihar University (Philosophy and Social Sciences edition), 2022, (2): 127-131.

СЕКЦИЯ 4. ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ СФЕР

УДК 37.013.42:316.624-053.6

ПРОФИЛАКТИКА ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Н. Ю. Андрущенко, А. Л. Меньшуткина

Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова

(e-mail: andru-natalya@yandex.by)

Аннотация. Отклоняющееся поведение является актуальной социально-педагогической проблемой. Она требует разработки эффективных технологий, методов, форм превентивной работы. Цель исследования – изучить проблему отклоняющегося поведения и разработать программу его профилактики.

Ключевые слова: поведение, отклоняющееся поведение, несовершеннолетний, профилактика

PREVENTION OF DEVIANT BEHAVIOR IN MINORS

N. Yu. Andrushchenko, A. L. Menshutkina

Vitebsk, VSU named after P. M. Masherov

(e-mail: andru-natalya@yandex.by)

Abstract. Deviant behavior is a pressing social and pedagogical problem. It requires the development of effective technologies, methods, and forms of preventive work. The purpose of the study is to study the problem of deviant behavior and develop a program for its prevention.

Keywords: behavior, deviant behavior, minor, prevention

Отклоняющееся поведение является актуальной социально-педагогической проблемой. Она требует разработки эффективных технологий, методов, форм превентивной работы.

Вопросы отклоняющегося поведения находятся в поле зрения таких ученых как А.В. Хомич, В.Д. Менделевич, Е.В. Змановская [1-3].

Цель исследования – изучить проблему отклоняющегося поведения и разработать программу его профилактики.

Материал и методы. Исследование было проведено среди обучающихся 9–11 классов одной из школ Витебска. Участвовали 50 респондентов (25 девочек, 25 мальчиков).

Были использованы теоретические (анализ, сравнение, обобщение, систематизация) и эмпирические (методика «Склонность к отклоняющему поведению» – автор А.Н. Орел) методы, а также методы математической обработки данных.

Результаты и их обсуждение.

100 % (50 человек) обучающихся имеют:

- по шкале склонность к преодолению норм и правил – конформные установки, а также склонность следования стереотипам и общепринятым нормам поведения;

- по шкале склонности к аддиктивному поведению – хороший социальный контроль и не выраженность психологической потребности в аддиктивных состояниях;

- по шкале склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению – отсутствие готовности к реализации саморазрушающего поведения, отсутствие тенденции к соматизации тревоги, отсутствие склонности к реализации комплексов вины в поведенческих реакциях;

- по шкале склонности к агрессии и насилию – не выраженность агрессивных тенденций, неприемлемость насилия как средства решения проблем, нетипичность агрессии как способа выхода из фрустрирующей ситуации;

- по шкале волевого контроля эмоциональных реакций – жесткий самоконтроль любых поведенческих эмоциональных реакций, чувственных влечений.

2 % обучающихся (1 человек) по шкале склонности к делинквентному поведению имеет наличие делинквентных тенденций и низкий уровень социального контроля. 98 % респондентов по данной шкале не имеют выраженности делинквентных тенденций.

Несмотря на то, что исследование показало благоприятную ситуацию, профилактику отклоняющегося поведения среди несовершеннолетних, проводить необходимо, поскольку практически половина респондентов (40 %) имеют склонность давать социально-желательные ответы.

Задачи программы:

1. Повышение правовой грамотности подростков.
2. Формирование у несовершеннолетних здорового образа жизни и ответственности за противоправные поступки.
3. Повышение уровня знаний родителей в области профилактики отклоняющегося поведения подростков.

Целевая группа: подростки.

Сроки реализации: 2024/2025 учебный год.

Программа включает три этапа:

Первый этап – организационный. Определяется содержание программы, её цель и задачи, устанавливаются сроки проведения и участники.

Второй этап – внедренческий. Выполнение запланированных мероприятий и их анализ.

Третий этап – заключительный. Подведение итогов, анализ, обобщение и систематизация полученной информации о проблеме отклоняющегося поведения среди несовершеннолетних.

Для получения положительного результата необходима совместная и сплочённая работа всех заинтересованных лиц: педагога-психолога, педагога социального, сотрудников ОВД и ИДН, классного руководителя, в семейного окружения подростка.

Таблица 1 – Мероприятия по задаче 1: Повышение правовой грамотности среди подростков

Мероприятия	Сроки выполнения	Ответственные
1. Профилактическая беседа на тему: «Уголовная ответственность несовершеннолетних»	Сентябрь	Инспектор ИДН, педагог социальный
2. Правовая игра-соревнование на тему: «Имею право?!»	Октябрь	Классный руководитель, педагог социальный
3. Диалоговая площадка на тему: «Я и закон: права, обязанности и ответственность»	Ноябрь	Педагог социальный, инспектор ИДН
4. Круглый стол на тему: «Закон и порядок»	Декабрь	Педагог социальный
5. Разработка буклетов на тему: «Правовая грамотность несовершеннолетних»	Февраль	Педагог социальный, педагог-психолог
6. Правовой турнир на тему: «Закон и порядок»	Март	Педагог социальный
7. Квест-игра на тему: «Профилактика правонарушений»	Апрель	Педагог социальный, педагог-психолог

Таблица 2 – Мероприятия по задаче 2: Формирование у несовершеннолетних здорового образа жизни и ответственности за противоправные поступки

Мероприятия	Сроки выполнения	Ответственные
1. Марафон здоровья «Быть здоровым – модно»	Октябрь	Педагог-психолог, педагог социальный
2. Кинотренинг на тему: «Вейпинг: польза или вред?»	Декабрь	Педагог социальный

3. Занятие с элементами тренинга на тему: «Все в твоих руках»	Март	Педагог социальный, классный руководитель
---	------	---

Задача 3: повышение уровня знаний родителей о профилактике отклоняющегося поведения подростков

Мероприятия	Сроки выполнения	Ответственные
1. Занятие с элементами тренинга на тему: «Учимся понимать своего ребёнка»	Ноябрь	Педагог-психолог
2. Разработка буклетов по правовому воспитанию несовершеннолетних	В течение года	Педагог социальный, педагог-психолог
3. Всемирное кафе на тему: «Особенности подросткового возраста. Трудности в воспитании»	Январь	Педагог-психолог, педагог социальный
4. Индивидуальные и групповые консультации родителей, законных представителей	В течение года	Педагог-психолог, педагог социальный

Заключение. Большинство обучающихся имеют низкие показатели по содержательным шкалам (шкала склонности к преодолению норм и правил, шкала склонности к аддиктивному поведению, шкала склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению, шкала склонности к агрессии, шкала волевого контроля эмоциональных реакций, шкала склонности к делинквентному поведению). Только у 1 респондента средний показатель по шкале склонности к делинквентному поведению. Вместе с тем, исследование показало, что по шкале установки на социальную желательность (служебная шкала) 40 % опрошенных (12 девочек, 8 мальчиков) имеют высокую настороженность по отношению к психодиагностической ситуации и склонны давать ответы с сомнительной достоверностью по результатам шкал. Поэтому профилактическая работа должна проводиться и совершенствоваться.

Список использованных источников:

1. Хомич, А. В. Психология девиантного поведения: учеб. пособие / А. В. Хомич. – Ростов-на-Дону: Южно-Российский Гуманитарный Институт, 2006. – 140 с.
2. Менделевич, В. Д. Психология девиантного поведения / В. Д. Менделевич. – Санкт-Петербург: Речь, 2005. – 445 с.
3. Змановская, Е.В. Девиантное поведение личности и группы: учебное пособие / Е. В. Змановская, В. Ю. Рыбников. – Санкт-Петербург, 2017. – 352 с.

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ СОГЛАСИЯ В РАЗРЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ У ШКОЛЬНИКОВ

В. С. Биндовская, С. Д. Матюшкова

Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова

Аннотация. В данной статье рассмотрены формирование культуры согласия в разрешении социальных конфликтов у школьников. Понятие «конфликт» определяется как столкновение различных интересов и нужд, а его исследование охватывает работы известных мыслителей, таких как З. Фрейд и К. Левин. Цель данного исследования заключается в изучении культуры согласия в разрешении социальных конфликтов у учащихся. Статья подчеркивает необходимость обучения детей эффективным методам разрешения конфликтов для формирования культуры согласия и предотвращения социальных столкновений в будущем.

Ключевые слова: конфликты, социальные конфликты, культура согласия, подростки, разрешение социальных конфликтов.

FORMATION OF A CULTURE OF CONSENT IN RESOLVING SOCIAL CONFLICTS AMONG SCHOOLCHILDREN

V.S. Bindovskaya, S.D. Matyushkova

Vitebsk, VSU named after P. M. Masherov

Abstract. This article examines the formation of a culture of agreement in resolving social conflicts among schoolchildren. The concept of "conflict" is defined as a clash of different interests and needs, and its study covers the works of famous thinkers such as Z. Freud and K. Levin. The purpose of this study is to study the culture of agreement in resolving social conflicts among students. The article emphasizes the need to teach children effective methods of conflict resolution to form a culture of agreement and prevent social clashes in the future.

Key words: conflicts, social conflicts, culture of harmony, teenagers, resolution of social conflicts.

Сегодня нет необходимости доказывать, что проблемы, связанные с изучением конфликтов, имеют право на существование. Все те, кто так или иначе связан с проблемой взаимодействия людей между собой в практической деятельности, проявляют большой интерес к возникновению конфликтов и проблеме их эффективного решения.

Слово «конфликт» происходит от латинского *conflictus* – столкновение и практически в неизменном виде входит в другие языки (*conflict* – англ., *konflikt* – нем., *conflit* – франц.). Анализ определений конфликта, принятых в различных современных неспециальных энциклопедиях, обнаруживает их сходство.

Изучению проблемы конфликтов посвящены исследования ряд таких выдающихся философов, общественных деятелей, психологов, педагогов, социологов таких, как: З. Фрейд, У. Мак-Дуглас, К. Лоренс, К. Левин, Г. Спенсер, К. Маркс, Г. Зиммель, Л. Козер, К. Боулдинг и т.д. [1].

Т. Н. Кильмашкина считает, что анализ конфликтов должен начинаться с базового уровня, основанного на наборе потребностей, уникальных для каждого человека и социальной группы. Именно эти потребности определяют сущность чувств, убеждений, интересов и идей, лежащих в основе социальной борьбы [2].

Особенно важно умение грамотно решать конфликтные ситуации для участников образовательного процесса. Культура согласия в образовательном процессе – это важный аспект формирования здоровой и безопасной образовательной среды, который способствует как академическим, так и социальным успехам учащихся.

Этот термин подразумевает принципы уважения, взаимопонимания и активного участия всех участников процесса – педагогов, учащихся и их законных представителей. В качестве ключевых ценностей культура согласия провозглашает свободный и поощряемый обмен мнениями и предложениями, совместный поиск наилучших решений, в основе чего лежит индивидуальное стремление каждого участника процесса внести наибольший возможный вклад в формирование условий для долгосрочного устойчивого развития учреждения.

Таким образом, изучение конфликтов является актуальной и важной проблемой. Поэтому целью нашего исследования является изучение проблемы культуры согласия в разрешении социальных конфликтов у школьников.

Материал и методы. Для изучения диагностики и социальной профилактики конфликтов у школьников мы использовали методику Томаса-Килманна на выявление ведущего поведения в конфликтной ситуации (авторы К. Томас, Р. Килманн, в адаптации Н. В. Гришиной), а также методы математической обработки, анализа и обобщения данных. В самом исследовании приняли участие обучающиеся города Витебска в возрасте 14–15 лет, из них 18,8 % – юноши, 81,3 % – девушки.

Результаты и их обсуждение.

В ходе проведенного тестирования было выявлено, что большинство респондентов, так или иначе, сталкивались с конфликтными ситуациями.

Рассмотрим результаты более подробно.

В методике Томаса-Килманна нужно было выбрать из предложенных вариантов возможное поведение в конфликтных ситуациях.

Поиск компромиссного решения:

А. Иногда я предоставляю право решать проблему другим – 60 %.

В. Я стараюсь подчеркнуть общее в наших позициях, а не обсуждать спорные моменты – 40 % (рисунок 1).

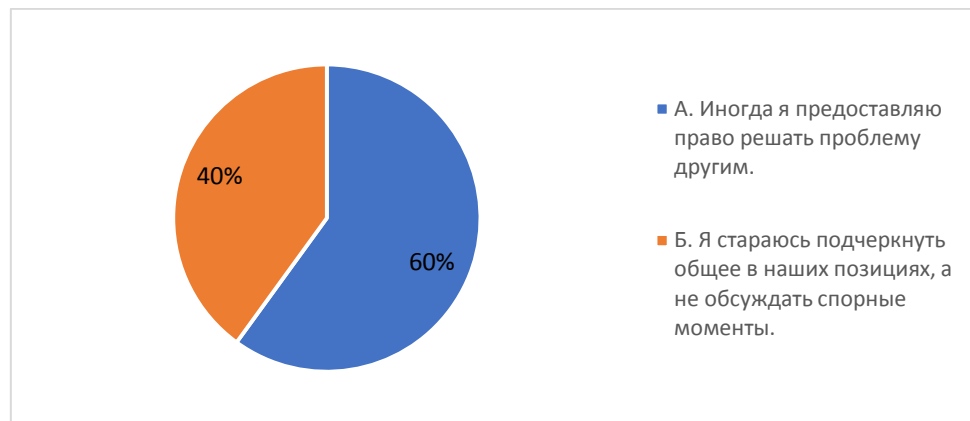

Рисунок 1 – Поиск компромиссного решения

Радует, что все принявшие участие в исследовании пробуют найти компромиссное решение и учесть все интересы: свои и оппонента в спорных ситуациях. Но при этом иногда могут пожертвовать собственными интересами ради интересов противоположной стороны.

Привлечение помощи других:

А. При выработке решения ищу помощи со стороны других – 30 %,

В. Я пытаюсь сделать все возможное, чтобы избежать ненужного обострения в отношениях – 70 % (рисунок 2).

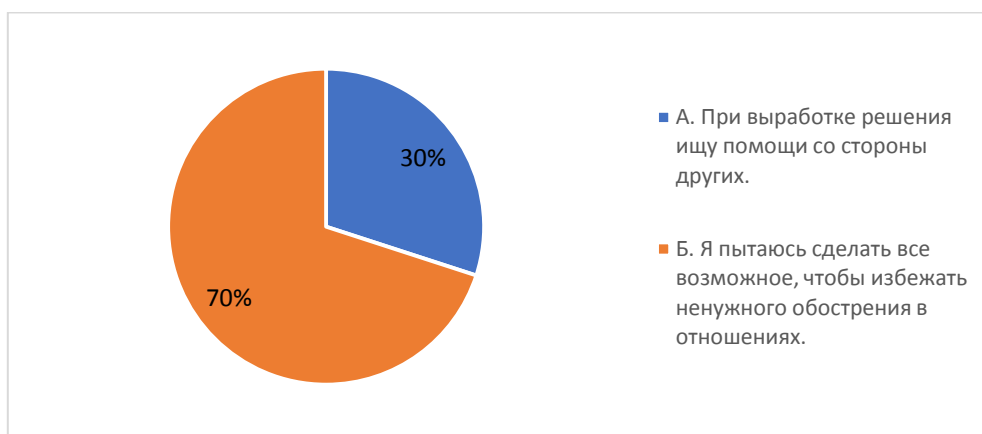

Рисунок 2 – Привлечение помощи других

Забота своей репутации:

А. Я пытаюсь не создавать себе репутацию неприятного человека – 80 %.

В. Я пытаюсь навязать другим свою позицию – 20 % (рисунок 3).

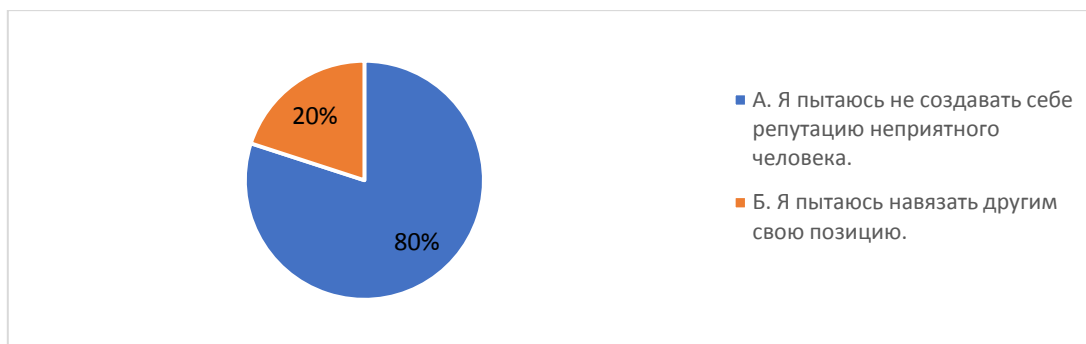

Рисунок 3 – Забота о репутации

Интересно, что все принявшие участие в исследовании так или иначе, при подготовке к переговорам стараются учитывать интересы оппонента (50 %) и склонны к непосредственному и открытому обсуждению проблемы (50 %).

И как итог, 90 % стараются найти решение проблемы совместно с оппонентом, 10 % – щадят чувства других.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно отметить, что школьники сталкивались с конфликтной ситуацией. А также у них преобладают следующие стили поведения в конфликтной ситуации: сотрудничество и компромисс, что говорит о правильном выходе из конфликтной ситуации по Томасу-Килманну. Но при этом присутствуют соперничество, избегание и приспособление. Следовательно, можно сказать следующее: не все умеют грамотно выходить из конфликтной ситуации.

Заключение. Таким образом, можно сказать, что все так или иначе сталкиваются с конфликтной ситуацией. Тем не менее, можно утверждать, что не все умеют грамотно справляться с данными ситуациями. Любой конфликт имеют свои причины. Причины возникновения социальных конфликтов могут лежать как внутри самого человека, так и быть частью внешней среды. И крайне важно своевременно обнаружить их эти.

Культура согласия в образовательном процессе – это не просто современный термин, а необходимость, которая требует внимания со стороны всех субъектов. Создание среды, где каждый чувствует себя услышанным и эффективным, значительно улучшает качество образования и способствует личностному росту не только учащихся, но и педагогов. Работа над развитием этой культуры требует времени и усилий, но её результаты должны оправдать все вложения: более гармоничные отношения, высокая академическая успеваемость и готовность обучающихся к социальным вызовам в будущем.

Список использованных источников:

1. Жуйкова, Т. Н. Социальный конфликт как предмет научного анализа / Т. Н. Жуйкова // Вестник Воронежского института МВД России. – 2012. – № 4(64). – С. 62-68.
2. Кильмашкина, Т. Н. Конфликтология: социальные конфликты / Т. Н. Кильмашкина. – Москва, 2014. – 279 с.

3. Биндовская, В. С. Межличностный конфликт в студенческой среде: представление молодежи / В. С. Биндовская, С. Д. Матюшкова // Повышение качества профессиональной подготовки специалистов социальной и образовательной сфер [Электронный ресурс] : сборник научных статей : текстовое электронное издание. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2024. – С. 56-59. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/44138> (дата обращения: 01.09.2024).

УДК 378.016:51

ПРИМЕНЕНИЕ ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ ПРИ ПОДГОТОВКЕ УЧИТЕЛЕЙ МАТЕМАТИКИ

И. Н. Ковальчук, Л. А. Иваненко

Мозырь, МГПУ имени И. П. Шамякина

(e-mail: inesakovalchuk@gmail.com, ivanenkolarisa1968@yandex.by)

Аннотация. Авторы приводят основные подходы к пониманию сущности практико-ориентированного обучения и рассматривают применение практико-ориентированного обучения будущих учителей математики по специальности «Физико-математическое образование» с предметной областью «Математика и информатика» через погружение их в профессиональную среду в ходе различных практик.

Ключевые слова: практико-ориентированное обучение, практико-ориентированный подход, педагогическая практика, опыт деятельности.

APPLICATION OF PRACTICE-ORIENTED LEARNING IN TRAINING TEACHERS OF MATHEMATICS

I. N. Kovalchuk, L. A. Ivanenko

Mozyr, MSPU named after I. P. Shamyakin

(e-mail: inesakovalchuk@gmail.com, ivanenkolarisa1968@yandex.by)

Abstract. The authors present the main approaches to understanding the essence of practice-oriented learning and consider the application of practice-oriented learning of future teachers of mathematics in the specialty "Physics and Mathematics Education" with the subject area «Mathematics and Computer Science» through their immersion in the professional environment during various practices.

Keywords: practice-oriented learning, practice-oriented approach, pedagogical practice, work experience.

Современное общество ставит перед высшей школой задачу подготовки не только хорошего исполнителя профессиональных функций, но и

субъекта профессиональной деятельности, осознающего её цели и несущего ответственность за её результаты, готового к саморазвитию и самореализации в профессиональной деятельности. Особенно актуальна и социально значима данная задача для педагогических вузов, которые нацелены на подготовку педагогов, готовых к работе сразу после студенческой скамьи, настроенных на постоянное профессиональное самообразование и самосовершенствование. Образовательные стандарты подготовки будущих педагогов предусматривают адекватность обучения современным требованиям, усиление его практико-ориентированности.

Проблеме формирования практико-ориентированной образовательной среды в вузе посвятили свои исследования Н. В. Бровка [1], И. А. Новик [5], А. В. Хуторской [6], Ф. Г. Ялалов [8], Т. А. Дмитриенко [3] и др.

Создание практико-ориентированной образовательной среды учреждения высшего образования является актуальной проблемой педагогики.

По мнению Ф.В. Шарипова, практико-ориентированное обучение – это «вид обучения, приоритетной целью которого является развитие у обучающихся способностей и готовности к практической работе, умений, необходимых сегодня в разнообразных сферах профессиональной деятельности, а также достижение понимания того, для чего были сформированы данные умения, где и как они реализуются в реальной практике» [7, с. 45]. Цель практико-ориентированного обучения заключается в том, чтобы помочь студенту применять полученные теоретические знания на практике, научиться самостоятельно решать профессиональные проблемы, быстро адаптироваться к профессии в современных условиях.

Практико-ориентированное обучение рассматривается сегодня с различной степенью охвата компонентов образовательного процесса:

- как формирование профессионального опыта студентов при погружении их в профессиональную среду в ходе различных практик (Ю. Ветров, Н. Клушина [2]);
- как использование в процессе обучения профессионально-ориентированных технологий и методик моделирования фрагментов будущей профессиональной деятельности на основе применения профессионально-направленного изучения профильных и непрофильных дисциплин (Т. Дмитриенко [3]);
- как приобретение кроме знаний, умений, навыков – опыта практической деятельности с целью достижения профессионально значимых компетенций, что является ничем иным как деятельностно-компетентностным подходом (Ф. Г. Ялалов [8]).

В отличие от традиционного образования, ориентированного на усвоение знаний, умений и навыков, практико-ориентированное обучение направлено на приобретение студентом опыта практической деятельности, который выступает как готовность студента к определённым действиям и операциям на основе имеющихся знаний, умений и навыков.

Цель данного исследования – обозначить возможности для осуществления практико-ориентированной подготовки будущих учителей математики в педагогическом учреждении высшего образования по образовательной программе бакалавриата по специальности 6-05-0113-04 «Физико-математическое образование (математика и информатика)».

Материал и методы. В качестве материала исследования были использованы: образовательный стандарт высшего образования (ОСВО 6-05-0113-04-2023) и учебный план специальности 6-05-0113-04 «Физико-математическое образование (математика и информатика)». В ходе исследования был проведен анализ педагогической и научно-методической литературы, интернет-источников; анкетирование студентов, молодых специалистов и работодателей.

Результаты и их обсуждение.

Рассмотрим реализацию практико-ориентированной подготовки преподавателей по образовательной программе бакалавриата по специальности 6-05-0113-04 «Физико-математическое образование» с предметной областью «Математика и информатика» в УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И.П.Шамякина».

Считаем, что практико-ориентированный учебный план специальности «Физико-математическое образование» с предметной областью «Математика и информатика», содержащий 2 учебные практики и 4 производственные практики, направлен не только на приобретение знаний, умений, навыков, но и опыта практической деятельности.

Практико-ориентированный подход к подготовке будущих учителей математики должен реализовываться с первых дней обучения в университете и способствовать поэтапному формированию профессиональных компетенций.

Первый курс – 1 этап (адаптационный). Адаптация к новому образовательному пространству.

Сложившаяся в вузе дисциплинарная модель освоения содержания педагогического образования требует более тесной взаимосвязи теоретической и практической подготовки учителей математики. И.А. Новик представила теоретическую концепцию формирования основ методической культуры учителя математики в педагогическом вузе, которая остаётся актуальной и сегодня. Методическая подготовка студентов должна осуществляться при условии целенаправленного обучения их методическим знаниям, умениям и навыкам с первого до выпускного курса во взаимосвязи с математической и психолого-педагогической подготовкой [5].

Согласны с тем, что «интеграция теории и практики процесса обучения студентов математике осуществляется в двух направлениях: от теории к практике и от практики к теории» [1, с. 90].

Первокурсники уже во втором семестре проходят ознакомительную практику в школе, которая закладывает основы практического освоения

педагогической профессией и ориентирована на включение студентов в наблюдение и анализ образовательного процесса и профессиональной деятельности педагога.

Во время ознакомительной практики студенты знакомятся со структурой, организацией и направлениями работы учреждения общего среднего образования; знакомятся со спецификой профессиональной деятельности учителя математики; с функциональными обязанностями, системой и содержанием воспитательной работы классного руководителя, изучают организационно-методические основы ведения школьной документации.

Большое внимание уделяется изучению нормативных документов по оформлению школьной документации. Например, студентам предлагаются следующие задания: 1) ознакомиться с правилами ведения и заполнения классного журнала на печатной основе (рубриками, правилами записи темы урока, возможными сокращениями, другими требованиями к оформлению); 2) ответить на вопросы «Какие нормы выставления отметок по предмету и какой документ их регулирует?».

Второй курс – 2 этап (ценностный). В результате теоретического обучения у студентов формируется понимание сущности и социальной значимости своей будущей профессии. В 4 семестре студенты проходят учебно-поисковую практику в школе в течение двух недель. После изучения дисциплин модуля «Педагогика и психология» практиканты выполняют интегрированные задания по педагогике, психологии и методике преподавания математики, которые способствуют углублению их теоретических знаний, развитию умений применять их в реальных педагогических ситуациях, профессионально адаптировать в условиях функционирования учреждений общего среднего образования, развитию исследовательских компетенций. Студенты закрепляют умения, работают со школьной документацией; развивают практические навыки наблюдения и последующего применения полученного опыта в собственной педагогической деятельности.

Третий курс – 3 этап (практический) содержит 2 производственные практики. педагогическую практику в учреждениях общего среднего образования в течение 5 недель и педагогическую практику в воспитательно-оздоровительных учреждениях образования в течение 3 недель. Непосредственное погружение в профессиональную деятельность на 5 недель предполагает проведение студентами традиционных и уроков с использованием инновационных образовательных технологий. Для развития у учащихся представлений о математике как форме описания и методе научного познания окружающего мира, создания условий для формирования опыта моделирования средствами математики студенты разрабатывают и проводят практико-ориентированные уроки. Во время прохождения педагогической практики в воспитательно-оздоровительных учреждениях образования студенты с головой окуна-

ются в воспитательный процесс, активно взаимодействуют с воспитанниками и их законными представителями.

Четвёртый курс – 4 этап (заключительный), включающий теоретическое обучение, методическую практику в 7 семестре, преддипломную практику в 8 семестре и сдачу государственного экзамена и защиту дипломной работы.

На методической практике проверяется готовность организовывать собственную деятельность, выбирать типовые методы и способы выполнения профессиональных задач, оценивать их эффективность и качество.

Преддипломная практика в 8 семестре в течение 3 недель является завершающим этапом обучения и проводится после освоения студентами всей программы теоретического и практического обучения. Одним из творческих заданий на практике является разработка и апробация методического проекта по теме школьного курса математики. Для качественного выполнения проекта студентам необходимо владение академическими, профессиональными, социально-личностными компетенциями специалиста [4]. Защита методического проекта осуществляется на государственном экзамене по специальности.

Заключение. Таким образом, практико-ориентированный подход к построению образовательного процесса способствует созданию условий для подготовки конкурентоспособных учителей математики, готовых к профессиональной деятельности в современных условиях.

Список использованных источников:

1. Бровка, Н. В. Интеграция теории и практики в обучении математике как средство повышения качества подготовки студентов / Н. В. Бровка. – Минск: БГУ, 2009. – 243 с.
2. Ветров, Ю. Практико-ориентированный подход / Ю. Ветров, Н. Клушина // Высшее образование в России. – 2002. – № 6. – С. 43 - 46.
2. Дмитренко, Т. А. Профессионально-ориентированные технологии в системе высшего педагогического образования как педагогическая проблема / Т. А. Дмитренко // AlmaMater. – 2002. – №7. – С.55-56.
3. Иваненко, Л. А. Подготовка будущих учителей к формированию у учащихся метапредметных компетенций на уроках математики/ Л. А. Иваненко, И. Н. Ковальчук // Веснік Мазыр. дзярж. пед. ун-та. імя І. П. Шамякіна. – 2019. – № 2(54). – С. 86-90.
4. Новик, И. А. Формирование методической культуры учителя математики в педвузе / И. А. Новик. – Минск : БГПУ, 2003. – 173 с.
5. Хуторской, А. В. Компетентностный подход в обучении: Научно-методическое пособие / А. В. Хуторской. – М. : Изд. «Эйдос», 2013. – 73 с.
6. Шарипов, Ф. В. Педагогика и психология высшей школы: учеб. пособие / Ф. В. Шарипов. – М. : Логос, 2012. – 448 с.
7. Ялалов, Ф. Г. Многомерные педагогические компетенции / Ф. Г. Ялалов // Педагогика: научно-теоретический журнал Российской академии образования. – 2012. – № 4. – С. 45-53.

АРТ-ТЕРАПИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ МОЛОДЫХ ИНВАЛИДОВ

Л. В. Королькова, А. С. Янкович
Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова
(e-mail: ankovica50@gmail.com)

Аннотация. Арт-терапия играет ключевую роль в социокультурной реабилитации молодых инвалидов, улучшая их эмоциональное состояние и социальную адаптацию. Исследование оценивает её эффективность, используя опросник «Индекс жизненной удовлетворённости». Результаты показывают, что арт-терапия повышает уверенность, самооценку и интерес к жизни, развивает творческие и социальные навыки. Программа включает диагностику, индивидуальные занятия и оценку результатов. Арт-терапия способствует эмоциональной грамотности и социальной интеграции, улучшая качество жизни.

Ключевые слова: молодые инвалиды, эмоциональное состояние, жизненная удовлетворённость, социальная интеграция, социокультурная реабилитация.

ART THERAPY AS A TOOL FOR SOCIO-CULTURAL REHABILITATION OF YOUNG DISABLED PEOPLE

L. V. Korolkova, A. S. Yankovich
Vitebsk, VSU named after P. M. Masherov
(e-mail: ankovica50@gmail.com)

Abstract. Art therapy plays a key role in the socio-cultural rehabilitation of young people with disabilities, improving their emotional state and social adaptation. The study evaluates its effectiveness using the Life Satisfaction Index questionnaire. Results show that art therapy increases confidence, self-esteem and interest in life, and develops creative and social skills. The program includes diagnostics, individual sessions and evaluation of results. Art therapy promotes emotional literacy and social integration, improving the quality of life.

Keywords: young disabled people, emotional state, life satisfaction, social integration, socio-cultural rehabilitation.

Арт-терапия является важным инструментом в социокультурной реабилитации молодых инвалидов. Она позволяет участникам выразить свои эмоции и переживания через творчество, что способствует улучшению их эмоционального состояния и социальной адаптации. В условиях современ-

ного общества арт-терапия открывает новые возможности для развития личных и социальных навыков, облегчая включение в социум и повышая качество жизни. Через творческий процесс молодые люди обретают уверенность в себе, учатся взаимодействовать с окружающими и находят поддержку в группе [1].

Целью данного исследования является выявление эффективности арт-терапии в улучшении эмоционального состояния и социальной адаптации молодых людей с инвалидностью. Исследование стремится определить, насколько арт-терапия способствует повышению уровня жизненной удовлетворённости и улучшению психоэмоционального баланса участников.

Актуальность данной темы обусловлена насущной потребностью в поиске и внедрении инновационных методов реабилитации, которые не только способствуют улучшению психоэмоционального состояния, но и облегчают социальную интеграцию молодых инвалидов. В условиях современного общества использование арт-терапии может стать важным инструментом для повышения качества жизни этой группы населения.

Материал и методы. В рамках исследования был использован опросник «Индекс жизненной удовлетворённости» (ИЖУ), адаптированный Н. В. Паниной. В нём приняли участие 25 респондентов. Цель опросника заключается в измерении уровня удовлетворённости жизнью, а также в выявлении ключевых факторов, влияющих на эмоциональное благополучие и социальную активность участников. Результаты опроса позволят оценить влияние арт-терапии на различные аспекты жизни молодых людей с инвалидностью [2].

Результаты и их обсуждение.

В ходе анализа данных, собранных от 25 респондентов – молодых инвалидов, были выявлены ключевые аспекты их жизненной удовлетворённости и эмоционального благополучия.

Первым важным параметром является интерес к жизни. Около 30 % участников оценили свой интерес на высоком уровне, что свидетельствует о высоком уровне увлеченности. В то же время 60 % респондентов указали на средний уровень интереса. Это может говорить о наличии хобби и увлечений, но также подчеркивает необходимость дополнительной поддержки для повышения энтузиазма в повседневной жизни. 10 % участников оценили свой интерес на низком уровне, что указывает на низкую вовлеченность в жизненные процессы. Таким образом, умеренный интерес к жизни требует внимания и ресурсов для его повышения.

Следующим аспектом является последовательность в достижении целей. Из респондентов 28 % отметили высокую решительность и стойкость в реализации своих целей. 32 % указали на среднюю последовательность, тогда как 40 % проявили пассивность и затруднения в достижении поставленных задач. Это говорит о наличии мотивации и стремления к самораз-

виту у части участников, однако необходимо работать над формированием активной жизненной позиции у тех, кто испытывает трудности.

Также было проанализировано согласие между поставленными и достигнутыми целями. 36 % респондентов уверены в том, что достигли своих важных целей, тогда как 44 % отметили, что частично достигли поставленных задач, но еще предстоит работа. 20 % участников выразили неуверенность в достижении своих целей. Высокий уровень согласованности у значительной части участников свидетельствует о позитивном самоощущении и уверенности в своих силах. Тем не менее, важно поддерживать тех, кто испытывает трудности в этой области.

Что касается положительной оценки себя и собственных поступков, то 40 % испытуемых имеют высокую самооценку, в то время как 30 % оценивают себя как средних по качествам и достижениям. 20 % участников выразили сомнения в своих качествах и возможностях, а 10 % имеют очень низкую самооценку. Высокая самооценка у значительного числа респондентов является положительным фактором для их эмоционального благополучия, однако важно уделить внимание тем, кто испытывает сомнения в себе.

Далее был исследован общий фон настроения участников. Около 32 % респондентов имеют оптимистичный взгляд на жизнь, тогда как 48 % придерживаются нейтрального отношения. 20 % испытуемых выражают пессимистичные взгляды. Оптимизм является важным аспектом эмоционального благополучия, и низкий уровень оптимизма у остальных участников подчеркивает необходимость разработки программ, направленных на улучшение общего настроения и эмоционального фона.

На основании результатов опроса, демонстрирующих разнообразие уровней удовлетворенности жизнью и эмоционального благополучия среди молодых инвалидов, была разработана программа коррекции и стабилизации эмоционального состояния с использованием арт-терапии. Эта программа помогает участникам справляться с негативными эмоциями, повышает интерес к жизни, развивает последовательность в достижении целей и улучшает самооценку, что значительно повышает уровень жизненной удовлетворенности.

Программа способствует развитию эмоциональной грамотности, позволяя участникам осознавать и выражать свои эмоции, а также находить здоровые способы реагирования на них. Через творческие процессы арт-терапии молодые люди обретают уверенность в себе и своих способностях, что улучшает их самооценку и самопонимание. Арт-терапия также стимулирует творческое мышление и воображение, развивает креативность и новые способы решения проблем. Участие в создании произведений и их обсуждение с другими способствует формированию социальных навыков и поддерживает чувство принадлежности к группе.

В целях эффективной реализации программы она разделена на четыре блока.

Блок 1: Диагностика эмоционального состояния.

Провести диагностические обследования молодых людей с инвалидностью для определения их эмоционального состояния и потребностей в арт-терапии. Критерии результативности включают сбор информации о психологическом состоянии участников, выявление основных проблем и потребностей в арт-терапии, а также определение индивидуальных особенностей и предпочтений.

Блок 2: Проведение арт-терапевтических занятий.

1. Изотерапия.

В рамках изотерапии, цель которой заключается в развитии навыков самовыражения, снижении тревожности и улучшении настроения, участникам предлагается исследовать тему «Мир через цвет». Это осуществляется через создание абстрактных картин, пейзажей и портретов различными техниками, такими как акварель, гуашь и акрил. Участники могут попробовать метод свободного рисования, где они создают визуальные образы своих внутренних переживаний, а также работают с теплыми и холодными цветами, что помогает исследовать эмоции. Дополнительно, монотипия как метод создания отпечатков на бумаге способствует экспериментам с формой и цветом, что развивает творческие способности и снижает уровень стресса.

2. Лепка и скульптура.

Следующим направлением является лепка и скульптура, которые помогают улучшить физическое состояние, развить координацию движений и повысить самооценку. Темой этого блока является «Формы эмоций», и участники создают объемные фигуры из глины, пластилина и гипса, исследуя свои чувства через тактильные ощущения. Создание масок позволяет визуализировать различные аспекты своей личности, а пластилинография развивает координацию и творческое мышление.

3. Коллаж и аппликация.

Коллаж и аппликация, как еще одно направление, направлено на улучшение эмоционального состояния участников через творческую деятельность. Участники создают коллажи на разные темы, например, «Моя мечта» или «Мой внутренний мир», что позволяет структурировать и визуализировать мысли и чувства. Аппликации, рассказывающие о значимых событиях жизни, помогают осознать и выразить личный опыт, а фотоколлажи работают с личной историей и воспоминаниями.

4. Музыкотерапия.

Музыкотерапия фокусируется на снижении уровня стресса, развитии музыкальных способностей и улучшении настроения с темой «Эмоции в звуках». Участники могут играть на музыкальных инструментах, заниматься музыкальными импровизациями и вокальными упражнениями. Свободная игра на инструментах позволяет выражать эмоции через звуки,

обсуждение музыки способствует пониманию и выражению чувств, а создание собственных музыкальных произведений развивает креативность.

5. Танцевальная терапия.

Танцевальная терапия направлена на улучшение физического состояния, развитие координации движений и повышение самооценки. В рамках темы «Движение и эмоции» используется танец для выражения и регулирования эмоционального состояния. Участники занимаются свободным танцем, что позволяет им двигаться под музыку и выражать свои чувства через движение, снимая напряжение и улучшая настроение. Кроме того, практикуются импровизационные упражнения, которые способствуют развитию креативности и осознанности тела, а ритмическая гимнастика помогает улучшить координацию и физическую активность [3].

Ожидается, что эти занятия способствуют улучшению психологического состояния и качества жизни молодых людей с инвалидностью, а также повышают их адаптационные возможности и социальную интеграцию.

Блок 3: Проведение мастер-классов и тренингов по развитию творческих навыков и эмоциональной устойчивости для молодых инвалидов.

В рамках данного блока планируется организовать мероприятия, направленные на повышение творческой активности и эмоционального благополучия участников, что станет основным критерием результативности реализации данной программы. Ожидается, что после участия в мастер-классах и тренингах уровень творческой активности и эмоциональной устойчивости молодых инвалидов существенно возрастет. Также запланировано улучшение навыков релаксации, что позволит снизить уровень психологической нагрузки и стресса благодаря специальным техникам релаксации. Мы стремимся к тому, чтобы увеличилось количество молодых инвалидов, успешно применяющих приобретенные навыки для улучшения своего психологического состояния.

Содержание мероприятия будет включать в себя два ключевых направления. Первое направление – это проведение мастер-классов и тренингов, целью которых является развитие творческих навыков и эмоциональной устойчивости участников. Мастера на этих занятиях будут делиться своим опытом, давать рекомендации, тем самым способствуя улучшению эмоционального состояния и развитию творческих способностей. В рамках этих мастер-классов планируется проводить такие занятия, как «Я и моё настроение», «Как справиться с плохим настроением?», а также творческие упражнения «Рисуем эмоции» и «Цвет настроения».

Второе направление включает в себя проведение техники релаксации для снятия психологической нагрузки. Главная цель этой части программы – снижение уровня стресса и улучшение общего психического здоровья молодых людей с инвалидностью. В ходе занятий будет акцент сделан на развитие навыков саморегуляции и умения справляться с негативными эмоциями. Участники ознакомятся с различными техниками релаксации,

такими как дыхательные упражнения, прогрессивная мышечная релаксация, медитация и визуализация.

Ожидаемыми результатами проведения данных мероприятий станут улучшение творческих способностей молодых людей с инвалидностью, развитие навыков эмоциональной устойчивости, повышение качества жизни и успешная адаптация в обществе. Кроме того, участники освоят методы релаксации, такие как дыхательные упражнения, медитация и мышечное расслабление, что способствует снижению уровня стресса и тревожности, а также улучшению общего психологического состояния.

Блок 4: Оценка эффективности арт-терапевтических занятий для молодых инвалидов.

В этом блоке мы сосредоточимся на оценке результативности арт-терапевтических мероприятий, направленных на поддержку и развитие молодых инвалидов. К основным критериям результативности данной задачи относятся выявление изменений в уровне эмоционального состояния участников после участия в арт-терапии, а также оценка влияния этих занятий на общее эмоциональное состояние молодых людей с инвалидностью. Кроме того, мы будем анализировать эффективность предоставленной психологической помощи и социальной поддержки, исходя из динамики эмоциональных изменений у участников.

Ожидаемым результатом реализации данных мероприятий станет получение данных об изменениях в эмоциональном состоянии молодых инвалидов после прохождения арт-терапевтических занятий. Это позволит подробно оценить эффективность данной методики работы с данной категорией клиентов и, при необходимости, внести изменения в программу для достижения наилучших результатов.

Внедрение арт-терапевтических мероприятий для молодых людей с инвалидностью требует тщательного планирования и координации, но приносит значительные позитивные результаты. Разработанная программа способствует улучшению эмоционального состояния, развитию личностных и социальных навыков, а также общему повышению качества жизни участников. Арт-терапия является эффективным методом профилактики и стабилизации эмоционального состояния, предоставляя молодым людям с инвалидностью возможность для самовыражения, творчества и личностного роста.

Список использованных источников:

1. Сидорова, И. В. Роль арт-терапии в реабилитации инвалидов / И. В. Сидорова, В. П. Иванов // Социальная работа. – 2017. – № 3. – С. 23-31.
2. Панина, Н. В. Индекс жизненной удовлетворённости: методика и применение / Н. В. Панина. – Киев : Наука, 2018. – 198 с.
3. Гуревич, К. М. Арт-терапия: теория и практика / К. М. Гуревич. – М. : Академия, 2020. – 256 с.

**ОЦЕНКА ЗНАНИЙ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ
ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ О ПРИМЕНЕНИИ
ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ
СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ**

С. Д. Матюшкова, Ю. А. Зайцева
Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова
(e-mail: matyushkovasd@mail.ru)

Аннотация. В данной статье рассмотрены представления будущих специалистов по социальной работе о применении информационно-коммуникативных технологий в социальной сфере как важного и неотъемлемого аспекта. На данный момент специалисты по социальной работе активно используют информационно-коммуникативные технологии для обмена информацией, организации работы с коллегами и получателями услуг, анализа и обработки поступающих данных, а также решения различных социальных проблем. Использование данных технологий в центрах значительно улучшает качество предоставляемых услуг, обеспечивает быстрый доступ к информации и повышает эффективность работы специалистов по социальной работе.

Ключевые слова: социальное обслуживание, информатизация социальной сферы, информационно-коммуникативные технологии.

**ASSESSMENT OF THE KNOWLEDGE OF FUTURE SOCIAL WORK
SPECIALISTS ABOUT THE APPLICATION OF INFORMATION
AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN THE ACTIVITIES
OF TERRITORIAL SOCIAL SERVICE CENTERS**

S. D. Matyushkova, Yu. A. Zaitseva
Vitebsk, VSU named after P. M. Masherov
(e-mail: matyushkovasd@mail.ru)

Abstract. This article examines the ideas of future social workers about the use of information and communication technologies in the social sphere as an important and integral aspect. At present, social workers actively use information and communication technologies to exchange information, organize work with colleagues and service recipients, analyze and process incoming data, and solve various social problems. The use of these technologies in centers significantly improves the quality of services provided, provides quick access to information and increases the efficiency of social workers.

Keywords: social services, informatization of the social sphere, information and communication technologies.

Важной составляющей информатизации социальной сферы является разработка и внедрение модернизационных информационно-коммуникативных технологий, таких как автоматизированные системы, электронные базы данных, программное обеспечение для автоматизации процессов работы учреждений социального обслуживания и т.д. Информационно-коммуникативные технологии играют важную роль на данном этапе развития социальной работы. Они повышают уровень эффективности работы, как специалистов, так и работников социальной сферы, а также обеспечивают доступность услуг и необходимой помощи различным категориям населения.

Исходя из вышесказанного, можно сформулировать определение информационно-коммуникативных технологий. Информационно-коммуникативные технологии – это совокупность средств, методов и процессов передачи, обработки и хранения информации с использованием компьютеров, программного обеспечения и сети Интернет. Данные технологии помогают собирать, хранить, обрабатывать и передавать информацию более эффективно, создавая новые возможности для улучшения оказания социальных услуг и обеспечения потребностей граждан.

На данный момент специалисты по социальной работе активно используют информационно-коммуникативные технологии для обмена информацией, организации работы с коллегами и получателями услуг, анализа и обработки поступающих данных, а также решения различных социальных проблем. Использование данных технологий в ТЦСОН значительно улучшает качество предоставляемых услуг, обеспечивает быстрый доступ к информации и повышает эффективность работы специалистов по социальной работе [1; 2]. В связи с этим можно сформулировать цель нашей статьи, которая заключается в оценке уровня осведомленности студентов как будущих специалистов по социальной работе о применении информационно-коммуникативных технологий в территориальных центрах социального обслуживания населения.

Материал и методы. Для достижения поставленной цели было проведено исследование с помощью таких методов, как анкетирование, математическая обработка, анализ и интерпретация данных. В исследовании приняли участие студенты 3-4 курса ВГУ имени П. М. Машерова факультета социальной педагогики и психологии специальности «Социальная работа (социально-психологическая деятельность)».

Результаты и их обсуждение.

Согласно результатам анкетирования была проведена оценка знаний студентов о внедрении и функциях основных информационно-коммуникативных систем, которые применяются специалистами по социальной работе в ТЦСОН. Было обнаружено, что 55,56 % студентов знают о внедрении в ТЦСОН системы учета народонаселения «Регистр населения». Однако 44,44 % респондентов оказались недостаточно информированными о применении данной системы (рисунок 1).

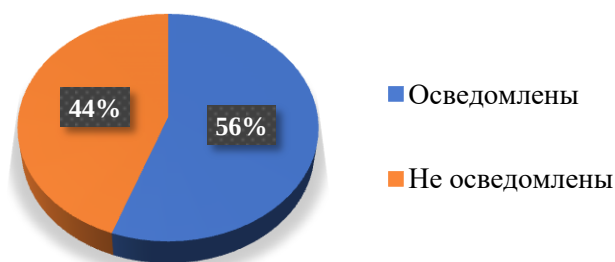

Рисунок 1 – Осведомленность студентов о внедрении в ТЦСОН системы учета народонаселения «Регистр населения»

Относительно понимания студентами назначения и функций системы народонаселения «Регистр населения» можно отметить, что лишь 48,15 % обладают соответствующими знаниями. В то же время 51,85 % студентов затруднились описать подробно цели и функции данной системы. Такой показатель может быть связан с их меньшим интересом к этой теме или ограниченным доступом к приобретению практического опыта.

Проанализировав ответы респондентов, выявлено, что 81,48 % студентов осведомлены о функционировании государственной системы социальной защиты (ГИССЗ) в ТЦСОН. Это свидетельствует о том, что эта информация достаточно широко распространена среди студентов, и они имеют понимание о том, что такая система существует и применяется специалистами ТЦСОН. Но относительно небольшой процент респондентов (18,52 %) не знают о внедрении данной системы в деятельность специалистов по социальной работе (рисунок 2).

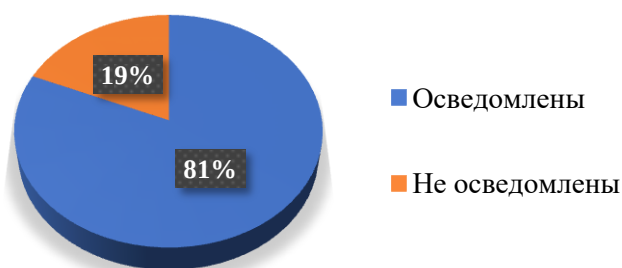

Рисунок 2 – Осведомленность студентов о функционировании государственной системы социальной защиты (ГИССЗ)

На основе результатов анкетирования можно отметить, что 48,15 % студентов знают, в чем заключается назначение государственной системы социальной защиты (ГИССЗ). Однако, удивительным фактом является то, что больше половины опрошенных студентов (51,48 %) затруднились рассказать о функциях данной системы. Данный результат показывает, что студенты не достаточно осознали роль ГИССЗ и какие функции она выполняет.

Исходя из ответов респондентов, очевидно, что 40,74 % опрошенных осведомлены о внедрении в деятельность ТЦСОН автоматизированной справочно-статистической системы по труду и социальной защите (АССС «Труд и соцзащита»). Однако, значительное количество студентов (59,26 %) не достаточно знают о внедрении данной системы (рисунок 3).

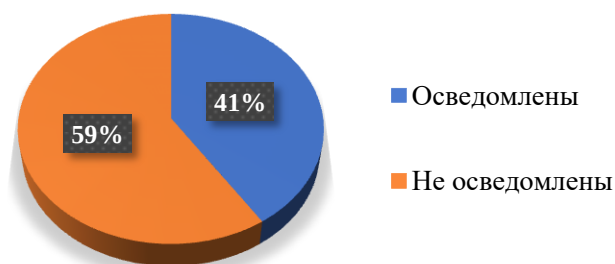

Рисунок 3 – Осведомленность студентов о функционировании автоматизированной справочно-статистической системы по труду и социальной защите (АССС «Труд и соцзащита»)

При упоминании о назначении и функциях АССС «Труд и соцзащита» в ТЦСОН следует отметить, что только 14,18 % студентов обладают знаниями о целях и применении данной системы. Это означает, что остальные 85,19 % студентов не должны осведомлены или осознали необходимости в этих знаниях о функционировании автоматизированной справочно-статистической системы по труду и социальной защите, которая является важным инструментом для анализа и мониторинга данных в учреждениях социального обслуживания.

Что касается применения в учреждениях социального обслуживания автоматизированной информационной системы (АИС «ТЦСОН»), то можно сказать, что об этом аспекте осведомлено 48,15 % студентов. Большая же часть студентов (51,85 %) недостаточно знает о функционировании данной системы в ТЦСОН (рисунок 4).

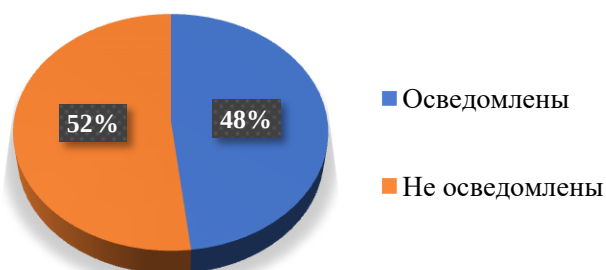

Рисунок 4 – Осведомленность студентов о функционировании автоматизированной информационной системе (АИС «ТЦСОН»)

О назначении и функциях автоматизированной информационной системы (АИС «ТЦСОН») знает лишь 25,93 % респондентов. Большой процент студентов (74,07 %) не достаточно знают о функциях данной системы. Такой показатель может быть связан, в том числе ограниченным доступом к приобретению практического опыта.

Заключение. Проведенное исследование позволяет оценить уровень осведомленности студентов как будущих специалистов по социальной работе о внедрении и функционировании основных информационно-коммуникативных технологий, применяемых в ТЦСОН. В среднем 54,4 % опрошенных студентов знают, что специалисты по социальной работе используют различные информационные системы в ТЦСОН. Это свидетельствует о среднем уровне осведомленности студентов о применении в ТЦСОН автоматизированных систем в работе с различными категориями населения. Однако, когда речь идет о назначении и функциях данных систем, большинство студентов (65,4 %) не имеют достаточной информированности по данному вопросу. Это указывает на необходимость дополнительного обучения студентов и более глубокого ознакомления с функционированием информационно-коммуникативных технологий, используемых в ТЦСОН. Владение данными знаниями является важной составляющей для будущих специалистов социальной работы, поскольку информационные системы играют ключевую роль в эффективном предоставлении социальных услуг и улучшении обслуживания населения. Для того, чтобы повысить уровень осведомленности студентов нужно реализовывать обучающие программы и семинары, направленные на информирование и обучение применению информационных систем в ТЦСОН. Также можно рассмотреть возможность введение в учебный план специального курса, который будет посвящен изучению данных систем. Это поможет гарантировать, что будущие специалисты по социальной работе будут более качественно подготовлены для работы с современными информационными технологиями и смогут наилучшим образом использовать их потенциал для оказания помощи и поддержки населению.

Список использованных источников:

1. Долматова, Е. Н. Использование информационных технологий специалистом по социальной работе / Е. Н. Долматова, Е. Н. Петрова // Научные труды Калужского государственного Университета имени К. Э. Циолковского: международная научно-практическая конференция (г. Калуга, 17-18 апреля 2019 г.). – Калуга, 2019. – С.451-454.
2. Социальная практика Союзного государства: энциклопедия / [сост. Е. Л. Михайлова, Т. Д. Вакушенко, С. Д. Матюшкова] ; М-во образования Республики Беларусь, Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова», Каф. социально-педагогической работы. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2022. – 171с. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/36215> (дата обращения: 01.04.2024).